

m a g i c u m

САЙРУС Г. ГОРДОН

ЗАБЫТЫЕ
ПИСЬМЕНА

ОТКРЫТИЕ И ДЕШИФРОВКА

Дополненное и расширенное издание

m a g i c u m

CYRUS H. GORDON

FORGOTTEN
SCRIPTS

THEIR ONGOING DISCOVERY
AND DECIPHERMENT

New York: Basic Books, Inc.,
1982

УДК 80
ББК 81
Г67

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Пер. с англ. под общей редакцией: д. и. н. *Дандамаева М. А.*
Научный редактор: к. и. н. *Емельянов В. В.*

Гордон Сайрус Герцль

Г67 «Забытые письмена». Открытие и дешифровка /
Пер. с англ. Русиновой Э. С. под общей редакцией Дан-
дамаева М. А.; послесловие Емельянова В. В. — СПб.:
Издательская группа «Евразия», 2002. — 224 с.
ISBN 5-8071-0054-9

Имя профессора Сайруса Герцля Гордона (1908–2001) хо-
рошо известно как узкому кругу специалистов-ассириологов,
так и огромному числу читателей в Европе и США. Среди
книг, посвященных истории письменности, труд Гордона
выделяется своей основной направленностью — он стремит-
ся не столько рассказать об истории письма, сколько озна-
комить читателя с историей дешифровки древних текстов.
В своей книге он повествует о судьбах и научных идеях пер-
вопроходцев в области дешифровки египетских, древнепер-
сидских, шумеро-аккадских и хеттских «забытых письмен»,
рассказывает о том, как были открыты, а затем и дешифрова-
ны тексты угаритской и эгейской письменности. Автор пред-
ставляет нам целую галерею портретов ученых прошлого, на
примере их судеб показывая, какими порой тернистыми ока-
зываются пути науки. На простых примерах он объясняет,
что такое дешифровка и какими качествами должен обладать
настоящий ученый. В этой книге много интересного найдут
для себя как специалисты, так и люди, только начинающие
свой путь в неизведанные миры прошедших веков.

© Русинова Э. С., перевод, 2002

© Емельянов В. В., послесловие, 2002

© Лосев П. П., обложка, 2002

© Издательская группа «Евразия», 2002

ISBN 5-8071-0054-9

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Перевод моей книги «Забытые письмена» на русский язык имеет для меня большое значение. В течение долгого времени я мог поддерживать контакты и обмениваться мнениями с моими коллегами в Советском Союзе в основном благодаря переписке. С недавних пор я получил возможность личного общения с русскими учеными, специализирующимися в общей для нас области науки. В 1984 году на Международной конференции ассириологов (*Rencontre Assyriologique Internationale*) в Ленинграде я познакомился и подружился со многими видными советскими учеными, среди которых был и профессор М. Дандамаев, по чьей инициативе сделан перевод моей книги. Начиная с 1984 года я был участником всех ежегодных Международных конференций ассириологов: в Мюнстере (1985), в Париже (1986), в Стамбуле (1987) и Филадельфии (1988), где мог обмениваться с советскими учеными научной информацией.

Для науки границ не существует. И я счастлив, что моя профессиональная работа, которой я посвятил всю свою сознательную жизнь, стала частью процесса объединения человечества на путях поисков истины.

В общении с моими советскими коллегами я не испытывал трудностей — все они знают английский язык.

Мне очень жаль, что я, как и большинство моих соотечественников, не овладел в достаточной степени русским языком.

Востоковеды — как ближневосточники, так и специалисты по Дальнему Востоку — помогают устранить различия во взаимопонимании между Востоком и Западом. Различия эти не только территориальные, но и исторические, поэтому проблемы, затронутые в этой книге, нужно рассматривать с учетом времени и пространства. Если и теперь нам бывает трудно найти общий язык со своими современниками, живущими в разных странах, то насколько труднее понять жизнь людей, отдаленных от нас тысячелетиями! И все же не так уж и невозможно представить себе наших далеких предшественников.

Многие века люди на земном шаре общались между собой на суше и на море, поэтому ни одна из высоко-развитых цивилизаций нашего времени или отдаленного прошлого не возникла сама по себе. Все мы связаны между собой — если не генетическим родством, то благодаря контактам, общению и взаимному сотрудничеству народов.

Американцы знают, что, за исключением индейцев Америки, все они — недавние выходцы из Старого Света. Справедливости ради следует помнить, что любая группа человеческого сообщества откуда-то пришла. В настоящее время существует достаточно сильная школа афро-азиатских исследователей, занимающаяся установлением родства разных языковых семей Африки и Евразии. Это относится и к языкам американских индейцев.

Хотелось бы, чтобы эта книга помогла нам понять, что все мы связаны друг с другом. И только благодаря

письменности, в большей мере, чем любому другому фактору, мы стали цивилизованными народами.

Надеюсь, что перевод моей книги перешагнет узкие рамки академической науки и станет достоянием широких читательских кругов в России.

Сайрус Г. Гордон

Нью-Йоркский университет
Почетный член Королевского
Азиатского общества

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДОПОЛНЕННОМУ И РАСШИРЕННОМУ ИЗДАНИЮ

Не иссякает поток книг, посвященных проблемам забытых письменностей и их дешифровок¹. Создание еще одной книги оправдано только в том случае, если автор ее может предложить нечто новое.

Лишь незначительное число опубликованных книг основывается на знании действительно всех первичных источников. Информационный взрыв привел к тому, что наступило время узкой специализации, при которой начинающим ученым практически невозможно овладеть всеми забытыми письменностями. Но и среди представителей старшего поколения академической науки довольно трудно найти ученого, хорошо разбирающегося как в клинописи, так и в египетской иероглифике, и поскольку эти два раздела науки продолжают составлять основу рассматриваемой темы, это — существенный недостаток.

Во многих издаваемых теперь книгах, посвященных данной проблеме, отсутствует еще одно важное качество. Их авторам не приходится самим участвовать во всех стадиях описываемого ими процесса: находить надписи во время раскопок, копировать тексты, изучать языки, работать вплоть до эпохального открытия. Надеюсь,

что читатель оценит труд первооткрывателей, труд, полный мгновенных успехов и долгих периодов неудач.

Заслуга в открытии новых областей науки принадлежит пионерам, передающим эстафету людям менее одаренным, но более кропотливым. Я готов оценить по заслугам процесс совершенствования, но мои симпатии, без сомнения, принадлежат первооткрывателям, как и антипатии — их неконструктивным критикам.

Критику работы первооткрывателя часто можно сравнить с попыткой судить по самым строгим меркам того, кто прокладывает новые пути в неведомые земли. Мой учитель Роланд Г. Кент был специалистом в области классической и индоевропейской лингвистики. Его книга о древнеперсидском языке и поныне является образцом. Зная о первых нелегких шагах Георга Гротефенда по дешифровке древнеперсидского языка, он все же проявил педантизм, назвав некоторые высказывания Гротефенда «печальным недоразумением». Науке нужны ученые разного типа: и такие, как Гротефенд, пролагающие новые пути, и такие, как Кент, шлифующие открытия и превращающие их в научную дисциплину. И лишь очень немногие могут работать на обоих уровнях.

Пионеры и те, кто совершенствует их открытия, работают разными методами. Первые чаще используют этимологический метод. Например, на бронзовом топоре из Угарита имеется надпись *gb khnm*. В словарях древнееврейского языка ученые, первыми начавшие работать над этими надписями, нашли значения для *gb* — «верховный» и для *khnm* — «жрецы». И действительно, перевод оказался правильным, топор принадлежал верховному жрецу (буквально: «главе жрецов»). Но по мере развития угаритологии как науки уже нельзя было

полагаться только на этимологический метод. Во фразе mlak zbl ym // t'dt tpt nbr², слово t'dt определяют как «свидетельства» в соответствии с лексикой древнееврейского языка. Этимологический метод дал бы для t'dt (угарит.) безличное и абстрактное значение, но исходя из контекста нельзя перевести эту фразу как «посланцы царя моря // свидетельства реки судьбы». Поэтому следует применить метод текстуального анализа. Контекст подсказывает, что t'dt является синонимом слова «посланцы», стоящего в параллельной части фразы, и перевод будет: «посланцы царя моря // вестники реки судьбы». Критикам этимологического метода в 80-е годы не следует забывать, что хотя этимологический метод не может теперь дать правильные значения слов угаритского языка, но все же именно благодаря этому методу был составлен основной корпус словаря угаритского языка, что дало возможность интерпретировать тексты в 30-е годы. Метод, на который можно снисходительно взирать в 80-е годы, был необходимой вехой и продуктивно работал 50 лет тому назад.

Еще одна причина заставляет переиздать эту книгу. После 1968 года, когда появилось первое издание «Забытых писем», было сделано одно выдающееся открытие. Значение найденных обширных архивов Эблы³ не только в том, что они дали нам материалы для реконструкции ранее неизвестного эблаитского языка, но эти архивы повлияли на наши представления о других системах письма, о языках, литературах и истории разных регионов Передней Азии и Средиземноморья. Датированная эпохой Ранней бронзы библиотека Эблы дает возможность глубже осветить старые проблемы и поставить ряд новых.

Предмет нашего исследования не застыл на мертвой точке. Ибо область забытых письменностей постоянно пополняется новыми находками, она динамично развивается во времени. Читатель получит представление не только об открытиях прошлого, но и о том, как эти процессы осуществляются сейчас. Пытливость ума должна быть постоянным свойством жизни, а не заводить в тупик. И только когда покажется, что ты зашел слишком далеко по пути познания, действительно оказываешься в тупике. Каждому отмерено определенное время, но никакие даты не должны прерывать общий процесс познания и поиска. Две тысячи лет тому назад один мудрец учил: «Завершить начатое — не твоя забота, но и не волен ты уклониться»⁴.

Хотя саму дешифровку можно считать крупным достижением западной культуры, значение ее — прежде всего в тех литературных памятниках, которые мы благодаря дешифровке смогли прочесть. Добавленная к этому изданию глава 9 содержит образцы обнаруженных сокровищ, которые могут дать читателю представление о разнообразии и характерных особенностях прежде немых, а теперь заговоривших текстов.

Безусловно, целью книги не было исчерпывающее изложение темы, которое лишь утомило бы читателя. Напротив, это — приглашение проникнуть в глубины многообразной темы, которая может его заинтересовать. Занятия гуманитарными науками обогащают жизнь человека, хотя и не материально. В эту область знаний я, будучи преподавателем, надеюсь повести за собой молодые пытливые умы.

Сайрус Г. Гордон

Январь 1982 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

XIX и XX столетия стали веками научного прогресса, благодаря которому оказались осуществленными многие прежние мечты человечества. Герой шумеро-аккадской мифологии Этана поднимался на спине орла в небо, а в греческом мифе Дедал смастерил крылья, чтобы взлететь вместе с сыном Икаром. Но мог ли человек в давние времена предположить, что будут осуществляться полеты вокруг Земли и на другие планеты или на Луну и что еще более великие открытия будут совершаться беспрерывно одно за другим? Хотя удивительные открытия происходят в разных областях современной науки, о выдающихся открытиях в области гуманитарных наук начиная с XIX века и до наших дней известно значительно меньше.

История античного мира завершилась с падением Римской империи, а цивилизация Запада складывалась на основе трех классических форм культуры Средиземноморья — Израиля, Греции и Рима. Начало письменной истории велось с Гомера и Библии, а все предшествующие относили к доисторическим временам. Однако ряд путешественников и любознательных людей знали о существовании в Египте и Иране памятников с надписями, относящимся к далекому прошлому. Менее вну-

шительными путешественнику казались руины городов Месопотамии, но тем не менее их связывали с хранящими древние предания клинописными текстами. Еврейская, греческая и латинская литература давали достаточно информации для работы будущих дешифровщиков. Нужны лишь были люди, обладающие фантазией, энтузиазмом, знаниями, умом и смелостью, чтобы отправиться на поиски истины.

Мы собираемся рассказать о том, как были расшифрованы забытые письменности и восстановлены утраченные языки, в результате чего зафиксированная в письменных памятниках западная цивилизация отодвинулась в глубь веков на две тысячи лет. Отсчет исторического времени идет уже не с Греции и Израиля. Благодаря дешифровке египетского письма и клинописи письменная история зарождения западной культуры насчитывает теперь пятнадцать веков, предшествующих тому периоду, когда греки и евреи появились на исторической сцене. Более того, самые ранние надписи с упоминанием эллинов и евреев датируются временем, предшествующим появлению «Илиады» и Книги Бытия.

Желание разгадать сокровенный смысл тайных надписей столь же старо, как и сама письменность. Наиболее известно предание из Книги Даниила о том, как однажды вавилонский царь Валтасар увидел на стене своего дворца начертанные таинственной рукой непонятные слова. Никто из мудрецов не мог прочесть их, кроме осененного свыше Даниила, который тут же прочел и точно перевел этот арамейский текст («мене мене текел упарсин»)¹. Современному дешифровщику, как и Даниилу, нужно наитие, но в отличие от пророка он

должен также иметь историческое и филологическое образование. Работа дешифровщиков клинописи и иероглифики в такой же мере отличается от методики Даниила, как изобретение братьев Райт от полетов Этаны и Дедала.

Дешифровщики *забытых писем*, обнаруженных в колыбели западной цивилизации, не только поднимают пласты тысячелетий истории, но также открывают ящик Пандоры, содержащий множество проблем, решить которые подчас оказывается куда труднее, чем осуществить дешифровку. В то время как дарвинизм добивал то, что оставил от традиционной религии рационализм XVIII века, клинописные тексты открыли языческую мифологию, которую стали использовать для уничтожения остатков веры в Библию: если Ной и потоп были только поздней еврейской копией картины потопы, изображенной в древневавилонском памятнике, то чему же верить в Священном Писании?² Прямым следствием этого стала тенденция к расколу общества на два враждующих лагеря — атеистов и поборников веры. Одни заявляли, что наука и археологические открытия подтверждают, что религиозная традиция — глупость и обман. Другие же отвергали научные доказательства и дешифрованные новые тексты как наносящие вред. Мы до сих пор несем бремя этой бессмысленной раздвоенности, породившей потерянное поколение, ищущее смысл в истории и жизни.

Трудно найти логическое объяснение кризиса, разразившегося во время судебного процесса Скоупса, в котором принимали участие два известных человека — атеист Кларенс Дарроу и «защитник веры» Уильям Джаннингс Брайан, оба стоявшие на крайних позициях. Как

тогда, так и в наши дни нет необходимости выбирать между научными знаниями и традиционными ценностями. В стремлении сохранить культуру и полноту духовного развития мы должны опираться как на науку, так и на традиционные ценности, всему свое место. Предпочтение одного другому таит в себе опасность. Наука, не считающаяся с традицией, может породить технократов, лишенных культуры; традиция, отвергающая научные знания, порождает людей хотя и умудренных, но не рациональных.

Интеллектуальная атмосфера, корни которой следует искать в эпохе Возрождения, породила поколения дешифровщиков, работа которых полностью изменила гуманитарные науки. В эпоху Возрождения возник интерес к историческому прошлому. Хотя в основном подчеркивалось значение культурного наследия Греции и Рима, но в центре внимания людей искусства и науки оказалась Библия и описываемые в ней страны. Интерес к миру в целом постоянно возрастал и завершился эпохой Великих географических открытий. Путешествия Колумба, Магеллана и других смельчаков, бороздивших под парусами воды семи морей и высаживавшихся на далеких берегах, стали возможны не только благодаря техническому прогрессу, но и в результате расширившегося кругозора европейцев, сложившегося еще в век Возрождения.

Прологом к эпохе дешифровки послужило просветительство XVIII века. После раскопок Геркуланума и Помпеи интерес к археологии и древним текстам значительно возрос³. Чтобы удовлетворить любознательные умы, в университетский курс было введено востоковедение. Путешественники, как, например, Карстен

Нибур (1733–1815), посещали места, где зародилась западная цивилизация, а вернувшись, публиковали факсимильные издания надписей, начертанных забытыми письменами. Интерес к далеким странам отразился и в литературе того времени. Сэмюэль Джонсон помещает действие своего «Расселаса» в Абиссинию. События сатирических произведений Вольтера разворачиваются в отдаленных странах от Вавилона до Нового Света. Дешифровки XIX века в своей основе имели как стремление к познанию, так и труд. Все началось с археологии, не только раскапывающей памятники, но и научно их осмысляющей. В Европу привозили тексты и памятники из стран, где были найдены забытые письмена. Если раньше занимались изучением древнееврейского, греческого и латыни, то теперь к ним добавились арабский, коптский, эфиопский и другие языки Ближнего Востока. Интерес европейцев к Индии побудил заняться санскритом и изучением текстов парсов, составленных на древнеиранском языке.

В конце XVIII века Наполеон, намереваясь захватить далекую Индию, высадился в Египте, что открыло новую эпоху. Ближний Восток внезапно как бы переместился в новое время, в котором превалирует западно-европейское влияние. Наполеоновские походы также открыли эру широкомасштабного собирания, изучения и публикации восточных надписей, предметов искусства и архитектуры. С Наполеона ведет отсчет век египтологии.

Вторжение Наполеона в Египет было более захватывающим событием, чем то, что позднее имело место на западе Ирана, где сохранились надписи царей династии Ахеменидов. Здесь были обнаружены клинопис-

ные памятники, а те, кому было суждено их прочесть, появились на свет в последней трети XVIII века.

Но широкий кругозор и свойственная веку пытливость, как всегда, претили реакционно настроенным людям. Как светские, так и религиозные фундаменталисты выбрали момент, чтобы ополчиться на новые дешифровки. Светский фундаментализм в основном опирался на классиков, возражавших против того, чтобы придавалось большое значение цивилизациям «варваров», таких как египтяне или финикийцы. Религиозный же фундаментализм восстал против того, чтобы между «избранным народом» и его соседями-язычниками устанавливалось какое-то родство. В сущности, в основе обоих течений было одно и то же стремление — предохранить свой идеал от «заражения» извне. Классики потерпели поражение после того, как Шампольон расшифровал египетские иероглифы. Нападки же религиозных фундаменталистов возобновились с новой силой после опубликования клинописных текстов, содержащих параллели к библейским книгам.

К концу XIX века интеллектуальная жизнь Запада неожиданно изменилась. До того времени по-настоящему образованные люди стремились овладеть древнееврейским, греческим и латинским языками, полагая их тремя составными своего культурного наследия. В поэмах Мильтона мы постоянно ощущаем эту трехчастную основу. Еще многие годы после открытия в XVII веке Гарвардского университета выпускник произносил прощальное слово по-древнееврейски. Эмблема Йельского университета включает девизы по-древнееврейски и по-латыни. Но с увеличением объема информации в XIX веке классиков и гебраистов начала постепенно

разделять узкая специализация. Люди, получившие традиционное классическое образование, не признавали иных идеалов, кроме греческих и римских, но в то же время, будучи христианами, они вынуждены были считаться с богодухновенным содержанием Библии. Как же можно было поклоняться двум идеалам одновременно, к тому же находившимся между собой в противоречии? Люди воздвигали искусственные барьеры, рассуждая приблизительно так: «Евреям принадлежал приоритет в области религии и нравственности, греки же обладали превосходством в области философии и точных знаний. Одни вели жизнь более духовную и олицетворяли Восток, другие — мыслили рационалистически и являли собой Запад».

Вместо того чтобы осознать, что народы Средиземноморья развивались в одно и то же время, в соответствии с этими тенденциями греки и евреи будто бы оказались разделенными такой бездной противоречий, что их с полным правом можно было бы поместить не только на разных полюсах, но даже на разных планетах. Это привело к своего рода компромиссу: поскольку каждая из этих групп ученых отдавала предпочтение соответственно античности или Ветхому Завету, они могли сохранять мирные отношения, не выходя за пределы своей территории. Как правило, классик старого образца не приветствовал появление доказательств значительного финикийского влияния на культуру Греции, а приспособляющийся к обстоятельствам гебраист закрывал глаза на развитие микенологии и минойистики, хотя он знал, что Палестина называется так по имени филистимлян — народа, жившего на побережье Эгейского моря⁴.

Итак, эпоха Просвещения XVIII века оставила нам наследие двоякого рода — все более жаждущий знаний ум и, как следствие, дешифровки, а с другой стороны — реакционность, которая не только предписывает носить шоры, но сопротивляется любому свидетельству взаимосвязей общего в прошлом наследия на древних берегах Средиземного моря.

Сайрус Г. Гордон

Март 1968 г.

Глава 1

КОДЫ И ШИФРЫ

Существует профессиональная область применения кодов и шифров, в которой имеется детально разработанная теория и практика. Любое правительство и многие частные агентства используют секретную запись для передачи необходимых сведений, не подлежащих оглашению. Но дешифровка забытых письменностей отличается от расшифровки современной тайнописи. Написанные забытыми письменами тексты создавались не для того, чтобы помешать их прочтению всеми, кроме того, кто писал и кто получал послание; они предназначались для всех грамотных людей. Однако методы, применяемые при расшифровке систем криптографии, очень важны при работе дешифровщика древних письменностей, и нет ничего удивительного, что начиная с Первой мировой войны наиболее успешные научные дешифровки были осуществлены учеными, имевшими опыт расшифровки военной криптографии. Поэтому, чтобы легче было понять процесс дешифровки древних систем письма, следует сказать несколько слов об элементах криптографии вообще.

В криптографии существуют коды и шифры. Когда нужно заменить отдельные слова или даже предложения, обычно применяется код. Взяв словарь и просто поставив цифру кода рядом с каждым словом, мы превратим словарь в шифровальную книгу. Например, если в словаре содержится больше, чем 9999 слов, но не свыше 99 999, то можно применить пятизначную систему кодирования.

Если в начале словаря идут слова*: a, aback, abacus, abandon, abandoned, abase, abashed, abate, abbess, abbey, abbot, abbreviate, abbreviation, abdicate... мы можем подставить следующие цифровые значения:

a	00001	abate	00008
aback	00002	abbess	00009
abacus	00003	abbey	00010
abandon	00004	abbot	00011
abandoned	00005	abbreviate	00012
abase	00006	abbreviation	00013
abashed	00007	abdicate	00014

Одна и та же шифровальная книга может использоваться для кодирования и раскодирования сообщений, поскольку порядок цифр соответствует алфавитному порядку слов. Такая система называется односторонним кодом. По существу, эта система не очень подходит для тайнописи: как только дешифровальщи-

* В этой главе все английские слова в основном оставлены без перевода, поскольку для объяснения системы криптографии смысл слов не имеет значения. (Прим. перев.)

ки поймут принцип шифровки, они смогут подставить нужные словесные значения. Например, если станет ясно, что 00001 -- это «а», то сразу возникнет предположение, что дешифровальщики имеют дело с односторонним кодом. А если им удастся установить еще две цифры кода (00004 = abandon и 00014 = abdicate), то они поймут, что промежуточные цифры соответствуют порядку слов в словаре между этими двумя словами (т. е. 00008 следует после слова abandon, но до слова abdicate).

Для двустороннего кодирования необходимо иметь две шифровальные книги: одну --- для последовательной записи слов в порядке алфавита, чтобы закодировать сообщение, другую --- с числами кода в цифровой последовательности для раскодирования. Таким образом, наша шифровальная книга могла бы начинаться так:

a	66789
aback	12834
abacus	92386
abandon	00004

Здесь нет прямой связи между порядком цифр кода и алфавитным порядком слова в словаре. Дешифровальная книга могла бы начинаться так:

00001	country
00002	fifteen
00003	debate
00004	abandon
00005	zebra
00006	escalate

Двусторонняя система кодирования более безопасна, но работа, связанная с подготовкой и составлением дополнительных экземпляров шифровальных книг, требует времени и затрат. Такая система окупается только в том случае, если предполагается ее длительное использование. Интенсивное использование любого кода делает его уязвимым, ибо — таков закон тайнописи — стоит противнику разгадать хотя бы незначительную часть, он может понять всю систему и воссоздать код с помощью статистики и анализа. В любом языке частота повторяемости определенных слов и их место в предложении подсказывают шифровальщику способ превращения кодированных сообщений в исходный текст.

Кроме того, опасность для раскодирования представляют различные шпионы и агенты, которые могут украсть, купить или сфотографировать шифровальные книги.

Следует отметить, что коды (особенно коды для коммерческой деятельности) иногда применяются не столько для сохранения тайны, сколько для того, чтобы сэкономить на телеграфных расходах. Если 05638 означает «Продайте немедленно товар, упомянутый в вашем письме, которое мы только что получили», то каблограмма или телеграмма будут стоить меньше, чем открытый текст. Мы поступаем аналогичным образом, когда после приглашения пишем по-французски аббревиатуру «R. s. v. p.», означающую: «Пожалуйста, сообщите, будете ли вы присутствовать».

В случае необходимости соблюдения секретности обычно применяются шифры. Зашифровать можно как

простой текст, так и закодированный. Предположим, что следующее сообщение зашифровано в соответствии с двусторонней системой шифровки¹:

Открытый текст: (Противник планирует атаку на рассвете)

ENEMY PLANS ATTACK AT DAWN

Закодированный текст: 0931 5723 6288 9482

Нет никакой уверенности, что у неприятеля нет наших шифровальных книг, так как они использовались в течение длительного времени. Поэтому сотрудники службы безопасности решили обеспечить секретность сообщения, добавив, скажем, 15 к первой группе цифр, 162 — ко второй, 1903 — к третьей, и затем повторив все сначала (т. е. добавив 15, потом 162, 1903 и т. д. снова).

Закодированное сообщение: 0931 5723 6288 9482

Шифр: + 15 +162 +1903 +15

Криптограмма: 0946 5885 8191 9497

Получатель дает криптограмму своему шифровальщику, который сначала расшифровывает ее (снимая дополнительный шифр), а затем декодирует сообщение, превращая его в исходный текст.

Описанный выше тип шифрования называется «аддитивным». Конечно, его можно применять прямо по отношению к исходному тексту. Предположим, мы условились, что наш шифр 1-2-3, т. е. мы будем прибавлять 1 — к первой букве, 2 — ко второй, 3 — к третьей, а затем повторять все сначала (1 — к четвертой, 2 — в пятой, 3 — к шестой и т. д.).

Исходный текст: (ENEMY PLANS ATTACK AT DAWN)
ПРОТИВНИК ПЛАНИРУЕТ АТАКУ УТРОМ
Шифр: 123123123 123123123 12312 31231
Криптограмма: ртсукео кн ревокуфзх бфглх ффупо

Когда мы добавляем 1 к «п», то получаем «р», добавляя 2 к «р», получаем «т», добавляя 3 к «о», получаем «с» и т. д.

Другой вид шифрования — это перестановка букв. Например, мы можем поменять местами каждые пары букв:

Исходный текст: ПРОТИВНИК ПЛАНИРУЕТ АТАКУ УТРОМ
Криптограмма: РПТОВИИНПКАЛИНУРТЕТАКАКТУОРМ

В этом примере дешифровальщик должен будет исходный текст разделить на слова после того, как он превратит криптограмму в открытый текст.

Самый простой вид шифрования — моноалфавитная замена. Это значит, что определенной букве алфавита соответствует другая определенная буква.

Исходный алфавит: ABCDEFGHIJKLMNOPQRSTUVWXYZ
Шифр-алфавит: ZXCVBNMASDFGHJKLPOIUYTREWQ

Тот же исходный текст будут выглядеть так:

ENEMY PLANS ATTACK AT DAWN
Криптограмма: BJBHW LGZJI ZUUZCF ZU VZRJ

Дешифровальщик, которому поручат расшифровать это сообщение, воспользуется следующей схемой (шифр расположен в алфавитном порядке, а буквы исходного алфавита как будто взяты наугад).

Шифр в алфавитном порядке:

ABCDEFGHIJKLMNOPQRSTUVWXYZ

Исходный алфавит: HECJXKLMSNOPGFRQZWIVTDYBUA

Моноалфавитную подстановку легко разгадать, так как в любом из известных языков частота повторяемости букв известна. Зашифрованный таким образом текст можно легко расшифровать при условии, что его язык известен. Правда, короткую криптограмму труднее разгадать, поскольку при отсутствии достаточного объема материала на статистику нельзя полагаться. На примере моноалфавитной подстановки мы покажем, какие еще методы можно использовать, кроме статистики. Вот криптограмма, которую нужно расшифровать и получить исходный текст на английском языке:

VHBSJU XBT BDDJEFOUBMMZ EJTDPWFSFE CZ
B QFBTBBOU JO OJOFUFFO IVOESFE BOE
UXFOUZFJHIU IF QMPXFE JOUP B NZDFOBFBFO
UPNC BOE VOXJUJJOHMZ PQFOFE VQB
OFX FSB PG EJTDPWFSZ

Частота употребления подсказывает нам, сколько раз в тексте встречается каждая буква:

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M
O	14	2	5	10	19	1	3	3	10	0	0	4
N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z
2	17	7	4	0	5	4	11	4	2	6	0	6

Следует отметить, что некоторые буквы встречаются часто, другие — реже, а третьи — совсем редко. Вот если бы у нас криптограмма была длинной, мы

без большого труда смогли бы решить проблему с помощью статистики. Но в таком коротком тексте статистика не поможет. Однако можно заметить, что чаще всего встречаются буквы F и O (F — 19 раз, а O — 17). Одна из этих букв должна быть буквой «e», чаще всего употребляемой в английском языке. Можно также ожидать определенный артикль «the», наличествующий в любом английском предложении, даже если текст состоит всего из нескольких строчек. В приведенной выше криптограмме встречаются слова, состоящие из трех букв: «XBT», «BOE» (дважды), «OFX» и «FSB». К сожалению, ни одно из этих сочетаний не оканчивается ни на «F», ни на «O», и потому можно заключить, вопреки ожиданиям, что в этом сообщении «the» отсутствует.

Три раза встречается слово из одной буквы («B»), и эта буква встречается часто. В современном английском языке имеются только два слова из одной буквы, которые можно принять в расчет — «a» и «I». Как видим, с этой же буквы начинается слово «BOE», встречающееся дважды. В английском много слов, состоящих из трех букв, начинающихся на «a», но самое распространенное «and». Если «BOE» = «and», то тогда «B» = «a», «O» = «n» и «E» = «d». Подставим эти значения и посмотрим, получится ли удовлетворительный смысл во всей криптограмме. Следует обратить внимание, что четыре слова оканчиваются на «FE»:

EJTDPWFSFE
IVOESFE
QMPXFE
PQFOFE

Так как «F» встречается чаще всего (19 раз), а мы уже показали, что «O» ≠ «e», то «F» должно быть «e», что дает нам окончание прошедшего времени глаголов, т. е. «FE» = «-ed». Поскольку слово «JO» оканчивается на «n», то первая буква должна быть гласной, но «a» не подходит, потому что «B» = «a». Тогда возможно «i» или «o», так как единственные слова в английском языке, состоящие из двух букв и оканчивающиеся на «n», это — «an», «in» и «on». Теперь, в слове «OJOFUFFO», если «J» = «o», то получим «noneUeen», что не имеет смысла, какое бы значение «U» ни имело; однако если принять «J» = «i», то это даст нам «nineUeen» (nineteen), где «U» = «t». С этого момента все становится проще: «JOU» = «int-», что может быть только «into», где «P» = «o». «PQFOFE» — «oQened», должно быть, «opened», где «Q» = «p». «VQ» = «Vp», что значит «up», где «V» — «u». «QFBTBOU» = «peaTant», должно быть, «peasant», где «T» = «s». Тогда последовательность букв «nineteen luOdSed and tXentZeiHIt» может разгадать любой криптоаналитик. Это может означать только «nineteen hundred and twenty-eight» со значением «I» = «h», «O» = «n», «S» = «r», «X» = «w», «Z» = «y» и «H» = «g». При подстановке этих значений криптограмму можно расшифровать дальше.

VHBSJU XBT BDDJEFOUBMMZ EJTDPWFSFE CZ B
u arit was a identa y die o ered y a

QFBTBOU JO OJOFUFFO IVOESFE BOE
peasant in nineteen hundred and

UXFOUZFIHIU IF QMPXFE JOUP B NZDFOBFBFO
twentyeight he p owed into a y enacan

UPNC BOE VOXJUUIJONMZ PQFOFE VQ B OFX
to and unwittin y opened up a new

FSB PG EJTDPWFSZ
era o dis o cry

Начиная с этого момента читатель сможет сам разгадать остальное. Исходный текст приводится в примечаниях, и по нему можно проверить правильность расшифровки².

Современная криптография — дело довольно сложное. Шифрование, которое осуществляется в тройном цикле, разгадать легко, потому что одно и то же слово раньше или позже появится в одном и том же месте цикла; и если разгадать цикл, то все, что нужно тогда криптоаналитику, — это достаточно пространственный текст, чтобы разгадать систему. Даже сотого цикла недостаточно, чтобы уберечь секрет системы, если она используется постоянно. В настоящее время сохранность шифра обеспечивают лишь циклы, которые не повторяются до миллиона. Это осуществляется с помощью сложных устройств; у отправителя и получателя имеются одинаково настроенные машины. Для расшифровки получателю необходимо знать, как настроить криптографическую машину. Такие системы трудно, даже невозможно, расшифровать с помощью криптоанализа. Шпионаж и другие виды получения информации могут дать большой эффект. К счастью, для наших целей нам не надо вникать в весьма сложные методы механической и электронной шифровки и дешифровки. Древние письменности, которые нужно было дешифровать, не были тайными системами, при-

званными помешать их прочтению. Тексты предназначались для того, чтобы их читали и понимали. Способы, используемые для декодирования и дешифровки, помогают нам овладеть чтением и переводом забытых письменностей и языков, но ничего из дошедшего до нас с древних времен не было дешифровано с помощью электронных устройств, потому что для дешифровки древних криптограмм требуется более сложный механизм.

Теперь нам следует определить, чем занимается криптограф, а чем — криптоаналитик. Криптограф использует шифровальные книги и системы шифров своего ведомства. Он не может разобрать сообщение противника, не пользуясь шифровальными книгами или ключом шифров. Криптоаналитик же, напротив, имеет дело преимущественно с такими сообщениями, которые можно разгадать путем анализа без шифровальных книг и ключей шифров. Именно в его задачу входит дешифровка вражеских криптограмм, даже если ему предстоит в ходе работы понять систему и воспроизвести шифровальные книги. Тема нашей книги относится к работе таких дешифровщиков, чья роль скорее напоминает труд криптоаналитика, а не криптографа.

Иногда древние тексты снабжены словоразделителями, что облегчает работу. Но если словоразделители отсутствуют, дешифровщик должен редактировать текст и, исследовав повторы, разделить текст на слова. Например, если бы приведенное выше предложение было дано сплошным текстом, то его внимательное изучение помогло бы обнаружить, что опре-

деленный артикль (the) встречается не реже четырех раз, и, таким образом, это слово часто употребляется в языке. Если текст достаточно длинный, слова можно выделить, даже если они написаны слитно. В аккадском языке, одном из наиболее изученном из дешифрованных языков, слова вообще не разделяются.

В начале дешифровки косвенная информация имеет такое же первостепенное значение, как и в толковании текста. Если зашифрованное сообщение из Тегерана перехвачено в определенный день, то можно предположить, что оно написано по-персидски и касается какого-то события современности, отраженного в «Нью-Йорк Таймс» или в тегеранских газетах за это число. Если длинная криптограмма послана из Парижа во все французские посольства в то время, когда Миттеран предпринял серьезный шаг или сделал важное заявление, то можно предположить: 1) криптограмма написана по-французски; 2) в сообщении отразились события, произошедшие в Париже, которые можно найти в заголовках газет. Случается, что коды и шифры становятся понятны из-за беспечности криптографической службы, которая кодирует и шифрует пространственные сообщения, исходный текст которых был опубликован в прессе. Правилами сохранения тайны в таких случаях предусматривается переделка или изменение исходного текста перед составлением криптограммы. Безответственные сотрудники службы безопасности — просто находка для криптоаналитика, которому поручено расшифровать иностранную кодовую систему³.

Проблема, которая стоит перед дешифровщиком древних текстов, заключается в том, что даже если он

догадался, на каком языке они написаны, в его распоряжении нет «Нью-Йорк Таймс», которая могла бы подсказать, что авторы имели в виду, когда они составляли надписи. Однако дополнительную информацию можно получить из исторических источников. Сведения Геродота, касающиеся генеалогии ахеменидских царей, дали дешифровщикам материал для прочтения клинописных надписей Персии и Месопотамии. Важно знать и топонимику. В текстах «линейного письма Б» из Кносса должно было содержаться название «Кносс», а в «линейном Б» из Пилоса — «Пилос», а не наоборот, и это верное предположение помогло дешифровать «линейное Б».

При дешифровке древних текстов важны не только имена царей и географические названия; здесь может также помочь представление о том, о чем мог думать древний писец и как вероятнее всего он мог это выразить. Дополнительный материал для этого дает нам большое число древних надписей Передней Азии. Опираясь на знание языка и такую дополнительную информацию, дешифровщик может прийти к правильным заключениям, потому что они хорошо применимы к тексту. В группе слов, которая напоминала количественные числительные, дешифровщики угаритского языка верно предположили, что одна группа типа ХУХ должна означать tl̄t (три). Никакое другое количественное числительное северо-западных семитских языков сюда не подходило.

Предположения такого рода необходимы, но они не должны быть произвольными; для успеха дела эти предположения должны опираться на реалии или по

крайней мере на возможности дешифруемого текста. Даже в том случае, когда все догадки неверны, необходимым качеством как криптоаналитика, так и дешифровщика должна быть гибкость. Обычно неверные предположения обнаруживаются в том случае, когда их пробуют применить при дешифровке других текстов. Но и в случае верной дешифровки необходима неоднократная проверка достигнутого результата. Артур Эванс и Артур Каули получили независимо друг от друга верные греческие значения для чтения микенских слов, но они не были готовы развить это открытие. Эванс пошел по ошибочному пути, предположив, что это не греческий язык. Без гибкости мышления дешифровка невозможна.

Догадки необходимы, и удачные догадки себя оправдывают, однако на каждую правильную догадку приходится сотни ошибок.

Удачные догадки часто возникают как «возможное слово». Слово, состоящее из трех букв, в ханаанских текстах, скорее всего, означает $b^c l$ — «Ваал» (один из почитаемых богов ханаанцев). Ганс Бауэр, правильно определив «b» и «l», предположил, что « bXl » — читается как «Ваал», и получил таким образом значение «c» (айн) вместо X. Оказалось, что предполагаемое слово определено верно, так как $X = c$ имело правильный смысл и во всех других сочетаниях.

Теперь определим, что мы понимаем под дешифровкой. Строго говоря, этим термином обозначают такой процесс, который дает возможность прочесть письменность, значение знаков которой неизвестно. Например, дешифровка египетской иероглифики, древ-

неперсидской клинописи, кипрского силлабария, угаритского клинописного алфавита. Дешифровка вовсе не означает, что речь идет о каком-то новом языке. Кипрские тексты, как выяснилось, были написаны по-гречески, угаритский язык оказался родственным древнееврейскому языку. В обоих случаях дешифровка была успешной благодаря тому, что язык был известен. Основным же достижением дешифровщиков стало определение произношения знаков.

Другого рода задача стоит перед исследователем неизвестного языка, письменность которого известна. В этом смысле дешифровка шумерского и аккадского проходила по-разному: оба языка пользовались одной письменностью, но сначала был изучен аккадский язык. Поскольку аккадский принадлежит к хорошо изученной группе семитских языков, он был раскрыт с высокой степенью точности; за исключением наиболее сомнительных случаев, ученые не расходятся относительно перевода этих текстов. Иначе обстоит дело с шумерским, и многие весьма авторитетные исследователи не всегда согласны относительно перевода ряда фрагментов наиболее известных литературных текстов, таких, например, как цилиндры Гудеа, которые известны уже более столетия и переиздавались много раз.

В большинстве случаев разногласий относительно перевода шумерских текстов нет, и на языке, о существовании которого даже не подозревали в то время, когда Генри Раулинсон начинал свою работу, теперь существует множество документов. В библиотеках имеется большое число книг с шумерскими текстами, пе-

реводами, лингвистическими и историческими исследованиями. Язык «дешифрован», но назвать имя дешифровщика невозможно. Фонетические значения шумерских знаков были известны из дешифровки и изучения аккадского языка, а множество лексических и других учебных текстов, включая билингвы, начертанные еще в древности, оказали огромную помощь в составлении словаря и грамматики шумерского языка. Но даже в этом случае, при таком обилии материала, потребуется еще немало времени, чтобы шумерология стала такой наукой, четкие правила которой были бы апробированы исследователями и исключали путаницу в преподавании для начинающих студентов.

Если обратиться к хеттам, то здесь возникают две проблемы, потому что существуют две разные системы письменности: клинопись и рисуночное письмо. Бедржих Грозный, определив, что хеттский принадлежит к индоевропейской семье языков, таким образом направил хеттологию по верному пути. Хетты пользовались шумеро-аккадской клинописью, и Грозному не нужно было выяснять фонетическое значение знаков. Дешифровка хеттской клинописи более похожа на дешифровку шумерского языка, а не древнеперсидского. Дешифровка же рисуночного хеттского письма (в науке носит название «хеттский иероглифический») была подлинной дешифровкой, так как предстояло выяснить фонетическое значение знаков. Наличие диалектальных различий между клинописным и иероглифическим хеттским даже при хорошем знании хеттского клинописного языка не всегда дает возможность уточнить разночтения в иероглифике.

Имеет смысл остановиться на современных формах письма и речи, чтобы уяснить основное отличие письменного и устного языков. Среднему англичанину равно не знаком как финский, так и китайский языки. Правда, финский пользуется знакомым нам латинским алфавитом, и какой звук передает каждая буква — известно. Что же касается китайского, то непосвященному не известно не только как произносятся звуки, но и непонятны значения слов и предложений, даже если бы он знал, как их произносить. Предположим, нам нужно дешифровать финский и китайский. В каждом случае задача будет разной. В случае с китайским нужно будет разгадать и письменность, и язык, в другом — только язык. Обе эти задачи принадлежат к такому виду работы, которая называется «дешифровка», но они, как мы видели, различны.

Существует и еще один вид дешифровки, когда известна письменность языка, а язык неизвестен, но когда он будет идентифицирован, может оказаться, что это известный язык. Например, в Эль-Хофре в Алжире были найдены тексты, написанные греческими буквами⁴. Язык был не греческий, а город — пуническим. Поэтому сразу же предположили, что язык пунический. Содержание текстов было так хорошо знакомо из пунических надписей, что никаких других вариантов не рассматривалось. И потребовалось около трех четвертей столетия, чтобы определить, что это были семитские надписи, сделанные греческими буквами, заимствованными с Крита. Можем ли мы назвать это «дешифровкой», когда все оказалось так просто? Правда, для этого потребовалось дешифровать родствен-

ный минойский язык Крита. Но можно ли считать дешифровкой идентификацию и описание минойского языка? Письменность его в основном такая же, как в греческом «линейном Б». И снова возникает вопрос, была ли интерпретация «линейного Б» дешифровкой? Ибо оказалось, что язык и система этого письма напоминают кипрские греческие тексты, написанные силлабическим письмом и расшифрованные Джорджем Смитом еще в 1872 году. Ответы на эти вопросы уже содержатся в самой их постановке. Мелкие нюансы и специфические отличия здесь бесчисленны, и вряд ли стоит из-за них усложнять принятую нами терминологию. Нет двух абсолютно одинаковых процессов дешифровки. Следует только иметь в виду, что могут быть известны: или язык, или письменность; и язык, и письменность; а бывают случаи, когда и язык, и письменность известны, малоизвестны или совсем неизвестны. Кроме того, может быть важна сама идентификация языка, потому что тогда тайна может уступить место догадке. Когда сделаны первые и решающие шаги на пути превращения загадочных надписей в документы, которые поддаются прочтению, так как удалось понять систему письма или язык, то такое достижение с полным правом можно назвать «дешифровкой».

Весь материал в этой книге дается несколько упрощенно. Если бы мы стали шаг за шагом проследживать, как было совершено каждое открытие, то это напоминало бы подробную запись всех движений ребенка от колыбели до того момента, как он начинает ходить. В основном, мы проследим, как был успешно

достигнут конечный результат, и меньше внимания уделим подготовке работы и неудачам в ходе ее.

Едва ли не самое трудное в каждом случае дешифровки — установить приоритет. Обычно кто-то в чем-то обгоняет другого. Известны тома, посвященные вопросу, действительно ли Колумб первым открыл Америку. В этой книге мы не разбираем вопрос, принадлежит ли дешифровка египетской иероглифики именно Шампольону. Мы не собираемся преднамеренно лишать исследователей их заслуженной славы, но и не станем останавливаться на всех «если бы» и «но». Дешифровщики, как и вообще первооткрыватели, заслуживают похвалы хотя бы за то, что были первыми. Нельзя установить приоритет, не учитывая дату публикации (что немаловажно), но можно ли считать, что открытие принадлежит А., если он опубликовал то, что слышал или узнал о работе Б.? Ниже вкратце мы коснемся этих проблем, поскольку это интересно с точки зрения истории науки, но не будем разбирать их более подробно.

Глава 2

ДЕШИФРОВКА ЕГИПЕТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Около 3000 года до н. э. на Ближнем Востоке была изобретена и стала развиваться письменность. Есть некоторые основания предполагать, что вначале она возникла в Месопотамии, а затем идея письма распространилась и в Египте¹. По своему виду клинопись Месопотамии мало напоминает египетские иероглифы, но принципы, лежащие в основе этих письменностей, столь схожи, что, скорее всего, существовало стимулирующее влияние — египтяне не копировали знаки месопотамского письма, а лишь использовали его основные принципы. Во-первых, использовалось значительное, хотя и ограниченное, число знаков рисуночного письма. Например, имелся не только знак для понятия «человек» вообще, но несколько знаков, изображающих человека в разных положениях и выполняющего различные действия. Так, «человек, принимающий пищу», изображался одним иероглифом, но нет особых иероглифов, означающих человека, принимающего пищу разного рода, или для изображения человека, откусывающего, жующего или глотающего пищу. Если изображать каждый конкретный предмет или дейст-

вис, то это будет уже не письменность, а изобразительное искусство. Любая система письма, чтобы ею можно было пользоваться, должна насчитывать ограниченное число символов.

Другой принцип как клинописного, так и иероглифического письма заключался в том, что пиктограмма (рисунок) может передавать звук, а не понятие. Вот несколько примеров для пояснения на русском языке: рисунок «семь» может означать не только само понятие «семь», но и являться слогом «-семь»; рисунок «сот» может являться изображением пчелиных «сот», но и составлять слог «-сот». Таким образом, два рисунка «семь» и «сот», сложенные вместе, означают «семьсот». Это один из важнейших и основополагающих аспектов как клинописи, так и иероглифики: обе системы в основном фонетические, хотя, как правило, первоначально знаки передавали слова или понятия. В дальнейшем, проследивая историю развития письменности, мы увидим, что имела тенденция к переходу от знаков-слов к знакам-звукам.

Третий принцип, общий для Месопотамии и Египта, — употребление детерминативов, т. е. знаков, обозначающих категорию слова. Например, в египетском языке отдельно написанное слово, произносимое как *sš*, может означать как «писец», так и «документ». Поэтому для обозначения «писец» египтяне добавили рисунок «человек» и идеограмму «свиток» для понятия

«документ». Таким образом *sš* — «документ», а

sš — «писец».

Как в клинописи, так и в иероглифике используют фонетические комлементы для обозначения звучания знака. Вот пример из египетской письменности: рисуночный знак «птица», обычно обозначающий «цесарку», читается как «nh̥». Этот знак может означать собственно «цесарку», но может также служить фонетическим комлементом: тогда перед словом и после него употребляются фонетические комлементы «цесарка», что может использоваться для выражения понятий, не имеющих ничего общего с птицей, и тогда это выглядит так: «ⁿnh̥». Глагол nh̥ (i) — «молиться» принадлежит к категории слов, которые египтяне обозначали детерминативом «человек, подносящий руку ко рту».

Глагол «молить» можно написать «ⁿnh̥» с последующим детерминативом . Благодаря подобному способу письма египетский язык легко читать и переводить, так как слово пишется фонетически (n-h̥) и по слогам (nh̥), а его понятийное значение выражается с помощью детерминатива .

Остается добавить, что числительные часто изображаются идеографически как и в наши дни: I — «единица», II — «два», III — «три». По виду цифры в клинописи (|||) и иероглифике (|||) схожи с римскими. Все наши знаки, обозначающие цифры, по сути дела — идеограммы. Так, «4» означает понятие «четыре», и прочтение этого знака зависит только от языка, на котором написан текст (по-английски — «four», по-французски — «quatre»).

Начиная приблизительно с III тысячелетия до н. э. и вплоть до конца IV века н. э. египетская письменность традиционно была иероглифической. Большое число знаков и множество условных написаний требовали долгого обучения немногочисленных избранных из тех, кто постиг грамоту². Вскоре после завоеваний Александра Македонского греческий алфавит распространился на всем Ближнем Востоке, включая Египет, где воцарилась греческая династия Птолемеев и где поселилось много греков, особенно в Александрии.

В многоязычных поселениях, таких как Александрия, где бок о бок жили греки, египтяне и евреи, было обычным делом применять письменность одной языковой группы к языкам других групп. Именно так произошло в Египте, где греческий алфавит стали использовать для письменной передачи египетского языка и также, в меньшей мере, для еврейского³. Греческий алфавит не представлял угрозы исчезновения для еврейского алфавита, поскольку преимущество первого перед вторым было незначительным. Достаточно сказать, что еврейское письмо тоже алфавитное, и выучить его 22 буквы не намного легче, чем 24 буквы греческого алфавита. Египетская же иероглифика была обречена на медленное вымирание — с того момента, как египтяне стали пользоваться греческим письмом. Старая громоздкая система не выдержала соперничества с новой, более простой.

С проникновением в Египет христианства процесс замены иероглифов греческим алфавитом ускорился. Первые христиане здесь в большинстве своем были людьми простыми, не получившими классического

египетского образования. Египетская церковь применила легкодоступный прием: для записи на египетском языке Священного Писания и других нужных текстов она использовала греческий алфавит⁴. Другим обстоятельством, способствовавшим окончательному искоренению иероглифики, послужило то, что иероглифические тексты ассоциировались с язычеством, иероглифы постоянно встречались в текстах и памятниках, связанных с языческими богами. Деятели раннего христианства в Египте часто подбивали своих приверженцев на уничтожение древних реликвий и поощряли акты вандализма.

И в наши дни коптская церковь сохраняет исконный египетский язык, пользуясь греческим алфавитом. Таким образом, можно считать, что египетская письменная традиция насчитывает пять тысячелетий.

Во времена Римской империи получили распространение неверные представления о природе иероглифики. На исходе античной эпохи египтянин по имени Горapolлон в трактате «Иероглифика» предложил чтение некоторых иероглифов, считавшееся верным в Европе в период Возрождения и вплоть до начала XIX века. Хотя некоторые предложенные им значения иероглифов правильны, его довольно путанные объяснения мешали понять подлинную систему письма. В результате начиная с поздней римской эпохи и до XIX века существовало ошибочное суждение, будто каждый египетский иероглиф имеет какой-то мистический или тайный смысл.

Если за всю историю человечества существовал народ, мировоззрение которого можно было бы назвать

материалистическим, то это были древние египтяне. Они любили земную жизнь. Их культ мертвых лишен мистицизма — насколько это вообще возможно в религии. В основе его лежит представление о вечной жизни в материалистическом плане. Человек и после смерти должен пользоваться всеми земными благами — едой, питьем, слугами, комфортом, богатством, развлечениями. Ни один древний египтянин не помышлял о жизни на небесах в окружении ангелов, распевающих торжественные песнопения. Из росписей гробниц мы знаем, что египтяне предвкушали, что после смерти их ожидают прогулки по Нилу в сопровождении семьи, охота и рыбная ловля в зарослях тростника, наслаждение музыкой и танцами. И вот вопреки жизнелюбию и материализму египтян, отразившимся в их искусстве и литературе, их представляли мистиками и спиритуалистами. Это может служить примером того, как трудно людям мерить иную культуру присущими ей мерками.

Таким образом, мистики-египтяне должны были обладать мистическими письменами, изобилующими тайной символикой. Дешифровка же египетской иероглифики привела к замене глубоко укоренившегося представления о якобы присущей ей символике правильной точкой зрения, что в основе этой письменности лежит звуковой принцип, являющийся ее основной, хотя и не единственной характерной особенностью.

Следует отметить, что хотя дешифровка египетского письма положила конец представлению о мистическом характере иероглифики, многие все еще считают древних египтян философски настроенным и мистиче-

ским народом, который никогда не удастся понять. Считают, что даже в пирамидах заключен какой-то скрытый смысл, который нам, простым смертным, не дано постичь. На самом же деле вряд ли среди дел рук человеческих найдется нечто более совершенное и менее мистическое. Египтяне строили себе жилища из непрочных материалов, так как считали, что земная жизнь преходяща. Длещимися вечно они считали загробную жизнь людей и существование богов. Именно поэтому в качестве материала для создаваемых навечно строений, связанных с религией и культом мертвых, они выбрали камень. После первоначальных не очень эффектных сооружений они стали воздвигать великие пирамиды в Гизе, предназначенные существовать вечно. Никогда архитекторы или строители не решали подобных задач столь рационально и так технически совершенно. Из семи чудес света лишь пирамиды — чудо творения — еще стоят. То, что столь совершенное по технике исполнения и четкое по своей задаче сооружение стали рассматривать как нечто мистическое, свидетельствует об ограниченности человеческого мышления. Было бы разумнее считать строителей пирамид великими инженерами, а не загадочными людьми непостижимого прошлого⁵.

Профессор философии, математики и знаток восточных языков иезуит Афанасий Кирхер (1601–1680) в 1636 году опубликовал свое исследование по коптскому языку, где высказал убеждение, что коптский язык — продолжение древнеегипетского языка с использованием алфавитного письма. Он оказался прав, а установленное им языковое родство послужило основой

для дешифровки иероглифики спустя многие годы, когда пришло время⁶.

Еще в XVIII веке некоторые ученые догадывались о том, что иероглифы носили фонетический характер, верно предполагали, что картуши (овальная рамка, заключающая группу знаков) содержат имена царей и цариц. Одним из ученых, сделавших это важное наблюдение в 1797 году, был Иоганн Георг Цозга. С этого момента дело дешифровки пошло быстрее. В 1798 году Наполеон высадился в Египте, а в 1799 году участники этой военной экспедиции нашли Розеттский камень, который и послужил ключом для раскрытия секретов иероглифики.

Розеттский камень представляет собой плиту из черного базальта, которую французы обнаружили в ходе восстановления одного укрепления, где эта плита была использована как строительный материал⁷. Надпись состоит из трех частей и содержит постановление от 196 года до н. э. в честь молодого царя Птолемея V Эпифана. В тексте перечисляются его благодеяния и сообщается, что его статуи и копии этого постановления будут установлены во всех храмах Египта. Три варианта текста написаны на двух языках, но тремя видами письма — иероглифами, демотическим письмом и по-гречески. Еще в далекой древности из иероглифики стала развиваться скоропись, получившая название иератики. Во времена последних фараонов иератику еще больше упростили, и она развилась в демотику. При Птолемеях в Египте стал играть важную роль греческий язык. В результате в последние века дохристианской эры греко-египетские билингвы

давали возможность грекам дешифровывать забытые тексты Древнего Египта. Англо-французская война повлияла на судьбу Розеттского камня. По одному из договоров он был переправлен в Англию, где и до сих пор хранится в Британском музее. Копия, сделанная еще до передачи камня, была передана известному французскому востоковеду А. И. Сильвестру де Саси (1758–1838). И хотя де Саси не достиг значительных успехов в дешифровке, он показал копию надписи шведскому дипломату Иогану Давиду Окербладу, и тот через два месяца сумел значительно продвинуться в изучении демотической части текста. В «Письме г-ну де Саси», опубликованному в 1802 году, Окерблад указал все имена собственные, встречающиеся в демотической части, сопоставив их с соответствующими местами греческой версии. Он также установил в демотической части правильное чтение слов «храмы», «греки» и местоименный суффикс, означающий «он», «ему» и «его». Окерблад верно отождествил эти существительные и местоименные окончания, сопоставив их с соответствующими коптскими формами. (Хотя письмо демотики и коптского языка различны, лингвистически они близки.) Однако после такого обнадеживающего начала Окерблад не смог продвигаться дальше, так как ошибочно предположил, что демотическое письмо было исключительно алфавитным. В основном же оно неалфавитное, хотя те слова, которые ему удалось прочесть, были действительно написаны посредством букв.

Розеттский камень поврежден в начале (иероглифическая часть текста), в меньшей степени пострадал

конец надписи (содержащий греческий перевод). Лучшее всего сохранилась расположенная в центре камня демотическая часть, хотя она тоже неполная, поэтому все первые попытки дешифровки начинались с нее.

Следующий шаг в дешифровке был сделан английским физиком Томасом Юнгом, автором волновой теории света. Олицетворяя все лучшее в культуре своего времени, он имел также ученую степень доктора медицины и свободно владел латынью. Юнга, человека разностороннего и образованного, привлекали новые нерешенные проблемы. В 1814 году в его руки попала копия Розеттского камня. Юнг воспользовался результатами работы Ожерблада, но он понял, что демотическая часть состояла из такого большого числа знаков, что все они не могли быть буквами. Он также осознал связь между иероглифической и демотической письменностями. Встречающиеся в греческой части повторения подсказали Юнгу идею разделить каждую из трех версий на соответствующие отрывки и выделить отдельные слова. Затем он составил словарь из 86 демотических слов или групп слов, соответствующих словам в греческом переводе. Большинство слов было определено правильно. Однако фонетические значения, определенные им для демотических знаков, как правило, были ошибочны, поэтому неверными оказались и их коптские соответствия. В 1816 году на основе уже других текстов он сообщил о своих новых открытиях. Он сопоставил длинные отрывки из папируса «Книги мертвых», написанные иероглифами и иератическим письмом, доказав родство рисуночного письма с его скорописной формой. Он доказал

(о чем другие только догадывались), что в картуши заключены царские имена. Он заметил в папирусах варианты взаимозаменяемых знаков с одним и тем же фонетическим значением. Таким образом, Юнг установил принцип омофонии. Но основное открытие Юнга заключалось в том, что он доказал преимущественно фонетический характер письменности и отсутствие в ней философского, мистического или символического смысла.

Обуреваемый духом первооткрывательства, Юнг первым предпринял попытку дешифровать иероглифический вариант Розеттского камня. Предположив, что иероглифы, передающие имена собственные, греческого происхождения, должны быть записаны фонетически, он сравнил первые семь знаков в картуше с именем «Птолемайос» (Птолемей) в греческом написании. Египетские писцы писали эти знаки так:

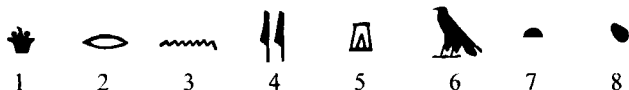
Расположив эти иероглифы в строку, обозначим их цифрами:

Сравнивая эти знаки с именем «Птолемайос», Юнг предложил следующие фонетические значения: 1 — п, 2 — т, 3 — нулевое значение, 4 — оле, 5 — ма, 6 — и, 7 — ос. Мы до сих пор читаем 1 и 2 как предложил Юнг. Он ошибся только относительно значения 3, прочитываемого как «о». Все остальное в основном вер-

но: 4 — л, 5 — теперь транслитерируется как м, 6 — и, 7 — с.

В другом памятнике Юнг верно определил картуш как имя «Береника» . Для простоты чтения расположим знаки в строчку и обозначим цифрами:

Определенные Юнгом значения в основном верны. Выделим, однако, для наглядности значения, которые, как мы теперь знаем, были правильны: 1 — б, 2 — р, 3 — н, 4 — и, 5 — к, 6 — (алеф), 7 — т⁸, 8 — иероглиф «яйцо» (детерминатив женских имен)⁹.

Можно считать, что, показав фонетическую природу египетской письменности, Юнг заложил основу научной египтологии. Его правильные положения неизбежно переплетались с ошибочными, что, однако, не умаляет его заслуг.

В 1815 году в Филе Дж. В. Бенкс раскопал гранитный обелиск с иероглифическими надписями, расположенными на всех четырех поверхностях. Поблизости он также обнаружил цоколь, на котором, по-видимому, обелиск стоял. На цоколе были высечены три близкие по содержанию, хотя и несколько различные греческие надписи с именами Птолемея IX (Эвергета II) и его жены Клеопатры. Иероглифический текст и греческие надписи не совпадали¹⁰. Но в иероглифической надписи имелись два картуша, первый из кото-

рых содержал имя «Птолемей» в том же написании, что и на Розеттском камне. В 1818 году Бенкс справедливо предположил, что другой картуш содержит имя «Клеопатра». Этот картуш выглядит так:

Расположим знаки в строку следующим образом:

Из значений, установленных при дешифровке картушей с именами Птолемея и Береники, мы знаем, что 2 — л, 4 — о, 5 — п, 8 — р, 10, которое читается как «т», является показателем женского рода, а 11 — детерминатив женских имен собственных. Итак, мы имеем: (1)л(3)оп(6)(7)р(9), и раз мы знаем, что в тексте следует ожидать имя «Клеопатра», значит 1 = к, 3 = е, а 6 и 9 = а. Возникает вопрос, как читать 7, значение которого должно быть «т», хотя есть другой знак для «т», встретившийся в имени «Птолемей». И здесь мы столкнулись с проблемой омофонии: разные знаки стоят для обозначения одного и того же звука.

В январе 1822 года результаты работы Бенкса попали к Шампольону, который вскоре использовал их при дешифровке египетской письменности. К сожалению, установление приоритета в подобных ситуациях — проблема сложная, поэтому сначала мы рассказали о дешифровке имени «Клеопатра», чтобы подчеркнуть важность работы Бенкса, сделанной до выдающегося открытия Шампольона в 1822 году.

23 декабря 1790 года в городе Фижак департамента Лот родился Жан Франсуа Шампольон, которому было суждено сделать открытие, превосходившее египтологические исследования Юнга. В 11 лет этот французский вундеркинд решил, что расшифрует египетские надписи. Когда ему исполнилось 12 лет, он начал учить древнееврейский и арабский языки. Юношей он изучал в Гренобле древнюю историю, коптский язык и различные письма, которые могли бы в будущем помочь ему раскрыть секреты Розеттского камня. В 18 лет он стал профессором истории в Гренобльском лицее. Позднее по политическим мотивам он потерял занимаемые должности, и в 1820 году нашел убежище у своего брата археолога Жака Жозефа Шампольон-Фижака, который всю жизнь поддерживал Жана Франсуа, а после его смерти опубликовал его труды.

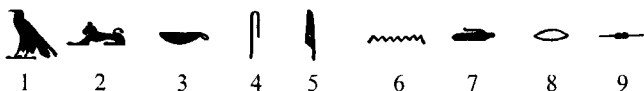
Одержимость Жана Франсуа египтологией была столь сильна, что даже в те бурные годы он не прекращал изучение египетского и коптского языков. Зная историю коптов и египтян, он был достаточно хорошо вооружен для своего эпохального открытия. Благодаря работе над Розеттским камнем и изучению многих других египетских надписей он смог в брошюре, напечатанной в 1821 году, передать написанный демотикой или иератикой текст иероглифическим письмом и наоборот. Появление новых текстов давало ему достаточно материала для дальнейшей работы.

Интересно отметить, что выдающийся французский востоковед Сильвестр де Саси пытался отгово-

рить Шампольона от попытки дешифровать египетские иероглифы и испытывал неприязнь к ученику, которому суждено было затмить своего учителя¹¹. Де Саси, столь благожелательный по отношению к Окер-бладу и Юнгу, не испытывал любви к самому выдающемуся из своих учеников. Де Саси, человеку прекрасно образованному и обладавшему многими другими достоинствами, недоставало качеств, необходимых первооткрывателю, и достаточной широты, чтобы поддержать одного из своих учеников на пути к открытию.

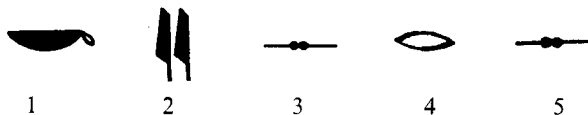
Почти до конца 1821 года Шампольон еще не отрезился от заблуждения, что иероглифы имеют символический характер. Эта укоренившаяся ошибка заставляла его рассматривать иероглиф льва, означающий просто букву «л», как символ войны в картуше имени Птолемея, потому что *p(t)olemos* (корень имени «Птолемей») по-гречески означает «война». Наконец 21 декабря 1821 года он отказался от неправильного представления о символическом характере иероглифики и пришел к выводу, что в основе письменности лежат фонетические знаки. Он основывал свои рассуждения на простом подсчете, который показал, что иероглифов почти в три раза больше, чем слов в греческой версии, и поэтому иероглифы должны включать фонетические знаки. Вскоре Шампольону удалось прочесть несколько греческих и латинских имен и титулов в их иероглифической транскрипции, и это дало ему возможность расширить список фонетических знаков. Рассмотрим несколько знаков, чтобы понять, как была проделана эта работа.

В картуше такие иероглифы:

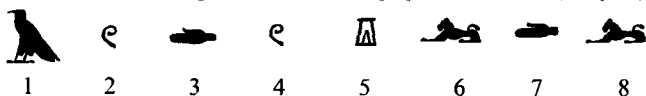

Из картушей имен Птолемея, Береники и Клеопатры мы уже знаем что 1 = а, 2 = л, 4 = с, 5 = гласный, похожий на «е», 6 = н, 7 = т, а 8 = р. Основа имени читается как Ал-сентр-, и Шампольон прочел его как Александр (по-гречески Александрос). Тогда 3 = к, 5 = а (даже если в других словах этот знак соответствует «е») и 7 = д (хотя в других случаях этот знак соответствует греческому «т»), а 9 — еще одно «с» (в соответствии с омофонией, характерной для этой письменности).

Теперь слово в картуше легко читается:

= *кисрс* = Кайсарос (греческая форма слова «Цезарь»)

можно теперь прочесть так: (а)(2)(т/д)(4)(к/г)(л/р)(т/д)(л/р). Приняв 2 и 4 за один и тот же знак, Шампольон правильно прочел эту группу иероглифов — «аутокра-

тор» (царский титул по-гречески), где 2 и 4 представляют в/у/о.

Прочитав группу знаков как «Хадриан(ос)», получаем:

					
1	2	3	4	5	6
	т/д	р		н	с

Шампольон определил, что 1 = х, а 4 = звук, идентичный «иа».

В текстах греко-римского времени Шампольон идентифицирует иероглифическую форму титулатуры греческого правителя Себастоса, а также римских императоров Тиберия, Домициана, Траяна, Антония и Германика. Таким образом, вся дешифровка ограничивалась иероглифической письменностью греко-римского периода.

До сентября 1822 года Шампольон продолжал считать, что, возможно, только имена собственные неегипетского происхождения, а также титулатура передавались с помощью фонетических знаков. Но как же писались исконные имена ранних египетских фараонов? И 14 сентября 1822 года Шампольону удалось ответить на этот вопрос. Теперь, когда он знал, как произносились некоторые знаки, он принялся за изучение картушей более раннего периода, до греко-римского. В картуше наскального храма Абу Симбел он

заметил иероглифы . Два последних знака он смог прочесть как «-сс», а круг он расшифровал как

«солнце», которое по-коптски произносится «ре». Но могут ли знаки «ре-сс» означать «Рамсес»? Все сомнения отпали, когда он обратился к другому картушу

, где ибис был буквенным знаком для

«Тот», т. е. имя фараона могло быть только «Тутмос».

Затем в надписи Розеттского камня Шампольон заме-

тил, что встречаются в группе знаков, соответ-

ствующей «genethlia» (празднование дня рождения) в греческой версии, что соответствует коптскому «миси», «мосе» («рожать», «давать жизнь»). Битва была выиграна. Стало ясно, что египетская письменность была основана на фонетической системе, установлено языковое родство египетского иероглифического языка и коптского. С этого дня началось развитие египтологии (обширный корпус текстов, словари, грамматики, исторические данные и бесчисленные специальные исследования), и ее нынешнее состояние было лишь делом времени и труда.

27 сентября 1822 года Шампольон в своем знаменитом «Письме г-ну Дасье относительно алфавита фонетических иероглифов» сообщил Парижской Академии, что ему удалось дешифровать египетскую письменность. Он прочел письмо в собрании Академии 29 сентября, опустив ряд весьма важных наблюдений, таких как дешифровка имен Рамсеса и Тутмоса. Эти и многие другие положения были впервые им изложены в замечательном «Очерке иероглифической системы», опубликованном в 1824 году.

Большую часть своей недолгой жизни Шампольон провел в сборе и изучении материала в Италии и Египте. Он скончался в возрасте 41 года 4 марта 1832 года, успев определить особенности египетской письменности (идеограммы, фонограммы и фонетические комплексы), родство египетского языка времен фараонов с коптским и заложив основы изучения грамматики и лексикографии египетского языка. Если в начале исследований он основывал свои выводы, опираясь на билингвы, то впоследствии успешно переводил чисто египетские надписи. В наше время его выдающиеся успехи не подлежат сомнению, но в течение многих лет после его смерти они оспаривались.

Блестящие открытия Шампольона были восприняты с явным неприятием, которое зачастую носило личный характер. Оппозицию в основном составляли ученые, воспитанные в классической традиции, поскольку благодаря этим открытиям древний «варварский» народ¹² выдвигался на особое место. Эти ученые принадлежали к одному кругу и были связаны общностью воззрений, оценок и единой методикой. Как правило, новое приветствуется в том случае, если оно ограничивается поверхностными деталями, не меняя структуру в целом. Поэтому интерпретация непонятого слова или стихотворения может быть встречена в академической среде одобрительно, но те же люди ни перед чем не остановятся, чтобы дискредитировать подлинное открытие, способное потрясти основы данной отрасли науки.

Неприятие дешифровки Шампольона прекратилось лишь в 1866 году, когда группа немецких ученых на-

шла стелу с билингвой, написанной иероглификой, демотикой и греческими буквами, и опубликовала ее текст. В эту группу входил Рихард Лепсиус, которому египтология обязана больше, чем кому-либо другому, своим превращением в подлинную науку. Этот текст, известный как «Канопский декрет»¹³, схож с надписью на Розеттском камне (последний называют иногда «Мемфисский декрет»). В 238 году до н. э. жрецы, собравшиеся в Канопе, провозгласили декрет, в котором они перечисляли благодеяния Птолемея III и его супруги Береники и славословили их обоих и их предков. Они также объявили каждый четвертый год високосным, добавляя к нему лишний день. Стиль Канопского декрета проливает свет на Розеттский камень, составленный в той же традиции спустя 40 лет. Пространный и превосходно сохранившийся текст декрета подтвердил правильность дешифровки Шампольона и дал дополнительный материал для стремительно развивающейся египтологии. Битва за признание была Шампольоном наконец выиграна, но ее героя уже 34 года¹⁴ не было на свете. С тех пор его славе ничто больше не угрожало, а его гонители оказались вполне заслуженно забытыми.

На фактах дальнейшего развития египтологии, хотя и существенных, мы в контексте этой книги не будем останавливаться подробно. Отметим, что Адольф Эрман развил те направления египтологии, которые характерны для нее и сейчас. Он написал прекрасное исследование по новоегипетскому языку (периода после правления Эхнатона в XIV веке до н. э.), был инициатором создания Берлинского словаря египетского

языка, написал образцовую работу о жизни Древнего Египта и воспитал плеяду ученых, способствовавших дальнейшему развитию египтологии. Алану Гардинеру принадлежит прекрасный учебник «Грамматика египетского языка»¹⁵, во многих отношениях замечательная работа. Автор решил написать руководство для начинающих и составил упражнения для перевода с египетского на английский и с английского на египетский языки. В учебнике для иллюстрации правил грамматики в уроках используются отрывки из широкого круга литературных источников. Словарная часть учебника также представляет ценность, но совершенно неocenен исчерпывающий список знаков с пояснением. То, что было задумано как обычный учебник, стало Библией египтологии. Изучение «Грамматики» Гардинера стало обязательным для начинающих египтологов, но и ни один ученый, как бы ни были велики его знания, не может обойтись без этой книги.

История Египта — тема необъятная. Возможно, лучшим исследованием в этой области является работа Э. Дриотона и Ж. Вандье «Египет»¹⁶. Но более раннее исследование Египта Э. Мейера и его книга «История Древности» в определенной степени даже значительнее¹⁷; там же рассматривается история Месопотамии, Израиля, Ирана, Анатолии и Греции. Мейер обладал обширными познаниями, что не часто встречается в век узкой специализации. Он не только знал историю разных народов, но и постиг характер их взаимоотношений. Египет интересен и сам по себе, но главное значение его проявляется в том влиянии, какое он оказал

на зарождение и развитие западной цивилизации. Более того, дешифровка египетских иероглифов повлияла на дешифровку других письменностей и языков, о которых речь впереди.

Прежде чем мы простимся с Египтом, будет интересно привести иероглифический текст с параллельной транслитерацией и переводом. Отрывок, взятый из надписи на стеле Сесостриса III¹⁸, отражает всю ту энергию, которая сделала Египет великим.

ir gr m-ht ph

Тот, кто бездействует после нападения,

sshm ib pw n hryw

укрепляет сердце противника,

qnt pw'd

нападение означает храбрость,

hst pw hm- ht

отступление означает трусость,

hm pw m'rw hr t's.f

настоящий трус — тот, кого отбрасывают от его границ,

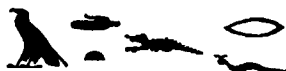
dr-ntt sdm Nhs r hr n r

ибо слушает эфиоп, чтобы упасть при (звуче) слова,

in wsb.f d hm.f

отвечающий ему заставляет его отступить.

d.t (w)r.f

Если нападают на него,

dd.fs'.f

он показывает свою спину.

hm-ht. (tw)

Если кто отступает,

w'.f r'd

он переходит в нападение.

n rmt(t) is nt šft st

Это не те люди, которые достойны уважения,

hwrw pw sdw ibw

это трусы, чьи сердца разбиты¹⁹.

Глава 3

ДЕШИФРОВКА ГРОТЕФЕНДОМ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Дешифровка клинописи, совпавшая по времени с дешифровкой египетской иероглифики, связана с общей духовной атмосферой Европы той поры. В том же 1802 году, когда Ожерблад делал первые успехи в чтении демотической части Розеттского камня, один молодой немецкий учитель разгадал систему древнеперсидской клинописи.

Клинопись* не представляет единой письменности, она состоит из комбинации различных систем письма с применением заостренных клиньев (*лат.* *cuneus* — «клин», «гвоздь»). В основе клинописи — письмо по мягкой глине палочкой с заостренным в виде треугольника концом, отсюда и треугольная форма клиньев. Некоторые тексты, например царские наскальные надписи, писцы высекали резцом. Ни на мягком материале, ни на твердом клинопись не утрачивала форму клиньев и соединительных линий. Клинопись избегала закругленных линий и никогда не претерпевала каких-либо изменений, в отличие от иероглифики, превратившейся, как мы уже видели, сначала в иератическое письмо, а затем в демотику. Хотя за свою трех-

* По-английски «клинопись» — *cuneiform*. (*Прим. перев.*)

тысячелетнюю историю клинопись упростилась — стали использовать меньшее количество клиньев, сами клинья никогда не писались скорописью.

Самым ранним по времени языком, использовавшим клинопись, был шумерский, имевший, так же как и египетский, идеографические и фонетические знаки наравне с детерминативами и фонетическими комплектами. Аккадцы, семитский народ Месопотамии, заимствовали шумерскую систему письма для передачи текстов аккадского языка. Позднее эламиты, хурриты, хетты, урарты заимствовали это письмо у аккадцев для своих языков. Персы во времена династии Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.) разработали упрощенную систему написания, использовав менее сорока буквенных и слоговых знаков и полдюжины идеограмм¹. Это древнеперсидское письмо похоже на шумеро-аккадское только своей клинообразной формой, но никакой знак одной письменности нельзя прочесть или перевести исходя из аналогичного знака другой.

В ряде мест Персии и Мидии внимание европейских путешественников привлекали трехязычные надписи на каменных строениях и на скалах. Все три версии клинописные, но в отличие от трехграфичных надписей Розеттского камня ни одну из этих трех клинописных надписей невозможно было прочесть. Таким образом, дешифровщикам клинописи предстояло решить, так сказать, уравнение с тремя неизвестными, при отсутствии чего-либо известного. Поэтому важно проследить, как накапливались важнейшие элементы информации, давшие возможность в 1802 году дешифровать древнеперсидскую клинопись, что, в свою оче-

редь, привело к дешифровке шумеро-аккадской письменности, отодвинув начало истории Западной Азии на два тысячелетия в глубь веков.

В древнегреческой литературе значительно меньше ссылок на клинопись, чем на египетские иероглифы. Правда, Геродот упоминает, что Дарий воздвиг на Босфоре две колонны: одну — с ассирийскими буквами, другую — с греческими². «Ассирийские буквы» Геродота (*grammata assyria*) могли быть только клинописью.

Но, по всей видимости, в ходе развития европейской культуры о существовании клинописи просто забыли.

В век великих открытий, последовавший за Возрождением, европейцы все чаще стали посещать Персию, где ахеменидские и более поздние персидские правители оставили надписи и скульптурные рельефы на существующих и поныне скалах. В 1472 году Джосафат Барбаро отправился в Персию в качестве венецианского посла. Он посетил Персеполь (столицу, построенную в основном при Дарии и Ксерксе)³, близлежащее городище Накши-Рустам (подлинный музей ахеменидских и среднеперсидских древностей под открытым небом) и древнюю столицу Ахеменидов Пасаргады, где правил Кир Великий. Книга Барбаро «Путешествие, сделанное от Венеции до Тана» была опубликована только в 1545 году.

Первым европейцем, сообщившим о клинописных надписях, был Пьетро делла Валле, описавший их в письме из Шираза другу в Неаполь в 1621 году. В письме скопировано пять древнеперсидских клинописных знаков.

Жан Шарден (1643–1713) посетил Персеполь и другие места в 1666, 1667 и 1674 годах, однако его «Путешествия» были опубликованы только в 1711 году в Амстердаме. Шарден возражал против распространенной точки зрения, что клинопись — это не письменность, а просто орнамент. Он первым из современников тщательно изучил надписи, издал полный текст всех трех версий (древнеперсидскую, эламскую и вавилонскую), дав добросовестное описание текстов Накши-Рустама. Он верно предположил, что клинопись читается слева направо.

Энгельберт Кемпфер (1651–1716), посетивший Персеполь в 1686 году, описал знаки как «клинопись» (*cuneatae*), дав, таким образом, название письменности, которое употребляется до сих пор.

Датчанин из Гольштейна Карстен Нибур (1733–1815) собрал большое количество источников, необходимых для дешифровки древнеперсидской письменности. Сначала он увлекался математикой, затем занялся арабским языком. Знание последнего позволило ему присоединиться к экспедиции, которую датский король Фридрих V отправил для исследования Аравии в 1761 году. Благодаря этому назначению он смог побывать в Египте, Сирии и Палестине, а на юге Аравии он добрался до Саны. В 1762–1763 годах несколько членов экспедиции умерли, а Нибур вместе с врачом экспедиции в 1764 году отплыл в Бомбей. Во время плавания умер и врач, и из экспедиции в живых остался один Нибур. Проведя 14 месяцев в Бомбее, он вновь отправляется в странствие, посещает Персию и Месопотамию. В начале марта 1765 года он посетил

Персеполь, где провел три недели, изучая место, набрасывая планы построек, копируя надписи. Именно его точные копии дали возможность впоследствии дешифровать надписи. В 1788 году он опубликовал полные и точные копии нескольких важных трехязычных надписей Дария и Ксеркса — некоторые публиковались впервые. Изучая эти надписи, часть которых была достаточно пространна, Нибур понял, что они составлены тремя различными видами письма.

В 1798 году Олав Герхард Тихсен (1734–1813), востоковед из Ростка, впервые использовал копии, сделанные Нибуром. Он установил, что между словами в первой системе письма (теперь мы знаем, что это древнеперсидский язык) существовал словоразделитель, и верно предположил наличие в копиях трех разных языков.

В 1802 году датский ученый Фредрик Мюнтер (1761–1830) правильно датировал трехязычные надписи временем династии Ахеменидов. Независимо от Тихсена он определил словоразделитель в первой части и предположил, что в основе ее лежит буквенная письменность, причем вторую версию он определил как слоговое письмо, а третью — как идеографическое. Несмотря на некоторые неточности, его наблюдения относительно трех версий в целом справедливы и представляли еще один шаг в верном направлении. Исходя из повторяющихся групп знаков в трех версиях Мюнтер пришел к заключению, что они совпадают по содержанию. Он смог также выделить знаки, обозначающие слова «царь» и «царь царей».

Для полной и окончательной дешифровки древнеперсидского было необходимо знание нескольких родственных ему языков. Мы уже видели, как коптский послужил лингвистической основой для реконструкции древнеегипетского языка. Но ситуация в Египте, где коптская церковь до сих пор сохраняет египетский язык в форме греческого письма, была непохожа на ситуацию в Иране. Когда Александр Великий разрушил империю Ахеменидов (331–330 гг. до н. э.), культура Ахеменидов, в том числе их письменность, была обречена на гибель.

Позднее, когда в Иране правили парфянские цари и Сасаниды, они писали по-персидски, пользуясь арамейским алфавитом. Правда, зороастрийцы Ирана сохранили очень древние персидские памятники письменности, такие как Зенд-Авеста, но со времени арабского завоевания иранцы стали постепенно переходить в ислам, так что до наших дней сохранилась лишь небольшая, хотя и пользующаяся уважением группа зороастрийцев в Иране. Зороастрийцев, бежавших в Индию, стали называть парсами. Они составляют там образованное и процветающее меньшинство, сохранившее свои традиции и передающее из поколения в поколение знание древних зороастрийских памятников. Европейские ученые смогли понять Авесту, учась у индийских парсов, и, таким образом, этот язык стал достоянием востоковедов, которые со временем смогли дешифровать древнеперсидские клинописные надписи.

Француз Абрахам Гиацинт Анкетиль-Дюперон (1731–1801) отправился в Индию, где, научившись у парсов персидскому языку, подготовил перевод Аве-

сты. Вернувшись во Францию, он исправил и опубликовал этот перевод в 1771 году, подготовив таким образом лингвистическую основу для дешифровки древнеперсидских клинописных текстов.

Однако главной фигурой в востоковедении того времени был Сильвестр де Саси, чью роль в развитии египтологии мы уже отмечали. В 1793 году он издал «Записки о различных древностях Персии», в которых опубликовал несколько коротких надписей на пехлеви (среднеперсидском) сасанидских царей из Накши-Рустама. Используя греческую часть билингв, он смог расшифровать пехлевийский оригинал, где царь говорит о себе: «А., великий царь, царь царей, царь Ирана и не-Ирана, сын Б., великого царя...». А теперь мы должны рассказать о первооткрывателе, использовавшем эту и всю другую имеющуюся информацию для решающего открытия.

Георг Фридрих Гротефенд (1775–1853), школьный учитель из Геттингена, любил разгадывать криптограммы. В 1802 году, когда сама атмосфера культурной жизни призывала принять участие в дешифровке древних писем, Гротефенд решил попробовать свои силы в древнеперсидском. Не будучи востоковедом, он все же изучал филологию и поэтому имел представление о тех проблемах, которые возникают при решении подобных задач.

Вдохновленный переводом титулатуры пехлевийских царей, сделанным де Саси, Гротефенд решил, что она применялась и в древнеперсидской традиции. Он верно догадался, что надпись, стоящая первой в трехязычном тексте, должна быть составлена на родном

языке ахеменидских царей. В древнеперсидской письменности меньше знаков, чем в двух других, и для передачи того же текста ей требуется больше знаков, чем в остальных системах.

Действительно, в древнеперсидской части иногда между словоразделителями стоит на менее десяти знаков. Все это привело Гротефенда к мысли, что в основе персидской письменности лежит алфавит (так как вероятнее всего, что слово состоит из десяти букв, а не из десяти слогов). На самом деле древнеперсидская письменность представляет нечто среднее между алфавитным и слоговым типом, но Гротефенд оказался очень близок к истине, сравнив две различные, но типологически сходные надписи, изданные Нибуром. Гротефенд понял это родство, сопоставляя слова и фразы в той же последовательности. Для пояснения мы приведем оба текста в параллельных столбцах и выявим одинаковые слова в обеих частях текста.

Транскрипция и перевод текста помогут читателю понять ход рассуждений Гротефенда (см. таблицу на с. 71).

Рассматривая сасанидскую формулу («А., великий царь, царь царей, царь Ирана и не-Ирана, сын Б., великого царя...»), Гротефенд выделил в первой строке соответствующее имя царя, и в строках 2–5 титулатуру «великий царь, царь царей». Соответственно в строках 2, 4 и 5 есть слово, означающее «царь»; более длинное слово в строке 5 должно иметь окончание родительного падежа во множественном числе («царей»). Слово в строке 10 должно означать «сын», так как в формуле содержится степень родства. Поскольку

Транслитерация и перевод текстов

Текст 1	Текст 2
1) da-a-ra-ya-va-u-sha Дарий	1) kha-sha-ya-a-ra-sha-a Ксеркс
2) kha-sha-a-ya-tha-i-ya царь	2) kha-sha-a-ya-tha-i-ya царь
3) va-za-ra-ka великий	3) va-za-ra-ka великий
4) kha-sha-a-ya-tha-i-ya царь	4) kha-sha-a-ya-tha-i-ya царь
5) kha-sha-a-ya-tha-i-ya-a- na-a-ma царей	5) kha-sha-a-ya-tha-i-ya-a- na-a-ma царей
6) kha-sha-a-ya-tha-i-ya царь	
7) da-ha-ya-a-na-a-ma стран	

Продолжение табл.

Текст 1	Текст 2
8) vi-i-sha-ta-a-sa-ra-ha-ya-a Гистаспа	8) da-a-ra-ya-va-ha-u-sha Дария
9)	9) kha-sha-a-ya-tha-i-ya-ha-ya-a царя
10) pa-u-sa сын	10) pa-u-sa сын
11) ha-kha-a-ma-na-i-sha-i-ya Ахеменид	11) ha-kha-a-ma-na-i-sha-i-ya Ахеменид
12) ha-ya кто	
13) i-ma-ma этот	
14) ta-sa-ra-ma дворец	
15) a-ku-u-na-u-sha построил	

- 1)
- 2)
- 3)
- 4)
- 5)
- 6)
- 7)
- 8)
- 9)
- 10)
- 11)
- 12)
- 13)
- 14)
- 15)

Перевод двух текстов:

Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, сын Гистаспа, Ахеменид, (есть тот), кто этот дворец построил

Ксеркс, великий царь, царь царей, сын царя Дария, Ахеменид

в тексте 2 слово «царь» встречается в строке 9 (перевод «сын»), то в строке 8 должно стоять имя этого царя. В тексте 2 отцом царя может быть только тот царь (родительный падеж), имя которого стоит в строке 1 в именительном падеже (текст 1). Но имя отца царя (текст 1, строка 8) не сопровождается титулом «царь». Поэтому можно предположить, что текст 2 был написан для сына того царя, при котором был написан текст 1. Но царь в тексте 1 сам не был сыном царя. О каком же царе говорится в тексте 2?

Гротефенд предположил, что это был царь Ксеркс, сын царя Дария, который был сыном Гистаспа (Геродот нигде не упоминает, что Гистасп был царем). Это предположение подтверждается и тем фактом, что «Дарий» и «Ксеркс» — слова примерно с одинаковым количеством знаков (шесть букв — по-гречески, семь — в древнеперсидской графике), а слово «Гистасп» длиннее (девять греческих букв, десять — в родительном падеже древнеперсидского). Отсюда следует, что в 1 строке текста 1 стоит имя «Дарий» в именительном падеже, а в строке 8 текста 2 — то же имя в родительном падеже, в строке 1 текста 2 стоит имя «Ксеркс» в именительном падеже. Таким образом, строка 8 текста 1 содержит имя отца Дария, Гистаспа (в родительном падеже), который царем не был.

Рассматривая формы имен Гистаспа, Дария и Ксеркса, которые он отнес к древнеперсидскому, Гротефенд пришел к заключению, что это алфавитная письменность, имсущая следующие фонетические значения, которые мы сравним с правильной их транскрипцией в современном употреблении:

<i>Имя</i>	<i>Транскрипция по Гротефенду</i>	<i>Современная транскрипция</i>
Гистасп	g o s h t a s p	v ⁱ sh ^a t ^a s ^a p ^a
Дарий	d a r h e u s h	d ^a a r ^a y ^a v ^a u s h ^a
Ксеркс	kh s h h a r s h a	kh ^a sh ^a y ^a a r ^a sh ^a a

Правильная транслитерация (в том смысле, что она теперь общепринята) учитывает такие гласные звуки, которые читаются, но могут и не читаться в произношении. Если их игнорируют, то эти знаки передаются буквами, как и предположил Гротефенд. Принцип алфавитной транслитерации Гротефенда был столь же далек от правильной транслитерации, как и наша силлабическая транслитерация, но, учитывая новаторский характер работы, нельзя считать это его ошибкой. Действительно, на основе прочтения только этих имен он получил правильные фонетические значения š, t, a, s, p, d, r, u, h, т. е. девять знаков, дававшие возможность приступить к чтению древнеперсидских надписей. Кроме того, он также идентифицировал слова «царь» и «великий» и, наконец, в 1815 году прочел имя «Кир» в одной надписи из Мургаба. Это стало возможно после того, как хорошо знавший Персию английский дипломат Джеймс Юстиниан Морьер (1780–1849) нашел в Мургабе гробницу Кира. Сами персы уже давно забыли о Кире, которому удалось превратить Персию в величайшую державу мира, они принимали его гробницу за могилу матери Соломона (Мадари-Сулейман).

Задача, стоявшая перед Гротефендом, была труднее, чем дешифровка египетской письменности, по-

скольку там имелся понятный греческий перевод, дававший ключ к дешифровке. Дешифровка же древнеперсидского была под силу лишь гению, который, исходя из содержания немногих текстов и опираясь на факты, сумел быстро, просто и ясно решить проблему, казавшуюся до того неразрешимой.

4 сентября 1802 года Гротефенд представил свою работу на рассмотрение Академии наук в Геттингене. Академия не сочла это исследование достойным публикации и опубликовала лишь краткое сообщение. Сильвестр де Саси проявил больше здравого смысла, напечатав в 1803 году подробный обзор работы Гротефенда по дешифровке, включив полностью оба древнеперсидских текста с транскрипцией и переводом, в «Энциклопедическом журнале» (*Magasin Encyclopédique*), издаваемом Миллэном. Другой подробный отчет был опубликован Арнольдом Геереном в его обширном исследовании «Идеи по поводу политики, отношений и торговли ведущих народов Древнего мира». Но в целом дешифровка Гротефенда не была признана востоковедами, а им бы следовало понять значение этой работы и в дальнейшем опираться на нее.

В 1823 году Ж. А. Сен-Мартэн (1791–1832) подтвердил правильность гротефендовской дешифровки клинописной билингвы на материале вазы, опубликованном графом Кайлюсом в 1762 году. На вазе имелась надпись на четырех языках: древнеперсидском, эламском, вавилонском и древнеегипетском. Шампольон прочел египетскую часть, которая гласила: «Ксеркс, великий царь», но эта надпись по древнеперсидски уже была прочитана Гротефендом в 1802 году

в персепольской надписи. Однако подтверждение верности сделанных древнеперсидской и египетской дешифровок так и не поколебала сомнений и не сломила равнодушия заправил от науки, которые так часто в подобных случаях проявляют тупость, когда в области их науки происходят какие-то выдающиеся открытия.

Сорок лет спустя после смерти Гротефенда ученый мир загладил свою вину по отношению к этому первооткрывателю. В 1893 году его рукопись была вновь открыта и издана полностью, став вехой в истории изучения клинописи. А отказ Геттингенской академии напечатать это на 90 лет раньше, к сожалению, не единственный пример невежества. Академии, комитеты, редакционные коллегии и т. п. зачастую состоят из людей слишком приземленных, которым бывает трудно отличить гениальность от безумства.

Идентифицировав 12 знаков древнеперсидской клинописи (треть фонетических знаков), Гротефенд заложил основу дешифровки. Дальнейшую его работу затруднили два обстоятельства. Во-первых, он не располагал большой Бехистунской надписью Дария на трех языках. Во-вторых, ему не хватало востоковедческой подготовки, чтобы охватить во всей полноте растущий объем исследований по Древней Персии. Для завершения работы по дешифровке древнеперсидской письменности нужно было знание Авесты и родственного языка — санскрита. Зарождающейся области науки — индоевропейскому языкознанию — еще только предстояло внести свой вклад в науку.

Датский ученый Расмус Христиан Раск (1787–1832), специалист по языкам Авесты и пехлеви, изучив де-

шифровку Гротефенда, пришел к выводу, что язык ахеменидских надписей родственен языку Авесты и оба относятся приблизительно к одному времени. В 1826 году Раск установил окончание родительного падежа множественного числа — ānām, встречающееся в сочетании «царь царей», и, таким образом, нашел правильное чтение знаков na и -ma.

В 1836 году исследователь Авесты Эжен Бюрнуф (1801-1862) опубликовал «Записку о двух клинописных надписях», где привел еще два верно прочитанных знака. Знание Авесты и санскрита помогло ему перевести несколько древнеперсидских слов, из которых самым важным и полезным было a-da-ma (adam) — «Я (ссмь)».

Бюрнуф оценил значение Авесты для изучения древнеперсидского языка, и когда в 1834 году появились его комментарии к «Ясне» (литургические песнопения, составляющие треть Авесты), то значение этой работы осознали также и те европейские ученые, которые занимались дешифровкой древнеперсидских надписей.

В том же 1836 году, когда Бюрнуф опубликовал свою «Записку», Кристиан Лассен (1800-1876) издал «Древнеперсидские клинописные надписи», где излагал близкие Бюрнуфу взгляды. Обоих ученых связывали дружеские отношения, и они поддерживали друг с другом постоянный контакт. У Лассена возникла идея, принесящая блестящие результаты. Вспомнив, что Геродот рассказывает, как Дарий начертал названия составляющих его армию народов на колоннах, воздвигнутых им на побережье Босфора⁴, Лассен предположил, что этот перечень должен содержаться в тек-

стах из Персеполя. Он нашел один текст, содержащий 24 имени собственных, из которых он смог прочесть 19. Это помогло ему увеличить число знаков с известным фонетическим значением до 23. Большое значение имело то, что Лассен знал авестийские формы имен. Владея санскритом, он понял, что в древнеперсидском, так же как и в санскрите, краткий гласный «а» не пишется после некоторых согласных, поэтому то, что Гротефенд читал как t, d, r, h, š, s и т. д., могло читаться ta, da, ra, ha, ša, sa и т. д. Знак «а» ставился только в случае долгого «ā», т. е. da-а означало dā.

В 1837 году Э. Э. Ф. Бер (1805- 1841) прочел еще два знака, а Эжен Венсан Станислас Жаке (1811-1838) шесть (включая и те знаки, которые независимо от него определил Бер). И хотя они оба не смогли внести исправления в перевод Бюрнуфа и Лассена, найденные ими новые значения помогли иранистам расширить вокабуляр древнеперсидского языка⁵.

Важность дешифровки древнеперсидского языка не ограничивается рамками корпуса ахеменидских надписей на древнеперсидском языке. Благодаря фонетическому облику имен собственных стала возможной дешифровка эламской и аккадской версий в трехязычных надписях. Дешифровка аккадского письма раскрыла огромные литературные богатства на аккадском и шумерском языках из Вавилонии, Ассирии и всей Передней Азии. А со временем были прочитаны литературные памятники также на хеттском и других языках, написанные аккадской клинописью. В результате наши исторические и филологические познания неизмеримо обогатились.

Осуществленной Гротефендом дешифровке было суждено померкнуть в свете работ другого пионера, Раулинсона, о котором речь пойдет в следующей главе. Однако открытие Гротефенда осталось сверкать, как блистательный алмаз. Мыслительный процесс, ведущий к великим открытиям, часто оказывается ясен и прост. К такого рода открытиям относится и дешифровка, осуществленная Гротефендом в 1802 году.

Глава 4

ОСВОЕНИЕ ШУМЕРО-АККАДСКОГО НАСЛЕДИЯ

Выдающейся фигурой среди первых исследователей клинописи был англичанин Генри Кресвик Раулинсон (1810–1895). В школе в предместье Лондона он с особым интересом изучал греческих и латинских историков. В то же время он был отличным спортсменом. Интеллектуальные и физические способности помогли ему осуществить великую задачу, стоявшую перед ним. В 1827 году Ост-Индская компания отправила Раулинсона в Индию, где он изучал персидский, арабский и хинди: это позволило ему в 1828 году не только стать переводчиком, но и занять место казначея 1-го Бомбейского гренадерского полка. В 1835 году ему предложили службу в Иране в качестве военного советника при брате шаха, губернатора провинции Керманшах (в Иранском Курдистане).

Возможно, Раулинсон слышал об открытиях Гротефенда и других европейских ученых, но все же нет оснований предполагать, что до 1836 года он имел представление о чтении того или иного знака в древнеперсидских надписях. Он был обязан своим предшественникам скорее в смысле «побуждения к действию», а не прямым заимствованием их идей.

По пути в Керманшах он узнал о существовании двух клинописных надписей на склонах горы Эльвенд, недалеко от Хамадана. Местные жители и до сих пор называют эти надписи «Гяндж-наме» («Книга сокровищ»); по преданию, в них говорится о спрятанных сокровищах. В 1835 году и повторно в 1836 году он скопировал обе надписи и пришел к выводу, что одна из них принадлежала Дарию, сыну Гистаспа, а другая — Ксерксу, сыну Дария. Работая над тем же материалом и в том же направлении, что и Гротефенд, он пришел к выводам, в целом аналогичным тем, которые несколько ранее сделал Гротефенд.

В Керманшахе Раулинсон узнал о пространной надписи и рельефе на скале Бехистун в 22 милях к востоку от города. В 1835 году он часто посещал это место и стал копировать текст. В конце 1836 года от британского резидента в Багдаде полковника Тейлора он узнал об успехах Гротефенда в работе по дешифровке древнеперсидского языка. Но Раулинсону стало ясно, что работа Гротефенда мало может помочь ему, так как он уже прочел значительно больше знаков, чем Гротефенд. Во всяком случае, заслуга Раулинсона состояла вовсе не в том, что ему удалось сделать первые решающие шаги в дешифровке, ибо Гротефенд опередил его в этом на треть столетия. Величайшее достижение Раулинсона заключалось в том, что он заново открыл, сделал копию и дешифровал Бехистунскую надпись, которая длиннее и важнее по содержанию всех прочих ахеменидских трехязычных надписей вместе взятых. Рискуя разбиться насмерть, Раулинсон провел много времени, копируя текст, который затем ис-

пользовал не только для дешифровки древнеперсидского языка, но и для работы над самой важной частью этой надписи, вавилонской. Кроме того, он не скрывал этот материал, а предоставил возможность и другим принять участие в дешифровке. В тексте рассказывается, как Дарий подавил восстание в своей стране и за ее пределами, укрепил свое могущество и расширил границы империи. В надписи содержится много имен и географических названий, что дало Раулинсону возможность установить фонетические значения знаков. Содержание надписи позволило ему понять грамматику и основной словарный запас древнеперсидского языка.

В 1836-1837 годах Раулинсону удалось перевести первые два столбца древнеперсидской части Бехистунской надписи, в общей сложности 200 строк. В 1837 году он отправляет Королевскому Азиатскому обществу текст с транскрипцией, переводом и комментариями. Его сообщение попадает в Лондон в начале 1838 года. Эдвин Норрис (1795-1872) послал копию этого сообщения в Азиатское общество в Париже, чтобы с ним могли ознакомиться Бюрнуф и другие французские ученые. Произведенное там впечатление было столь велико, что Раулинсона выбрали почетным членом общества и послали ему «Записки» от 1836 году Бюрнуфа и его же книгу о «Ясне», изданную в 1833 году. Именно на сообщении 1837 года и дополнениях к нему, написанных в 1839 году, основывал Раулинсон свои претензии на полную дешифровку древнеперсидской письменности, а не на более полном варианте его «Записки» от 1846 года, как иногда ошибочно полагают¹.

Отождествив имена Гистаспа, Дария и Ксеркса в текстах Гяндж-наме, Раулинсон получил фонетические значения для 13 знаков, которые теперь транслитерируются так: d^a, a, r^a, y^a, v^a, u, sh^a, kh^a, vⁱ, i, t^a, s^a, и p^a (факультативные гласные изображены сверху). Раулинсон помнил, что, согласно Геродоту, Ксеркс говорил, что он был сыном Дария, который был сыном Гистаспа, сына Аршамы, сына Ариарамны, сына Теиспеса, сына Кира, сына Камбиза, сына Теиспеса, сына Ахемена². Но в надписях Гяндж-наме было только три царских имени, поэтому Раулинсон предположил, что в Бехистунской надписи их могло быть больше. И он был прав, ибо древнеперсидская версия надписи начинается так: «Я --- Дарий, царь великий, царь царей... царь стран, сын Гистаспа, внук Аршамы, Ахеменид». Дарий-царь говорит в надписи: «Мой отец --- Гистасп, отец Гистаспа --- Аршама, отец Аршамы --- Ариарамна, отец Ариарамны --- Чишпиш (Теиспес в греческой передаче), отец Чишпиша --- Ахеменид». Поэтому когда Раулинсон нашел a-r^a-sh^a-a-X там, где должно было стоять имя «Аршама», он понял, что X = m (теперь транскрибируется как m^a). Поскольку a-r^a-i-y^a-a-r^a-m^a-Y соответствовало в генеалогии «Ариарамне», то конечный знак читался как «n» (теперь n^a). В Z-kh^a-a-m^a-n^a-i-sh^a-i-y^a, «Ахеменид», первый знак не мог быть «a» (знак для «a» уже был известен), и Раулинсон верно предположил, что это ha. Пространность Бехистунской надписи и ее содержание помогли Раулинсону продвинуться далее других в дешифровке древнеперсидской письменности. Чтобы скопировать текст, нужны были мастерство спортсмена и изрядная доля

мужества, а для дешифровки требовались знания, способности и настойчивый труд.

В 1839 году началась афганская война, а в 1840 году Раулинсона назначили политическим представителем в Кандагаре. Он организовал, обучил и возглавил соединение персидской кавалерии, которое одержало победу в битве под Кандагаром 29 мая 1842 года. Его военная карьера завершилась в конце того же года, он отказался от ряда выгодных предложений для того, чтобы вернуться в Багдад, неподалеку от которого находилась Бехистунская и другие клинописные надписи. Полковник Тейлор ушел в отставку, и Раулинсон в 1843 году занял его пост политического представителя в принадлежавшей Турции Аравии, со штаб-квартирой в Багдаде. Вместе с двумя помощниками в начале лета 1844 года он вновь добрался до Бехистунской скалы и закончил копирование персидской и эламской версий. Позднее Раулинсон сам рассказал волнующую историю о том, как осуществлялась эта работа с помощью веревок и лестниц, по которым нужно было добраться к узким выступам, сделанным древними писцами и резчиками, искусно меняя положение, чтобы избежать смертельного падения³.

В 1847 году Раулинсон снова возвращается к Бехистунской горе, чтобы скопировать труднодоступную вавилонскую версию надписи. Копировать можно было и стоя внизу с помощью подзорной трубы, но Раулинсон хотел сделать эстампаж, что, конечно, было особенно важно, так как поверхность скалы была источена потоками дождевой воды. Эта задача была слишком рискованной даже для Раулинсона, но он

нашел курдского мальчика, который, карабкаясь и балансируя, закрепил колышки в расщелинах скал, прикрепил к ним веревки и, «свисая на них, цепляясь пальцами рук и ног за неровности скалы», перебирался с места на место, совершая чудеса ловкости и демонстрируя недюжинную сноровку: он устроил нечто вроде люльки маляра и под руководством Раулинсона сделал оттиск вавилонской версии, которой было суждено открыть новую область науки — ассириологию.

Древнеперсидские надписи и сами по себе представляют большой интерес для историков и лингвистов, но их непреходящее значение заключается в том, что эти тексты дали ключ к вавилонской части трехязычной надписи, а это, в свою очередь, раскрывало несметное богатство эпиграфики Вавилонии и Ассирии. И хотя с помощью имен собственных выяснилось чтение знаков, все же только знание авестийского и персидского, а также санскрита дало возможность Раулинсону и другим европейским ученым составить глоссарий и подробную ассиро-вавилонскую грамматику и правильно перевести тексты. Древнеперсидский настолько близок авестийскому, что стало возможным довольно успешно применить этимологический метод. Близкие по звучанию и значению слова встречаются в этих родственных языках Древнего Ирана сравнительно часто. Позднее, уже в XIX веке, на о. Элефантина (Верхний Египет) были обнаружены фрагменты перевода Бехистунской надписи Дария на арамейский язык⁴. Арамейский — один из хорошо изученных семитских языков, но эти фрагменты лишь подтвердили то, что могли сделать дешифровщики и без помощи

билингвы: древнеперсидское письмо уже было полностью расшифровано, хотя и с немалым трудом.

Приведем образец древнеперсидского письма, а именно молитву, написанную клинописью и являющуюся отрывком из надписи Дария из Персепполя⁵.

𐎶𐎵	𐎶𐎵	𐎠𐎥	𐎶𐎵	𐎶	𐎶	𐎠𐎥𐎶	𐎶𐎵	𐎠𐎥	𐎶𐎵	𐎶
i	ma	a	ma	/	da	ha	ya	a	u	ma
imām					dahyāum					
эту					страну					

𐎠𐎥	𐎠𐎥	𐎶𐎵	𐎶𐎵	𐎶𐎵	𐎶	𐎠𐎥	𐎶	𐎠𐎥	𐎶𐎵	𐎶𐎵	𐎠𐎥
a	u	ra	ma	za	da	a	/	pa	a	tu	u
Auramazdā							pātuv				
Пусть Ахурамазда							защитит				

𐎶𐎵	𐎶	𐎠𐎥	𐎠𐎥	𐎶	𐎶	𐎶	𐎠𐎥	𐎶	𐎠𐎥	𐎶	𐎠𐎥
va	/	ha	ca	a	/	ha	i	na	a	ya	a
hacā					haināyā						
от					(вражеского) войска						

𐎶	𐎠𐎥	𐎠𐎥	𐎶	𐎶	𐎶	𐎠𐎥	𐎠𐎥	𐎶	𐎠𐎥	𐎶
/	ha	ca	a	/	du	u	sha	i	ya	a
hacā					dushiyārā					
от					голода					

𐎶𐎵	𐎠𐎥	𐎶	𐎠𐎥	𐎠𐎥	𐎶	𐎶	𐎶𐎵	𐎠𐎥	𐎠𐎥	𐎶𐎵
ra	a	/	ha	ca	a	/	da	ra	u	ra
hacā					draugā					
от					лжи					

«Пусть (бог) Ахурамазда защитит эту страну от врага, голода и лжи».

Вторая часть трехязычной ахеменидской надписи составлена на эламском языке. К сожалению, здесь нельзя применить этимологический метод, поскольку эламский не принадлежит ни к одной из известных языковых семей. Но мы знаем содержание эламской части, так как она является переводом с древнеперсидского — к тому же находится в тексте, составленном на трех языках, — а лучшего ключа к разгадке билингвы нельзя пожелать.

В эламской части насчитывается 111 знаков, поэтому было определено, что письмо слоговое. Отсутствие словоразделителей затрудняло анализ, но, как заметил еще Гротенд в 1837 году, перед личными именами мужского рода стоит вертикальный клин в соответствии с шумеро-аккадской традицией.

Нильс Людвиг Вестергард (1815–1878), сделавший копии текстов надписей Персеполя и Накши-Рустама в 1843 году, имел славу первоклассного копииста. Он не только прочитал имена собственные в эламской версии, но первым транскрибировал всю часть эламского текста. Следующим шагом была публикация в 1853 году в Лондоне Эдвином Норрисом эламской версии Бехистунского текста, которая увеличила количество прочитанных имен с 40 до 90. Таким образом, было установлено большинство фонетических значений для эламских слоговых знаков. Поскольку содержание текста было известно из древнеперсидской части, можно было уже приступить к работе над грамматикой и словарем. И все же наше понимание эламского языка в лингвистическом аспекте отстает от хорошо изученных древнеперсидского и вавилон-

ского, так как эламский язык стоит особняком в ряду других языков. К тому же значение эламского языка ограничивалось пределами Западного Ирана.

Несмотря на тяжкий и тщательный труд, дешифровка эламского языка зависела от подлинно новаторской работы по дешифровке древнеперсидского, а исключительное значение трехязычной надписи стало ясно после дешифровки вавилонской версии. Поняв это, Раулинсон прекратил работу над эламской версией и целиком сосредоточился на вавилонской. Сказанное можно отнести и к двум другим выдающимся пионерам ассириологии — ирландцу Эдварду Хинксу (1792–1866) и французу Жюлю Опперту (1825–1905). Эти талантливые ученые внесли свой вклад в работу над дешифровкой древнеперсидского письма. Англиканский священник Хинкс внес свою лепту и в дешифровку египетской иероглифики, определив функции детерминативов.

Еще до того, как приступили к дешифровке вавилонской версии, было известно, что она написана тем же письмом, что и тексты Месопотамии, образцы которых знали уже в Европе в XVIII веке. Тысячи клинописных надписей на глине и на камне были обнаружены поколениями археологов — первооткрывателей. Французский вице-консул в Мосуле Поль-Эмиль Ботта в 1843 году начал раскопки в Хорсабаде, столице правителя Ассирии Саргона, завоевавшего в 722 году до н. э. север Израильского царства. Затем в 1845 году англичанин Генри Остен Лэйярд начал раскопки Ниневии — еще более важной столицы Ассирии⁶. Эти и другие археологи пополнили музеи Европы, такие как

Лувр и Британский музей, надписями и произведениями искусства Месопотамии. Стало ясно, что третья (вавилонская) часть ахеменидских надписей, как отмечали Раулинсон и другие исследователи, — без сомнения, наиболее важная.

Возможность установить фонетическое значение вавилонских знаков появилась тогда, когда сравнили имена собственные персидской и вавилонской версий, но сам этот процесс занял много времени и оказался достаточно труден из-за сложности вавилонской системы письма. Во-первых, вавилонская письменность насчитывает более 300 знаков. Детерминативы и идеограммы, которые теперь известны и оказывают помощь при чтении, ставили бесчисленные загадки перед первыми исследователями, искавшими их значение.

Кроме того, для вавилонской письменности характерны как полифония, так и омофония. Полифоничный знак имеет более одного фонетического значения, например, знак «TAR» можно читать в зависимости от контекста: tar, kud, ḥas, sil и gùg. Древние писцы (как и современные ассириологи) знали, что произношение полифонического знака зависит от контекста. Для этой письменности также характерна омофония. Омофония — наличие разных знаков с одинаковым произношением. Так, например, имеется не менее девяти совершенно разных знаков с фонетическим значением «а» (Сравни g, j, s, r со звуком [zh] во французских словах «Rouge», «Jacques» и английское «pleasure» и «azure»).

Для аккадской письменности характерны и другие особенности. Наряду со знаками, которые следует чи-

тать ba, bi, bu, ka, ki, ku и т. д., в соответствии со схемой: согласный + гласный, и как ab, ib, ub, ak, ik, uk, и т. д. по схеме: гласный + согласный, существуют и другие, такие как bab, ban, buk, kap, kan, kub и т. д. по схеме: согласный + гласный + согласный. Поэтому слово na-ar-ka-ab-tu («колесница») можно написать nar-ka-ab-tu, na-ar-kab-tu или nar-kab-tu. Кроме того, писцы, чтобы блеснуть своей эрудицией, нередко писали одно и то же слово по-разному в пределах одной надписи.

В 1850 году, успешно истолковав довольно пространственный исторический текст на аккадском языке, Раулинсон признался, что после разгадки всех вавилонских знаков и слов, которые оказалось возможным определить в трехязычной надписи, он неоднократно был готов бросить работу, когда пытался применить полученные знания к расшифровке ассирийских надписей. Любой ассириолог, знакомый с материалом, мог бы посочувствовать Раулинсону и понять его отчаяние.

В 40-е годы XIX века Гротефенд прочел в вавилонских текстах имена Дария, Ксеркса, Кира и Гистаспа. Он также определил группу знаков на кирпичках из Вавилонии, означающую имя «Навуходоносор», хотя и не смог прочесть отдельные знаки, из которых состояло это слово.

В Швеции Исидор Лёвенстерн в 1845 году верно предположил, что аккадский язык принадлежит к семитским языкам. Родство аккадского с такими хорошо известными языками, как древнееврейский и арабский, дало возможность успешно применять к нему

этимологический метод, а результаты можно было одновременно проверять методом контекстуальным. Со временем лексикография и грамматика аккадского языка были достаточно хорошо разработаны, что отличает их и сегодня.

В 1850 году Хинкс правильно подметил особенность вавилонской письменности, констатируя, что знаки передают не согласные звуки, а слоги. Именно он установил наличие трех типов слогов (ba, ab и bab). Хинкс также определил, что знак может быть полифоничным, и поэтому один и тот же знак может употребляться как идеограмма, слог или детерминатив. Он также нашел ряд детерминативов, которые включают имена богов, название стран и городов.

Архсолог Ботта обнаружил, что одно и то же слово может быть написано с помощью идеограммы или силлабически. Среди надписей из дворца Саргона в вариантах одного текста ему встречалось одно и то же слово или имя, которое писали кратко идеограммой или более пространно — силлабически. Возьмем один простой пример: аккадское слово *sharru* («царь») обычно пишется идеограммой, но может быть написано также тремя знаками — *sha-ar-ru*. Таким образом, и дилетанты могут делать важные открытия, — ведь Ботта не был ни востоковедом, ни филологом, — на ранних этапах, когда еще предстоит все открыть и когда энтузиазм первопроходца может принести ценные плоды. В наши же дни ассириология стала такой сложной наукой, что новичку, как бы блестяще одарен он ни был, вряд ли удастся внести в нее ценный вклад, не овладев этой наукой во всем ее современном объеме.

Новичок едва ли прочтет хоть один новый знак, неизвестное слово или новую грамматическую форму, если их нет в опубликованных списках знаков, словарях или грамматиках. Истинному новатору неуютно в высокоразвитых областях науки.

К середине XIX века такие пионеры, как Раулинсон и Хинкс, уже могли читать и переводить аккадские тексты. За три тысячелетия своего существования клинопись заметно видоизменилась; более того, в один и тот же период для различных целей использовались разные формы письма. Например, законы Хаммурапи начертаны на каменной стеле архаичным письмом, а на глиняных табличках, датированных временем царствования того же Хаммурапи, знаки имеют более простую форму. Существуют также отличия в шумеро-вавилонской письменности, связанные с географическими и хронологическими особенностями. Ученый может великолепно разбираться в аккадской клинописи ахеменидского времени, но не распознать тех же знаков в их более ранней по времени и более сложной по написанию форме, датируемой двумя тысячелетиями ранее. Хинкс уяснил это, когда установил тождество двух надписей, одной — старовавилонской и другой, написанной нововавилонским письмом.

Значение открытий первых исследователей едва ли признали все. Ученые, знакомые с текстами на хорошо известных языках и алфавитах, таких как латынь и греческий, не всегда могли отдать себе отчет в том, какие трудности представляет аккадская клинопись, пользующаяся идеограммами, полифонией и омофонией. Лондонское Королевское азиатское общество,

чтобы внести ясность, предприняло довольно драматический шаг, подсказанный Уильямом Генри Фоксом Талботом, математиком и изобретателем способа калотипии в фотографии, который очень интересовался ассириологией. Случилось так, что в 1857 году Талбот, Раулинсон, Хинкс и Опперт оказались одновременно в Лондоне. Каждому из них был предложен экземпляр копии цилиндра Тиглатпаласара I, недавно обнаруженный при раскопках; при этом их просили работать независимо друг от друга и представить результаты в запечатанном конверте. Когда конверты распечатали, то выяснилось, что их переводы в основном совпадали. В результате можно было считать, что дешифровка аккадского письма не только завершена, но и получила всеобщее признание. Но все же недоверие и сомнения не рассеялись окончательно. В 1876 году А. фон Гутшмид подверг достигнутую дешифровку столь яростным нападкам, что маститый ассириолог Э. Шрадер вынужден был в 1878 году стать на защиту своей науки. Слова Э. Мейера о фон Гутшмиде можно с полным правом отнести к любой критике, подвергающей сомнению верность дешифровки: «Подобное недоверие к результатам дешифровки немедленно улетучилось бы, если бы критики, подобные фон Гутшмиду, взяли на себя труд ознакомиться с азами письменности»⁷.

Для того чтобы получить более ясное представление о том, как осуществлялась дешифровка вавилонского письма, мы рассмотрим несколько разных текстов для иллюстрации.

Имена собственные и смысл вавилонской части текста Ксеркса стали известны из дешифровки древне-

персидской версии (см. текст 2 на стр. 71) трехязычной надписи (в следующем отрывке фонетическая транскрипция дается так, как это теперь принято в ассириологии, т. е. š=sh, ḫ=kh).

𐎶 𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵
 ṁḫi — ši — ' — ar — ši царь
 (=šarru)
 Ксеркс, царь

𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵
 ВЕЛИКИЙ^u (=rabû) ЦАРЬ (=šar) ЦАРЬ^{pl} (=šarrâni)
 СЫН (=mâr)
 Великий царь царей сын

𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵
 ṁda-a-ri-ia-a-muš ЦАРЬ (=šarri)
 Дария, царь

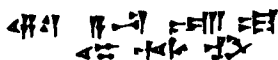
𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵 𐎶𐎵𐎶𐎵
 ṁa-ḫa-ma-an-niš-ši-'
 Ахеменид

«Ксеркс, великий царь, царь царей, сын царя Дария, Ахеменид».

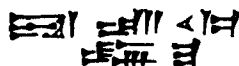
В транскрипции детерминативы и фонетические компоненты подняты над строкой. Таким образом, ṁ стоит перед именем мужского рода; ^{pl} означает множе-

a-na ŠAMÁN-LAL (šamallim)
торговцу

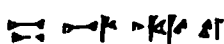
KUBABBAR (=kaspam)
a-na ta-ad-mi-iq-tim
серебро в долг

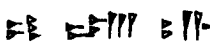
it-ta-di-in-ma
даст

a-šar il-li-ku
(там) куда он отправился

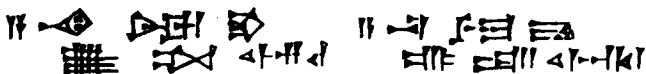
bi-ti-iq-tam
убыток

i-ta-mar
он потерпел,

qá-qá-ad KUBBABAR (=kaspim)
основную сумму серебра

a-na DAM-GĀR (=tamkārim) ú-ta-ar
купцу он должен вернуть.

Этот параграф закона для ясности можно изложить следующим образом: «Если ростовщик даст в долг торговцу серебро⁸ беспроцентно и торговец потерпит убыток, то торговец должен вернуть только основную сумму, так как прибыли нет».

Интересно отметить в этом законе употребление термина *qaqqad-*, что означает «основной капитал», вложенный с целью получения прибыли, дивидендов или оговоренной процентной ставки. Слово *qaqqad-* буквально означает «голова»; практика вложения капитала корнями уходит в Месопотамию, а затем через посредство купцов Вавилонии и Ассирии была распространена далее, достигнув Запада, и оставила там след в терминологии капитализма. В западносемитских языках, демотическом египетском и в греческом слово, означающее «капитал», восходит к слову со значением «голова». Латинская терминология отражает то же самое, так как слово «сарут» означает не только «голову», но и «основной капитал». Таким образом, слова «капитал» и «капитализм» происходят от «сарут». Семена этой системы были посеяны и распространены по свету шумеро-аккадскими предпринимателями. Этот пример весьма поучителен, так как показывает, что истоки всей нашей культуры находятся

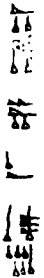
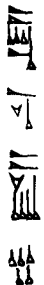
на Ближнем Востоке, причем дело не ограничивается только узкими рамками религии, происхождением алфавита и литературой. Основы наших точных наук и экономическая система восходят к Месопотамии и другим странам, древняя история которых открывается нам с помощью дешифровки.

Читатель может спросить, почему в приведенном выше отрывке из Законов Хаммурапи слово «серебро» написано идеограммой KUBABBAR, а не так, как это слово произносится, -kaspum. Дело в том, что в шумерском языке слово «серебро» передается как KUBABBAR, и мы на каждом шагу видим огромное влияние шумерской культуры на аккадскую, что отразилось на религии, искусстве и письменности, короче, практически на всем.

В 1850 году Хинкс понял, что вавилонской письменностью первоначально пользовались для передачи другого языка. Опперт назвал этот язык шумерским, и мы так до сих пор его и называем. Аккадцы считали шумерский своим классическим языком, поэтому его преподавали в школах писцов. Для обучения они составили двуязычные словари, грамматические упражнения на двух языках, подстрочные переводы и т. п. Например, существуют силлабарии, расположенные в три столбца. В центральном столбце приводятся клинописные знаки, слева дается их значение по-шумерски, справа — по-аккадски. В одном таком силлабарии встречается раздел, где приводятся идеограммы, означающие числительные 10, 20, 30, 40, 50 и т. д.⁹

<i>По-шумерски</i>	<i>Знак</i>	<i>По-аккадски</i>
 ú, «десять»	 X	 e-še-gu, «десять»
  ni-iš, «двадцать»	 XX	 eš-ra-a, «двадцать»
  c-eš, «тридцать»	 XXX	 še-la- šá-a, «тридцать»
  ni-in, «сорок»	 XL	 ir-ba-a, «сорок»
    ni-in-nu-u, «пятьдесят»	 L	 ḥa-áš-šá-a, «пятьдесят»

Нижеследующий отрывок из текста по сравнительной грамматике шумерского и аккадского языков даст представление о том, какого рода материал оставили нам сами оба древних народа для реконструкции флексий в шумерском языке¹⁰.

Шумерский	Аккадский	Перевод
 in-lá	 iš-qú-ul	ОН ВЗВЕСИЛ
 in-lá-eš	 iš-qú-lu	ОНИ ВЗВЕСИЛИ
 in-lá-e	 i-ša-qal	ОН ВЗВЕСИТ
 in-lá-e-ne	 i-ša-qa-lu	ОНИ ВЗВЕСЯТ

Продолжение табл.

Шумерский	Аkkадский	Перевод
 in-na-an-lá	 iš-qú-ul-šu	ОН ВЗВЕСИЛ ЭТО
 in-ná-an-lá-eš	 iš-qú-lu-šu	ОНИ ВЗВЕСИЛИ ЭТО
 in-na-an-lá-e	 i-ša-qal-šu	ОН ВЗВЕСИТ ЭТО
 in-na-an-lá-e-ne	 i-ša-qá-lu-šu	ОНИ ВЗВЕСЯТ ЭТО

Несмотря на явное свидетельство существования шумерского языка, этот факт тем не менее отрицали многие ученые, хотя сами ассирийцы и вавилоняне, несомненно, были известны из текстов Библии и древних авторов. Некоторым ученым трудно было поверить, что ассиро-вавилонская цивилизация была очень многим обязана еще более древней культуре, название которой не сохранилось ни в одном из еврейских¹¹, греческих или латинских источников. Но можно ли отрицать очевидное? И тем не менее у неверящих способы всегда найдутся. Их возглавил Иосиф Галеви, придерживавшийся точки зрения, что шумерский язык на самом деле был не реально существовавший язык, а своего рода древняя криптографическая система, придуманная жрецами и писцами, чтобы хранить свои тайны от посторонних.

Успехи ассириологии оказали огромное влияние на духовную жизнь Запада, подтвердив то, что излагалось в Ветхом Завете, где описываются военные походы царей Ассирии и Вавилонии. Недоверие к литературным источникам, основанным на преданиях, достигло таких размеров, что многие образованные люди считали, что исторические события, приведенные в Ветхом Завете, были в основном придуманы древнееврейскими авторами, чтобы обманывать доверчивых людей. Но вот появились клинописные исторические источники, в которых излагалась официальная месопотамская версия тех самых военных походов, которые описывались в Библии, и тогда стало ясно, что зафиксированная в ней история — подлинная. В наше время книги по древней истории основываются на сви-

детельствах вновь расшифрованных текстов, а также на еврейских и античных источниках. Теперь нет необходимости только из Библии черпать сведения об упомянутых там царях, таких как Тиглатпаласар, Саргон, Синаххериб, Асархаддон и Навуходоносор. Мы располагаем теперь их собственными клинописными анналами, которые подтверждают, изменяют и, что не менее важно, дополняют еврейские источники.

Библейские тексты вполне удовлетворяли консервативных членов различных религий, но были обнаружены тексты и иного рода, которые приводили их в замешательство. Священное Писание, особенно начальные главы «Бытия», содержит мифы и предания, которые неискушенный верующий читатель принимал за подлинную историю. Легенда о Ное — это мудрое свидетельство о необходимости объединения рода людского. Смысл его в том, что все люди, независимо от национальной принадлежности, расы, языка, являются братьями, что все они произошли от одного человека (Ноя) и его жены. Это восходит к знаменитой десятой главе Книги Бытие, в которой весь мир рассматривается как единое сообщество родственных народов. Эти мудрые мысли следует усвоить всему человечеству (как точку зрения, а не как антропологические заключения) и этим руководствоваться, если мы хотим сохранить жизнь на нашей планете. Но верующие, наивно считавшие, что потоп — подлинно исторический факт, были потрясены, узнав, что подобная легенда (хотя и без той особенности, которую мы отметили выше в Книге Бытие) существовала у древних жителей Месопотамии задолго до создания Книги.

Британские археологи раскопали в Ниневии большую библиотеку, принадлежавшую Ашшурбанипалу (669–629 гг. до н. э.), где хранились написанные на двенадцати табличках фрагменты эпоса о Гильгамеше, подлинного шедевра эпического жанра, который до поэм Гомера не имел себе равных. Служивший в Британском музее молодой человек по имени Джордж Смит (1840–1876), самостоятельно обучившийся клинописи, заинтересовался табличками с эпосом о Гильгамеше. Он знал Библию и питал особое пристрастие к ранним Книгам Ветхого Завета. Его умение искусно складывать разбитые таблички оказало неоценимую помощь в реконструкции текстов. Смит черпал все, что мог, у своих более образованных коллег по музею и пополнял свои знания из книг и статей. В результате он стал первоклассным ассириологом и благодаря своему особому интересу к табличкам Гильгамеша стал выдающимся знатоком вавилонских мифов и легенд.

В 1872 году Смит обнаружил, что изложенная в одиннадцатой табличке эпоса о Гильгамеше история потопа имеет несомненное сходство с описанием всемирного потопа в Книге Бытие. Потопы в легендах и мифах всегда похожи, но потоны в Книге Бытие и в эпосе о Гильгамеше обнаруживали слишком большое сходство, причем не было никаких сомнений, что древнееврейская версия основывалась на вавилонской, а не наоборот. В обеих версиях герой повествования, следуя повелению свыше, строит ковчег и смолит его, чтобы вода не проникла внутрь. Для продолжения жизни отбираются представители человеческого рода, мира животных и птиц, с тем чтобы сохранить на зем-

ле различные виды. И в том, и в другом случаях герой устанавливает появление суши после потопа, многократно выпуская птиц, пока одна из них не улетает совсем, извещая таким образом о конце потопа. Ковчег пристает к горе, где герой совершает жертвоприношение, чтобы отблагодарить бога (богов). Почувствовав благоухание, бог (боги) обещает (обещают) никогда больше не посылать на людей потоп.

Когда открытие Смита было опубликовано, оно поразило всех мыслящих людей в Европе и Америке, как религиозных, так и неверующих. Это время условно можно было бы сравнить с эпохой появления дарвинизма, разделившего западноевропейский мир на рационалистов, готовых уничтожить Библию, и фундаменталистов, слепо полагающихся на Священное Писание и не верящих в науку. Однако тогда, как и теперь, существовало просвещенное меньшинство, которому соблюдение традиции не мешало одновременно стремиться с помощью науки расширить свой кругозор.

В одиннадцатой табличке не хватало одного фрагмента. Смит предполагал, что отсутствует 15 строк. Он решил отправиться в Ниневию и провести там раскопки. «Дейли Телеграф» субсидировала его экспедицию в обмен на право публиковать результаты работы. Смит поехал в Ниневию и в считанные дни обнаружил тот самый недостающий фрагмент (он состоял из 17 строк), ради которого он предпринял эту экспедицию. Никогда еще археологам не удавалось сделать такую целенаправленную находку и притом за такой короткий срок¹².

Открытие вавилонской параллели легенды о Ное, сделанное Джорджем Смитом, знаменовало эру открытий месопотамских аналогий Ветхого Завета, эру, которая и в наши дни еще не завершилась. Позиция религиозных кругов в Западной Европе и Америке способствовала тому, что в учебных заведениях по обе стороны Атлантического океана стали открываться кафедры ассириологии. Пальма первенства в ассириологических исследованиях принадлежала Германии, где наряду с немцами проходили обучение и иностранцы. Было время, когда американские ассириологи приезжали в Германию, чтобы получить ученую степень, как это сделал один из основоположников американской ассириологии Дэвид Гордон Лайэн из Гарвардского университета¹³.

В США, как и в других странах, ассириология популярней, чем египтология, главным образом благодаря значению ассириологии в изучении Библии, и поэтому сам предмет исследования был более близок западной культуре. Хотя для библеистики египтология не менее важна, чем ассириология, египтологи были склонны к более узкой специализации, что привело их науку к определенной изоляции. В 20-е годы XX века была обнаружена и опубликована египетская книга поучений, приписываемая мудрецу Аменемону. Сходство этого памятника местами столь очевидно даже в мельчайших деталях с библейской Книгой Притчей Соломона, что послужило началом сближения египтологии и библеистики. К сожалению, ныне покойный А. С. Яхуда, первый ученый, который объективно мог бы содействовать сближению этих наук, не очень под-

ходил для этой роли. Он излагал свои мысли четко и понятно, досконально знал еврейскую Библию, изучал семитологию и египтологию под руководством лучших преподавателей Германии, но ему не хватало филологического чутья, и его работа не вызывала (да и сейчас не вызывает) доверия, так как академическая наука часто не в состоянии бывает отличить зерна от плевел.

В наиболее важных областях науки Яхуда часто значительно опережал своих оппонентов. Он понимал, что верное толкование той или иной части Библии должно базироваться на изучении истории той страны, где происходит действие. Те эпизоды Библии, которые связаны с Иосифом и Моисеем, можно понять лишь на фоне истории Египта. Книгу Эсфири — истории Ирана и т. д. Он верно понял, что предания в Книге Бытие не были, как тогда полагали многие ученые, поздними месопотамскими заимствованиями периода после Плнения (после 586 г. до н. э.), а принадлежали к значительно более раннему времени, обычно называемому периодом Патриархов. Но ни он, ни его критики не поняли того, что древним евреям вовсе не было необходимости находиться в Месопотамии, чтобы впитать аккадскую культуру, которая была распространена по всей Передней Азии, включая Палестину, до завоевания ими этой страны. Ни труды, ни догадки Яхуды не получили признания; напротив, он столкнулся лишь с бранью и яростным отрицанием.

В то время как египтология по-прежнему оставалась обособленной, открытия в области ассириологии

вели к мощному «панвавилонизму» во всей Западной Европе, особенно в Германии. Это движение иногда еще называли «Вавилон и Библия», подразумевая под этим, что практически все в Ветхом Завете объяснялось месопотамским происхождением. На исходе века даже рядовой немец был в курсе проблемы «Вавилон и Библия»¹⁴. Так продолжалось до тех пор, пока не произошло отрезвление из-за односторонности таких представлений, но даже самые ярые сторонники этой теории не могли по-настоящему представить себе степени влияния Месопотамии на евреев, а также на все Восточное Средиземноморье. Стало ясно, что вавилонский язык был языком межнационального общения для всего восточного побережья Средиземного моря — Египта, Палестины, Ливана, Сирии, Анатолии и Кипра. Надписи на вавилонском языке, относящиеся ко II тысячелетию до н. э., были найдены даже в Греции, неподалеку от Фив и на острове Кифера.

В результате вера наших отцов и дедов была поколеблена открытиями в области естествознания и археологии. Дарвин и его сторонники представили доказательства, поколебавшие представления о сотворении мира, изложенные в Книге Бытие. Переводы табличек, сделанные Джорджем Смитом и целым поколением ассириологов, стали рассматривать как подрыв веры в подлинность всемирного потопа, рассказ о котором сохранили еврейские и другие ранние библейские повествования. До сих пор мы и наши дети испытываем чувство неуверенности и смущения, проистекающее от наступления с этих двух сторон на традиционную веру.

Простая истина заключается в том, что Книгу Бытия нельзя читать как учебник геологии; еще в меньшей степени «Происхождение видов» может заменить десять заповедей или Нагорную проповедь. Любому образованному человеку нужны как наука, так и вера — и тому, и другому необходимы свое место и свои условия. И здесь нет противоречия, как нет его и в том, что для жизни нужны и воздух, и пища.

Образованный человек должен знать о дешифровках и открытых с их помощью литературах. В противном случае можно впасть в фундаментализм и полагать, например, что гомеровский эпос — олимпийское чудо, явленное непросвещенному человечеству, или что откровение на Синае было первым лучом света в мире, погрязшем в варварстве. Напротив, нам известно, что и Библия, и Гомер явились кульминацией высокоразвитых древних цивилизаций. Постичь Библию и понять античную литературу можно только в контексте их предыстории, зная клинописные источники и древнеегипетские тексты, связанные с этими текстами памятники. Значение дешифровки заключается не столько в разгадывании загадок, сколько в раскрытии содержания и природы текстов. В результате открытий археологов и работы дешифровщиков мы не только постигаем предысторию Библии и античной литературы, но понимаем, насколько они значительнее предшествующих и современных им памятников.

В Германии Фридрих Делич (1850–1922) многое сделал для того, чтобы поднять уровень ассириологии и воспитать когорту учеников. Составленный им

ассирийский словарь до появления «Чикагского ассирийского словаря» (издание еще не завершено) оставался лучшей работой такого рода. В течение 50 лет его «Хрестоматия ассирийского языка» была лучшим учебным пособием, полезным до сих пор. Другим выдающимся ассириологом был Артур Унгнад, который написал отличную грамматику аккадского языка. Переиздание этого краткого курса и в наши дни является лучшим средством изучить структуру этого языка¹⁵.

Двухтомная работа Бруно Майсснера «Вавилония и Ассирия»¹⁶ охватывает все проблемы развития цивилизации Древней Месопотамии. Появившиеся за последнее время новые книги, к которым следует обращаться, чтобы быть в курсе всех современных достижений науки¹⁷, не смогли заменить этого авторитетного труда.

Майсснер расписал на карточках также материалы для аккадского словаря, и один из самых способных из современных ассириологов, Вольфрам фон Зоден, опубликовал эту работу. Сравнительно небольшой по размерам словарь Майсснера и Зодена, не требующий таких усилий, как необъятный «Чикагский ассирийский словарь», над которым работает целый коллектив ученых, обладает тем преимуществом, что один видный ученый его подготовил, а другой тщательно отредактировал, причем никого из них не заставляли переделывать работу или идти на компромисс. Фон Зоден является автором фундаментальной грамматики диалектов аккадского языка, без которой не обойтись ни одному ассириологу¹⁸.

Несмотря на обилие материалов на шумерском языке, включая билингвы и учебные тексты, изучение его отставало от аккадского, что можно объяснить тем, что аккадский относится к группе семитских языков, а принадлежность шумерского к какой-либо из известных языковых семей пока не установлена. В 1907 году французский ученый Франсуа Тюрро-Данжен оказал науке огромную услугу, сделав перевод царских надписей на шумерском языке на таком высоком уровне, что эта работа легла в основу всех будущих исследований¹⁹. Его немецкий коллега Арно Пёбель часто вступал с ним в полемику относительно некоторых деталей. Вышедшая в 1923 году работа Пёбеля по грамматике шумерского языка была значительным прогрессом в систематизации законов шумерского языка²⁰. Но, с другой стороны, применяемая им система транслитерации нередко совершенно непонятна современным исследователям клинописи, для транслитерации шумеро-аккадских текстов была принята система, предложенная Тюрро-Данженом. Пёбель эмигрировал в Америку и завершил свою карьеру в Институте востоковедения при Чикагском университете. В его стенах он подготовил двух выдающихся современных шумерологов — Сэмюэля Ноя Крамера и Торкилда Якобсена.

Лучшая из существующих грамматик шумерского языка строится лишь на основе текстов правителя Гудеа из города-государства Лагаш (около 2000 г. до н. э.), надписи которого являются классическим образцом шумерского языка. Немецкий ученый Адам Фалькенштейн (1906–1966) тщательно изучил тексты Гудеа и на их основе составил подробную грамматику,

включая фонетику, морфологию и синтаксис²¹. И если в целом интерпретация текстов ясна, то множество фрагментов все еще переводятся ведущими шумерологами по-разному; нет также единодушия и относительно их грамматического анализа. Шумерский язык — первый классический язык мира; через посредство аккадского языка он оказал (и все еще оказывает) огромное влияние на нашу культуру.

В отличие от египтян аккадские писцы благодаря своему шумерскому наследию были изначально двуязычны и постоянно готовы использовать свою письменность для передачи других языков, а также составлять в учебных целях тексты одновременно на двух, трех и даже четырех языках. На протяжении всего II тысячелетия до н. э. важную роль в аккадском мире играли хурриты. Некоторое время на северо-западе Месопотамии существовало хурритское царство Митанни. В ранний период эпохи Амарны (конец XV — начало XIV вв. до н. э.), когда египетские фараоны вели переписку с другими правителями цивилизованного мира по-аккадски, царь Митанни Тушратта написал по-хурритски пространное письмо Аменхотепу III, хотя писал ему письма и на аккадском языке. В своих письмах Тушратта часто повторялся, и поэтому, хотя хурритское письмо не является билингвой, из аккадских писем Тушратты можно понять его образ мыслей. К тому же знаки хурритского письма идентичны аккадским, поэтому известно и их произношение, а используемые идеограммы и детерминативы дали необходимый ключ к пониманию значения многих слов.

Работа по дешифровке хурритского языка двигалась медленно и была далека от совершенства, что объяснялось поразительным отсутствием родственных связей этого языка с каким-либо другим, включая семитские, индоевропейские, шумерский. Тем временем были найдены билингвы на хурритском и аккадском языках, затем учебные тексты, где приводились хурритские слова и их значения по-шумерски, по-аккадски и по-угаритски (в Угарите были обнаружены две таблички со списками слов на этих четырех языках, расположенные в параллельных колонках). Были также раскопаны хурритские тексты, написанные буквами угаритского алфавита. И все же хурритское письмо Тушратты до сих пор остается основным источником, по которому мы можем судить об этом языке. Работа с фразами, содержащими известные имена собственные, сопоставление предложений в Телль-эль-Амарнских письмах, написанных по-хурритски и по-аккадски, значительно продвинули составление словаря хурритского языка, изучение его грамматики и синтаксиса. Например, ^{BOG}ni-im-tu-u-ri-a-aš («страна») ^{BOG}mis-si-ir-ri-e-we-ni-eš iw-ri-iš означает «Ниммуриа (одно из известных имен Аменхотепа III), царь [iwriš] Египта» и ^{BOG}ar-ta-ta-a-maš am-ma-ti-iw-wu-uš — «Артатама, мой дед» (он известен также из писем Тушратты, написанных по-аккадски). Можно сравнить некоторые выражения на аккадском и хурритском языках. Так, аккадская фраза ^{BOG}li-me-eš-še-ru-uš («пусть позволят боги») = хуррит. ^{BOG}e-en-na-šu-uš na-ak-ki-t-en; аккад. ^{BOG}ki-i-me-e a-mi-lu-ú-tum ^{BOG}šamaš i-ra-'-am-šu («как люди любят солнце») = хуррит. i-nu-ú-me-e-ni-i-in ^{BOG}Ši-mi-gi

tar-šu-an-niš... ta-a-ti-a в последнем сопоставлении хуррит. Inu = аккад. ki-me («как»); хуррит. Šimigi = аккад. Shamash («Солнце /бог»); хуррит taršu-anni = аккад amēlūtum («люди/человечество»); хуррит. tat- = аккад ra'āmu («ЛЮБИТЬ»)²².

В конце XIX века Петер Йенсен и Даниель Г. Л. Мессершмидт заложили основы интерпретации хурритских текстов, сопоставляя соответствующие аккадские и хурритские фразы и переходя затем от известных аккадских к непонятным хурритским. Постепенно из многочисленных текстов стали вырисовываться многие детали лексики и грамматики хурритского языка, но специфичность его грамматики и невозможность установить родство ни с одной из известных языковых семей не дают представления об этом языке во всей полноте. Например, существующие грамматики хурритского языка дают ученым возможность спорить относительно грамматических особенностей, но когда находят новый хурритский текст, то даже весьма квалифицированные знатоки лишь с превеликим трудом могут извлечь какой-либо смысл даже из небольшого отрывка.

Армения — родина древней цивилизации. Ее железные и медные рудники были нужны тогдашнему миру для развития техники и повседневной жизни. В библейской легенде о потопе говорится, что Ноев ковчег пристал к горе Арарат²³ (в клинописных источниках Армения называется Урарту). Все это свидетельствует о том, что Армения считалась важным центром во времена возникновения легенды о всемирном потопе, записанной в Книге Бытие. Армения

расположена в горах, там, где теперь близко друг к другу подступают территории Турции, России, Ирана и Ирака, и это ее положение давало возможность отражать нападения ассирийских войск более успешно, чем это делали другие страны, ставшие также объектом ассирийской экспансии. Действительно, начиная с IX века и до VII века до н. э. Урарту оставалось наиболее сильным соперником Ассирии, и до 714 года до н. э., когда царь Ассирии Саргон напал на эту страну и ослабил ее, Урарту могло поспорить с ассирийцами за то, чтобы считаться ведущей державой мира.

За 1000 лет до н. э. хурриты сошли со сцены почти повсюду кроме Урарту, где они продержались до времени общих потрясений, связанных с нашествием скифов около 600 года до н. э. Урартский язык довольно близок хурритскому. В Турции, Иране и Армении нашли около 200 урартских надписей, включая две аккадско-урартские билингвы. Дополнительные подсказки для понимания их смысла дают идеограммы и детерминативы, заимствованные урартским письмом из языка шумеро-аккадской письменности. Мы имеем лишь поверхностное представление о лексике и грамматике урартского языка²⁴, что объясняется ограниченным числом текстов, а также тем, что этот язык родственен только малоизученному хурритскому. Этой проблемой необходимо заниматься, даже если результаты будут мизерными. Ведь Урарту на протяжении более ста лет было одним из двух ведущих государств Передней Азии, а известно об этой стране весьма мало, похоже, любое исследование, связанное с урартами

и их языком, может оказаться значительно важнее, чем это представляется случайному наблюдателю.

Помимо шумерского и аккадского, существовал еще один важный язык, пользовавшийся клинописью, — хеттский, о чем пойдет речь в следующей главе.

Глава 5

КЛИНОПИСНЫЙ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ ХЕТТСКИЙ ЯЗЫК

История, язык и литература хеттов представляют исключительный интерес. Хеттский язык — самый древний из имеющих письменность индоевропейских языков; можно проследить его родство с санскритом, греческим, латинским, английским и большинством других хорошо известных европейских языков. Во II тысячелетии до н. э. на международной арене хеттам принадлежала важная роль, а в XIV–XIII веках до н. э. они соперничали с Египтом и Месопотамией в том, чтобы являться ведущей державой мира, иногда даже затмевая их славу. В начале XII века, когда вся восточная Месопотамия вела непрерывные войны, хеттская столица Хаттусас (вблизи современного Богазкёя в центральной Турции) была разрушена захватчиками и более не восстанавливалась.

Сейчас кажется странным, что такая великая держава, находившаяся в центре событий мировой истории, фактически исчезла из памяти человечества. Правда, хетты упоминаются в Священном Писании¹, но только дешифровка египетского письма и клинописи дали так много информации о хеттах, что востоковедам стала ясна их важная роль. В храме Карнака сохранился текст договора (около 1280 г. до н. э.) меж-

ду Рамсесом II и царем хеттов Хаттусилисом III. Многие ассирийские тексты упоминают Хатту («Страна хеттов»), как иногда называли западные земли, включая Сирию и Палестину. Таблички, найденные в Египте в Телль-эль-Амарне начиная с 1887 года, содержат письма, которыми обменивались египетские и хеттские правители. Постепенно стало ясно, что хетты не только были одной из ведущих держав Передней Азии, но владели также территорией, которая являлась как бы мостом, соединяющим земли, на которых была распространена клинопись и семитская культура, с ионическими греками.

К новому открытию хеттов² привели случайные упоминания, не укладывавшиеся в апробированную схему. Дешифровки египетской иероглифики и клинописи Месопотамии способствовали формированию укоренившегося в 1870 году представления, что до истории еврейского и греческого народов на территории Передней Азии существовали лишь две основные культуры — египетская и ассиро-вавилонская, упоминания же о третьей культуре были значительно скромнее. В 1812 году Иоганн Людвиг Буркхардт (1784-1817), который родился в Швейцарии, а образование получил в Англии, обнаружил в Хамате, на севере Сирии, камень, испещренный рисуночным письмом, совершенно не похожим на египетские иероглифы. Никто не обратил особого внимания на эту находку, пока два американских дипломата не обнаружили в Хамате в 1870 году этот и еще четыре камня с подобными же рисунками и не опубликовали сообщение об этом в 1872 году³.

Первым, кто связал хаматские иероглифы с хеттами, был преподобный Арчибальд Генри Сэйс (1846–1933), профессор Оксфордского университета по кафедре сравнительного языкознания и ассириологии. Он принадлежал к поколению ученых XIX века, получил солидную подготовку в классических и в древнееврейском языках. Дух научного поиска привел его к исследованию неизвестной до той поры истории народов, языков и литератур, сведения о которых стали появляться на свет в век великих дешифровок.

Позднее и в других местах были найдены тексты, написанные теми же иероглифами, что и хаматские. За исключением найденных в Ашшуре свинцовых полос скорописи того же письма, остальные источники ограничиваются печатями и надписями на камне, обнаруженными в Анатолии и в северной Сирии; теперь к ним можно прибавить также находки из Фив в Греции. Сэйс верно предположил, что эти граничащие друг с другом территории (Анатолия и северная Сирия) когда-то находились под властью хеттских царей. Характерно, что начертанные на камнях иероглифы были обнаружены в Язылыкае (близ Богазкёя), в Карабельском ущелье (около Смирны), в Ивризе (горный массив Тавр), в городах северной Сирии — Хамате, Алеппо и Каркемише. Наиболее впечатляющие находки были сделаны в горном святилище Язылыкая, которое, по-видимому, было национальной святыней, расположенной недалеко от столицы государства, впоследствии погребенной под огромным холмом, вблизи деревни Богазкёй. Таким образом, опираясь на слабые свидетельства нерасшифрованных хеттских письмен-

ных памятников, Сэйс сумел понять значение и масштабы Хеттского царства. Разумеется, его точку зрения яростно отвергали. Большинство ученых предпочитают работать с множеством разных доказательств, но находятся и такие, кому даже обилия фактов недостаточно. Лишь выдающиеся новаторы типа Сэйса работают иначе: они осмысливают значение даже мелких случайных находок, а затем обобщают материал. Если их теоретические построения верны и они твердо уверены, что реконструкция здесь играет очень важную роль, то новые доказательства не заставят себя долго ждать. Сэйс был удовлетворен тем, что открыл государство хеттов, а его новаторские идеи нашли подтверждение, вопреки его ожиданиям, еще при жизни ученого.

Таблички из Амарны, найденные в 1887 году и позднее, стали заполнять пробелы в наших знаниях, так как они содержали ссылки на хеттов, а также письмо великого хеттского царя Суппилиуму к фараону. Кроме того, таблички содержали два письма на хеттском языке, написанные из Арцавы в Малой Азии⁴. Письма написаны аккадским алфавитом периода Амарны, и их можно было прочитать без труда. Встречающиеся в них идеограммы и собственные имена дают ключ к пониманию смысла. В 1902 году получил известность норвежский ассириолог И. А. Кнудтзон, опубликовавший статью о письмах из Арцавы, в которой он верно определил, что язык этих писем принадлежит к индоевропейским. Например, он заметил, что e-es-tu, исходя из контекста, должно означать «да будет так», что соответствует индоевропей-

скому esto с тем же значением. Это было важным открытием, и если бы у Кнудтсона хватило решимости доказать правильность своей догадки, он мог бы стать дешифровщиком хеттского языка. Но когда его идеи встретили острую критику, он тут же отрекся от своего открытия и упустил шанс стать великим дешифровщиком, обладая для этого достаточной профессиональной подготовкой и способностями, но не имея должного характера.

Тот, кто совершает открытие, не имеет права сдаваться под напором критики, всегда готовой дискредитировать любую незаурядную идею. Как ни настойчив был Гротефенд (а он иногда был более упорен, чем того требовали обстоятельства), он заслужил лавры не только за то, что разгадал систему древнеперсидской письменности, но и за веру в свою работу. Шампольон и Раулинсон получили сполна от своих оппонентов, но они никогда не отрекались от своих дешифровок и не бросали работу. Высокая репутация Кнудтсона как ассириолога не померкла, но его репутация дешифровщика получила низкий балл. Его неуверенность в себе перечеркнула значение его открытия, и лишь спустя годы уже подлинный первооткрыватель вновь пришел к тому же выводу, что и он. Справедливости ради следует все же отметить, что последний получил в свое распоряжение массу доказательств, которые в 1902 году находились еще под слоем земли.

Между тем французский ученый Э. Шантр обнаружил в 1893 году недалеко от Богазкёя обломки табличек с надписями на том же языке, что и письма из

Арцавы. Таким образом, стало ясно, что к какой бы языковой семье ни принадлежали эти письма, они были написаны на том же хеттском языке, что и находки Богазкёя, бывшего, по-видимому, столицей Хеттского царства. Осознав это, Сэйс пытался уговорить англичан начать в этом месте раскопки. Но в то время ведущим центром клинописных исследований была Германия, и его проектом заинтересовался кайзер. Кроме того, германский посол в Константинополе пользовался большим влиянием, поэтому разрешение вести раскопки получили немцы, и в 1905 году в Богазкёй отправилась немецкая экспедиция во главе с ассириологом Гуго Винклером.

После подготовительной работы Винклер провел основные раскопки в 1906–1908 годах. Он нашел царские архивы, содержащие более 10 тыс. табличек, среди которых аккадский вариант договора между Хаттусилисом III и Рамсесом II (сам договор был известен давно по египетской версии из Карнака)⁵. Стиль, характер письма, имена и содержание архивов из Богазкёя не оставляли сомнений относительно времени их написания: эти материалы принадлежали к Телль-эль-Амарнскому периоду и сменившему его периоду Рамсесов, т. е. хеттские архивы датируются XIV–XIII веками до н. э. Они включали значительное число табличек на хеттском языке. Кроме хеттского в его стандартном варианте, некоторые таблички содержали фрагменты на родственных хеттскому языках — лувийском и палайском. О лувийском языке имеются незначительные сведения в основном благодаря табличкам с перемежающимися отрывками на

хеттском и лувийском, которые трактуют одни и те же ритуалы.

Кроме того, на табличках представлен хаттский язык, родственные связи которого пока не установлены; на этом языке говорил народ дохеттского периода, оказавший большое влияние на религию хеттов: некоторые их обряды сопровождались молитвами на хаттском языке. Хеттско-хаттские двуязычные ритуальные тексты дали возможность познакомиться с хаттским языком. Попадались таблички, написанные на аккадском языке, который был широко распространен как язык международного общения, и на шумерском, бывшем классическим у народов, пользовавшихся клинописью, благодаря чему хетты также употребляли его. Определенное значение имел в этих местах и хурритский язык. В учебных текстах из Хаттусы иногда к столбцам, написанным по-шумерски или по-аккадски, добавляли переводы на хеттский язык, что, конечно, облегчает понимание некоторых частных вопросов, связанных с хеттским языком.

Но основную роль в интерпретации хеттских текстов дает множество идеограмм (как шумерских, так и аккадских) в текстах, написанных на одном языке. Нередко хеттские писцы изображали основу глагола или существительного с помощью идеограммы, а грамматические окончания писали как фонетические complements. Это дает представление о спряжении в хеттском, а смысл становится ясен из идеограмм. Существуют также билингвы и даже переводы известных литературных и исторических текстов. Например, в Богазкёе были найдены переводы отрывков из эпо-

са о Гильгамеше на хеттском языке (и на хурритском). Хотя для понимания хеттского языка уже нет недостатка в источниках, не следует думать, что задача первых дешифровщиков была легкой; как во всякой новаторской работе, первые значительные шаги хеттологии кажутся нетрудными только в ретроспективе.

Этим первооткрывателем стал молодой пражский ассириолог, получивший отличную языковедческую подготовку в своем родном городе, известном высоким уровнем лингвистической науки. Это было еще до распада Австро-Венгерской империи, и случилось так, что молодой ученый Бедржих Грозный (1879–1952) перед началом Первой мировой войны оказался в качестве преподавателя в Вене. Наделенный от природы пытливым умом, нестандартным мышлением в сочетании с блестящими способностями, при основательном знании клинописи и лингвистики, он поставил перед собой цель опубликовать копии хеттских табличек из Богазкёя. По счастью, такая задача дала ему возможность изучить особенности хеттского языка и его связи с другими языками.

С самого начала возлагались надежды на отрывки трехязычных словарей, где в параллельных столбцах приводились шумерские слова и их значения по-аккадски и по-хеттски. Но такие словники содержали в основном только редкие слова, которые практически бесполезны при чтении обычных текстов и из которых почти невозможно понять грамматические элементы. Поэтому Грозный стал работать преимущественно с текстами только на хеттском языке, где идеограммы (как шумерограммы, так и аккадограммы) помогали

понять смысл, так что дальнейшие выводы относительно слов собственно хеттских можно было сделать на основании контекста. Вот один из интерпретированных Грозным отрывков:

nu хлеб — an e-iz-za-at-te-ni
wa-a-tar-ma e-ku-ut-te-ni

Грозный обратил внимание на то, что предложение состоит из двух параллельных частей, которые взаимно уравниваются, как ясно из рифмующихся окончаний каждой части. Значение шумерской идеограммы «хлеб» было известно. Параллельно к слову «хлеб» в другой части стоит «wa-a-tar», слово индоевропейское, родственное английскому «water» («вода»). Поскольку хлеб едят, а воду пьют, то Грозный смог найти два глагола. Один родствен немецкому *essen*, латинскому *edere*, английскому *eat* («есть»). Окончание -n в слове «хлеб» -an является окончанием винительного падежа (подобно -n в греческом). Из других отрывков стало ясно, что *nu* и энклитическое -ma приблизительно соответствуют: «теперь... тогда» или «как... так и, и... и». В результате это предложение следует перевести: «И хлеб вы едите, и воду пьете».

Получив такое свидетельство, Грозный уже не сомневался в том, что хеттский принадлежит к индоевропейским языкам. Зная грамматические окончания и основную лексику, указывающие на одно и то же, Грозный, настоящий первооткрыватель, больше не колебался. Еще до завершения работы он верно определил положение хеттского в кругу других языков, поэтому в наши дни клинописный хеттский — один из самых изученных языков, открытых в век дешифров-

ки. Более того, изучение хеттского оказало большое влияние на индоевропистику, поскольку хеттский — первый письменный индоевропейский язык, дающий много интересных и новых материалов.

Грозный тщательно изучил таблички, содержащие свод хеттских законов. Лексика таких законов была известна из других клинописных текстов, например из свода законов Хаммурапи, где основная формула гласит: «Если человек совершает такое-то преступление, он должен быть наказан таким-то образом». Поэтому, исходя из шумерограмм и аккадограмм, Грозный смог понять основное значение и правильно перевести следующие хеттские слова: *ták-ku LÚ-ULÙ^{LU} EL-LUM QA-AS-SÚ na-aš-ma GÌR-ŠU ku-iš-ki tu-wa-ar-ni-iz-zi nu-uš-še 20 GÍN KUBABBAR pa-a-i*.

Значение идеограмм (как шумерских, так и аккадских, или их сочетаний) было известно: *LÚ-ULÙ^{LU}* — «человек», *EL-LUM* — «свободный», *QA-AS-SÚ* — «его рука», *GÌR-ŠU* — «его нога», *GÍN* — «сикль», *KUBABBAR* — «серебро». Смысл всего закона: «Если кто-нибудь ломает руку или ногу свободному человеку, то он должен заплатить ему 20 сиклей серебра». Обратите внимание на сходство *ku-iš-ki* — «кто-то» с латинским *quisque*. *Ták-ku* означает «если», *na-aš-ma* — «или», *tu-wa-ar-ni-iz-zi* — «ломает», *nu-uš-še* — «ему», и *pa-a-i* — «он дает, платит».

Зная шумеро-аккадское письмо и литературу, а также достижения индоевропейского языкознания, Грозный и его ученики на основе контекста достаточно хорошо исследовали клинописный хеттский язык; поэтому мы имеем теперь отличные грамматики, слова-

ри и все виды учебных и справочных пособий, необходимых для того, чтобы изучить этот язык и интерпретировать новые тексты⁶. Следует отметить, что ни Грозный, ни другие ассириологи не смогли сопоставить хеттский с другими индоевропейскими языками с должной лингвистической точностью, эту задачу смогли решить лишь сами индоевропейцы начиная с Фердинанда Зоммера. Даже в наши дни хеттологи делятся на две группы: ассириологов, занимающихся в основном интерпретацией текстов, и индоевропейцев-лингвистов, изучающих хеттский язык для сравнительной индоевропеистики.

В отличие от клинописного хеттского, письменность которого известна, хеттский иероглифический еще ждал своей дешифровки. Теперь мы знаем, что хеттский иероглифический является диалектом, более близким к лувийскому, чем к классической форме клинописных хеттских текстов из Хаттусы. Царские печати Хеттской державы (около 1400–1200 гг. до н. э.) содержат иероглифические надписи, иногда сопровождаемые и клинописной версией. Подобные билингвы дают значение «открытых клиньев» при дешифровке.

После падения Хеттского царства в начале XII века до н. э. клинописным хеттским перестали пользоваться. Однако города-государства на окраинах бывшего царства — в Сирии и Киликии — продолжали писать хеттскими иероглифами, и большинство таких текстов, найденных в этих областях, датируются периодом X–VIII веков до н. э., когда под натиском Ассирии хеттская традиция в этих городах-государствах прекратила свое существование.

Как мы уже ранее отмечали, в начале 70-х годов XIX века Сэйс идентифицировал хеттские иероглифы. Однако этот «открытый клин» привлек внимание дешифровщиков лишь в 1863 году, когда А. Д. Мордтман опубликовал описание серебряной печати с рельефным изображением (впоследствии оказалось, что это был распространенный тип царской хеттской печати), с иероглификой и клинописью. Эту печать, принадлежавшую одному торговцу, чуть было не купил Британский музей, но Сэмюэль Бёрч предположил, что это копия, а Генри Раулинсон заявил, что это просто подделка. И хотя музей не приобрел печать, им были сделаны оттиски на воске, с которых потом, по-видимому, сделали копии⁷. В 1880 году Сэйс внимательно изучил печать и пришел к выводу, что это — билингва. В течение долгого времени печать была известна как печать Таркондемоса. Ее текст гласит:

Tarku-muwa ЦАРЬ me + r(a)-a СТРАНА
«Таркуммува, царь страны Мера»

Сэйс правильно определил идеограммы слов «царь» и «страна». Основываясь на других текстах, он выделил идеограммы слов «город» () и «Бог» () и, кроме того, окончание именительного падежа () (s) и окончание винительного падежа () (n), однако не сумел определить, как они читаются⁸. Если бы он знал их фонетическое значение, то смог бы понять, что это индоевропейский язык (ср. греч. anthrōpo-s —

«человек» в именительном падеже и anthropo-n в винительном). Сэйс также обратил внимание на то, что идеограмма «Бог» стоит перед всеми именами богов и является, таким образом, детерминативом.

Около 1890 года французский юрист и ассириолог Иоахим Менан (1820–1899) верно понял значение изображения человека, показывающего на самого себя () , как местоимение первого лица в единственном числе, подобно такому же изображению человека в египетском языке () для обозначения того же местоимения. Это было важное открытие, прояснившее значение хеттских надписей, начинающихся словами: «Я — такой-то...».

Но только в 30-х годах XX века совместными усилиями четырех ученых — П. Мериджи, И. Гельба, Э. Форрера и Г. Боссерта удалось продвинуться дальше в дешифровке хеттской иероглифики. Мериджи удалось установить идеограмму для слова «сын», которой пользовались при описании генеалогий. Гельб вычленил глагол «делать», правильно транскрибируя его как «aia»; это слово помогло установить близкое родство хеттского иероглифического языка с лувийским. Форрер выявил формулу проклятия, важную для уяснения структуры предложения. Боссерт (1889–1962) прочел царское имя Варпалавы и имя богини Купапы. Успехи 30-х годов в основном были связаны с установлением фонетических значений знаков без помощи билингв. Это стало возможно после того, как заметили, что название того или иного города или страны (с детерминативом «город» или «страна») име-

ются только в надписях, обнаруженных в одном определенном месте. Относительно названия города Каркемиш пришли к выводу, что

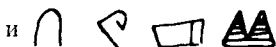
следует читать:

Kar-ka-me ГОРОД.

Иногда этот метод можно было проверить путем постоянно встречающихся слоговых повторений. Например, в словах «Mar'ash» (= хетт. клин. Gur-gu-ma) и «Namath» (= хетт. клин. Na-ma-tu) повторяется слог «ma». Слова Gurgumma и Namath соответственно выглядят так:

Ku + r(a)-ku-ma ГОРОД

A-ma-tu СТРАНА

Название города «Tuwanuwa» (Тиана) можно было уверенно прочесть благодаря повторению слога wa (подобного рода повторение слогов встречается в чередовании ku/gu в слове Gurgumma. Слоговой знак tu имеет аналогию в слове A-ma-tu (Namath):

Tu-wa-n(u)-wa ГОРОД

В анналах ассирийских царей встречаются имена нескольких хеттских царей, например Муватали, царя

Гургуммы, Урхилина, царя Хамата и Варпалава, царя Туванувы. Поэтому если надписи, найденные в этих городах или государствах, можно датировать периодом правления соответствующих царей, то весьма вероятно, что их имена должны встречаться в надписях. Опираясь на такое предположение, нашли следующие имена царей:

Mu-wa-ta-li

U + r(a)-hi-li-n(a)

Wa + r(a)-pa-la-wa

В период 1933–1937 годов в Богазкёе было найдено еще несколько царских печатей, и ученые получили возможность выяснить иероглифическую форму имен значительного числа великих царей. Хотя большинство имен написано в иероглифике, имя Mu-ta-li (= Mu-wa-ta-li) было написано слоговым образом, а имена цариц Puduḫера и Tuduḫера были также написаны слоговыми знаками, что дало возможность прочесть имя главной богини хеттского святилища, расположенного в скалах Язылыкая:

БОГ Ha-ba-tu = клин. БОГ He-bat — «богиня ḫebat»
(третий знак может читаться ba или pa)

После того как Мериджи, Гельб, Форрер и Боссерт дешифровали не без труда хеттскую иероглифику, после Второй мировой войны в поле зрения Боссерта оказалась большая билингва на финикийском и хеттском иероглифическом, найденная в Киликии в Каратепе. В этом месте в конце VIII века до н. э. правил царь по имени Азитавадд, и стены построенного им дворца были украшены рельефами с надписями, повествующими о его деяниях. Текст на финикийском языке, — а это самая пространная надпись из найденных до сих пор на этом языке, — был совершенно непонятен. Боссерту, который тогда постоянно жил в Турции, достались эти находки из Каратепе, и, разумеется, он понял важность этого открытия для выяснения хеттской иероглифики⁹. Однако, не будучи семитологом, он решил, что лучше всего послать копии финикийской части надписи специалистам по северосемитским языкам, попросив их побыстрее опубликовать перевод. Несколько ученых, в том числе и автор этих строк, взялись за прочтение надписи, и вскоре был получен «финикийский ключ» к иероглифической версии. К сожалению, Боссерт опубликовал не всю иероглифическую часть, а только те отрывки текста, которые по лексике были близки финикийской версии. А поскольку порядок слов в хеттском отличается от финикийского, он подогнал хеттский текст так, чтобы тот соответствовал порядку слов в финикийском языке, и поэтому мы не всегда могли установить порядок слов хеттской части надписи. После смерти Боссерта Мериджи полностью опубликовал хеттскую и финикийскую части надписи¹⁰. Тем не менее статьи Боссер-

та не оставили сомнений, что билингва из Каратепе значительно расширит наше представление о хеттском иероглифическом, особенно о его словарном запасе.

Хотя ценность билингвы из Каратепе неоспорима, первые решающие шаги в дешифровке хеттской иероглифики были сделаны еще до ее открытия. Находка же из Каратепе подтвердила верность результатов кропотливой работы 30-х годов.

Ниже приводим перевод финикийской версии, дающий представление о лексике, стиле и содержании текста из Каратепе*:

«Я — Азитавадд, благословенный Ваалом, раб Ваала, муж могучий...(?), царь дануниитов. Ваал поставил меня отцом и матерью дануниитам, чтобы оживил я дануниитов, чтобы расширил я земли Долины Адана от восхода солнца до его заката. И были у дануниитов в дни мои всякие блага, и обилие, и довольство. И восстановил я разрушенное в Пахри (?); и прибавил я коней к коням, и щиты к щитам, и войско к войску — милостью Ваала и богов и по совету приближенных (?). И искоренил я всякое зло, что было в стране, и устроил я дом господства моего в благополучии, и сотворил я для корня господства моего благо. И воссел я на трон отца. И заключил я мир со всеми царями, — хотя цари и действовали враждебно против меня, — по справедливости моей, мудрости моей и доброте сердца моего. И построил я укрепления мощные на всех окраинах, на границах, там, где находились

* Русский перевод И. Н. Винникова. (См. Вестник древней истории, 1950, № 3, с. 89–91). (Прим. перев.)

люди злые, начальники отрядов, где никто не был подвластен Дому Мопша; я же, Азитавадд, поверг их к моим ногам. И построил я селения в тех местах, чтобы жили данунииты в покое сердца своего. И покори́л я страны сильные на Западе, которые не были покорены всеми царями, бывшими до меня; я же, Азитавадд, покори́л их, завладел ими, [а жителей] пленил и поселил у самых границ моих на Востоке, а дануниитов я переселил туда. И жили они [т. е. данунииты] в дни мои во всех пределах Долины Адана, от восхода солнца и до его заката, и в местностях, которые были раньше опасными, где люди боялись ходить дорогами. И в дни мои... (?) ради Ваала и богов было во все дни мои изобилие, и благоденствие, и довольство, и покой у дануниитов и по всей Долине Адана. И построил я этот город, и назвал я его городом Азитавадда, ибо Ваал и Решеф-Цирм послали меня строить. И построил я его ради Ваала и Решеф-Цирм, в изобилии, в благоденствии, в довольстве и в покое, чтобы он служил оплотом Долины Адана и Дома Мопша. И было в дни мои в стране Долины Адана изобилие и благоденствие, и не было в дни мои человека, изнемогающего у дануниитов. И построил я этот город, и назвал я его городом Азитавадда. Я поместил в него Ваала-Крнтрйш. А повинность жертвоприношения всем изображениям богов: ежегодное приношение быка, приношение во время посева овцы, и во время жатвы овцы и благословил Ваал-Крнтрйш Азитавадда жизнью, и миром, и властью могучей над всеми царями, чтобы дал Ваал-Крнтрйш и все боги города Азитавадду долгоденствие и многолетие, и благополучное царствование, и

власть сильную над всеми царями, И будет этот город обилён хлебом и вином, а народ, который живет в нем, будет владеть крупным скотом и овцами, хлебом и вином, и, умножившись в числе, будут работать, и, умножившись в числе, будут воздавать хвалу, и, умножившись в числе, будут служить Азитавадду и Дому Мопша ради Ваала и богов. А если какой-нибудь царь из царей, или вельможа из вельмож, или какой-нибудь другой человек изгладит имя Азитавадда на этих вратах и напишет свое имя или решит захватить этот порт и удалит эти врата, которые сделал Азитавадд, и сделает другие врата и напишет имя свое на них, — будь то по алчности он удалит, будь то по ненависти или злобе он удалит эти врата, — то истребят Ваал небес и Эл, сотворивший землю и солнце вечное, и весь род сынов божьих — ту царственную особу, и того царя, и того человека, кто бы он ни был; имя же Азитавадда сохранится вовек, как имя солнца и луны».

Во II и I тысячелетии до н. э. финикийцы играли важную роль в Средиземноморье. Билингвы финикийцев, составленные на территории со смешанным населением, имели огромное значение на первом этапе работы по дешифровке целого ряда письменностей, а также служили большим подспорьем при уточнении чтения некоторых знаков. Ниже мы увидим, как финикийская версия кипрской билингвы помогла понять кипрский силлабарий. Летом 1964 года на итальянском побережье в 30 милях к северо-западу от Рима в местечке Пирджи были найдены надписи на золотых предметах на финикийском и этрусском языках. Находка из Пирджи была ценным вкладом в дело

дальнейшей дешифровки этрусского языка, хотя то, что до сих пор не удалось установить родственные связи этрусского с другими языками, затрудняет задачу специалистов, пытающихся определить, — в той мере, как бы хотелось, — грамматику и словарный запас этого языка. Алфавит этрусского языка известен, поэтому произношение не представляет особых трудностей. Существование в V веке до н. э. в Италии финикийцев и этрусов само по себе представляет определенный интерес. Как теперь стало известно, финикийцы обосновались в Италии с незапамятных времен, что позволило им оказывать непосредственное влияние не только на этрусов (которые, в свою очередь, внесли значительный вклад в римскую культуру), но и на самих римлян¹¹.

Глава 6

УГАРИТ:

ДЕШИФРОВКА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДРУГИМИ КУЛЬТУРНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ

В основу дешифровок, которых мы касались в предыдущих главах, легли надписи, известные задолго до того, как их стали изучать. Некоторые открытия совершались за короткий срок, однако процесс завершения работы порой растягивался на десятилетия. Это не относится к дешифровке угаритского письма: в 1929 году были найдены тексты, написанные совершенно неизвестным письмом, а в 1930 году завершилась их дешифровка.

В истории западной цивилизации угаритской литературе принадлежит важное место. Она повлияла на дальнейшее изучение Ветхого Завета и заполнила пробел, существовавший между Гомером и Библией¹. Можно сказать, что расшифровка угаритского письма — одно из важнейших литературных открытий, сделанных в XX веке².

Это открытие отразится на всем комплексе исследований истоков нашей культуры, хотя, как это обычно бывает, наши учебники начальной и средней школы отстают по меньшей мере на полстолетия от открытия языка.

Угарит полностью исчез из памяти человечества. Это название впервые вновь появилось в Телль-эль-Амарнских табличках. Городище, которое арабы теперь называют Рас-эш-Шамра (Укропный мыс), было обнаружено случайно. В 1928 году сирийский крестьянин пахал землю на участке между могильным холмом Угарит и прибрежной полосой Средиземного моря и наткнулся на каменную плиту. Это была часть склепа, который археологи считают микенским. Угарит находился в северной Финикии в ареале семитской культуры, поэтому микенский субстрат свидетельствовал о возможности существования отношений между финикийцами и эгейцами в период Поздней бронзы (около 1400–1200 гг. до н. э.).

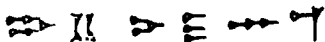
Французы, под протекторатом которых находилась тогда Сирия, начали раскопки в Угарите в 1929 году. Рабочие, которыми руководили Клод Шеффер и Жорж Шене, вскоре обнаружили клинописные таблички, часть их была на аккадском языке, другие были написаны неизвестным письмом. Таблички были переданы для публикации известному ассириологу Шарлю Виролло (1879–1968). Он опубликовал первые 40 табличек с этими новыми угаритскими письменами в журнале «Сирия» в 1929 году, т. е. в том же году, когда они были обнаружены.

Изучение угаритского языка продвигалось быстро, в основном благодаря личным качествам и способностям Виролло. При этом он сразу же готовил материал к публикации, и за четыре десятилетия, прошедшие со дня открытия и основных публикаций по Угариту, профессора Виролло никак нельзя упрекнуть в том,

что он задерживал передачу новых материалов востоковедам мира. Он щедро делился со всеми, кто интересовался этой темой. Приведу один пример: он отдал свою транслитерацию неопубликованного литературного текста автору этих строк для издания в книге «Учебник угаритского языка». Великодушие такого рода встречается не часто. Будучи серьезным ученым, Виролло также обладал острым зрением и твердой рукой чертежника, поэтому сделанные им копии отличаются аккуратностью и четкостью.

В статье, опубликованной в 1929 году³, Виролло не только предоставил в распоряжение ученых большое число источников, но и положил начало дешифровке благодаря ряду тонких наблюдений. Он предположил, что письмо имеет направление слева направо, что небольшое количество знаков (не более 30) может свидетельствовать только о буквенном характере письма, что небольшой вертикальный клин служит словоразделителем и что незначительная длина слов (чаще всего из одной или двух букв) означает, что гласных или не было совсем, или они писались редко.

Группа из шести знаков повторяется на бронзовых топорах:

(теперь мы читаем это так: *gb khnm* — «Верховный жрец»). На табличке 18, имеющей одинаковый с аккадскими письмами формат, Виролло заметил, что перед этой группой знаков стоит слово, состоящее из одной буквы:

(теперь мы читаем: l.r.b.khnm). Исходя из стиля месопотамских писем, Виролло заключил, что **𐤀𐤀𐤀** — одноконсонантное слово, означающее предлог «к» (так обычно начинаются послания — «к такому-то»). Виролло был прав, и хотя он не определил, что это язык угаритский, и не указал фонетическое звучание знаков, он смог отделить одно слово от другого и правильно дать их значения.

Немецкий семитолог Ганс Бауэр (1878-1937), занявшись дешифровкой угаритского письма, довольно быстро достиг положительных результатов⁴. Во время Первой мировой войны он был шифровальщиком, а основные проблемы дешифровки забытых письменностей он постиг, работая над синайскими надписями. Удача Бауэра основывалась на правильном предположении, что язык принадлежит к группе семитских, так как слова между словоразделителями короткие — характерная черта семитских языков, в отличие от индоевропейских и других языковых семей. Более того, Сирию в течение долгого времени населяли северо-западные семитские племена, такие как финикийцы, евреи, арамеи и близкие к ним. И тогда односложное слово, означающее предлог «к», должно быть «k», потому что «la» означает «к» во всех северо-западных семитских языках.

Хорошо владея грамматикой семитских языков, Бауэр знал, что в северо-западных семитских языках некоторые буквы являются приставками, а другие служат окончаниями. Нужно отметить, что довольно распространенные буквы «t» и «n» могут быть как приставками, так и окончаниями. Он обнаружил две уга-

ритские буквы, назовем их «X» и «Z», удовлетворяющие всем требованиям частоты употребления и положения для «п» и «t», но не смог определить, где какая. Затем он обнаружил какой-то список, похожий на перечень собственных имен. Каждое имя состояло из трех слов, а слово в середине состояло из двух знаков, причем оно постоянно повторялось (обозначим его как «YZ»). Исходя из обычной формы имен в семитских языках «А сын Б», Бауэр прочел «YZ» как «bn» — «сын». Отсюда звуковые значения определяются как Y = b, Z = n, а путем исключения X = t. Поскольку в префиксах слов часто повторялось «b», оно полностью подходило для приставки со значением «в» в северо-западных семитских языках. После этого Бауэр смог найти широко распространенное имя ханаанейского бога «b^cl» («Ваал»), так как и «b» и «l» ему уже были известны. Он вычленил bWl и понял, что W = ^c. Теперь уже не составляло труда прочесть «b^clt» («Baalat», существительное женского рода от «Baal»), так как все буквы были известны.

В последовательности слов, напоминающих числительные, Бауэр выделил три знака QlQ и решил, что это числительное «три», которое по-арабски транслитерируется «tlt». Для такой идентификации было вполне достаточно исходить из определенной схемы, так как среди семитских текстов нет другого корня слова с одним и тем же согласным в начале и конце, между которыми стояло бы «l». Другое числительное «RSb^c» могло быть только «arb^c», что давало произношение еще двух знаков. Теперь группу знаков «^cttrt» можно было прочесть как имя богини Астарты, поскольку

все буквы были уже известны. Числительное «aUt» могло быть только числительным женского рода — «одна» (aḥt), и, соответственно, «aḥV» должно было быть числительным «один» (aḥd)⁵.

Дешифровка угаритского языка в основном осуществлялась путем подстановки знаков в пределах одного алфавита. Дело, однако, осложнялось тем, что существовало три знака для буквы «алеф» ('a, 'i, 'u), имевших разные огласовки. Кроме того, существовало два омофона для «s». Бауэр блестяще доказал, что «XlYZ», стоящее рядом с «b^cl», следует читать как «'ilh-» — «бог». Он ошибся в чтении конечного знака «Z», но верно определил «X» и «Y», найдя таким образом еще один «алеф», который теперь транслитерируется как «'i», а также как «h». Его несколько озадачило то, что в ходе дешифровки обнаружилось несколько «алефов», но, как истинный дешифровщик, он не позволил сомнениям одержать над собой верх; напротив, он честно заявил, что обнаруженный факт должен нас подготовить и к другим примерам омофонии. Оказалось, однако, что единственной омофонией в угаритском алфавите были два знака для «s». «Алефы» же изменяются в зависимости от гласного, к которому относятся. Успех Бауэра обеспечивали его добросовестность и интуиция. Стремление же к полному совершенству, делающее подчас непреодолимое препятствие из нерешенных частных вопросов, противопоказано любой новаторской работе.

Некоторые ошибки, допущенные Бауэром, исправил французский востоковед Эдуард Дорм (1881–1966), который был не только одаренным ученым, знатоком

Ветхого Завета и клинописи, но и служил во время Первой мировой войны в качестве криптоаналитика, за что был награжден Французским правительством. Дорм не только смог внести ряд исправлений в дешифровку, предложенную Бауэром, но и добавил в 1930 году фонетические значения еще нескольких букв. Между тем Виролло также продолжал работу над дешифровкой угаритских знаков. Если устанавливать приоритет по времени публикации, то Бауэр был все же первым⁶. Не следует при этом упрекать Бауэра за то, что он поспешил обнародовать свои открытия в газете, вместо того чтобы напечататься в солидном научном журнале; такого рода критика неприменима к дешифровщикам: им нужно не только одобрение их достижений, но и первенство. Чемпион по характеру не может довольствоваться вторым или третьим местом.

В 1930 году Бауэр и Дорм опередили Виролло. В тот год были раскопаны многие новые таблички, в том числе и большие литературные произведения, которые были переданы Виролло для публикаций. Роль Виролло в дешифровке угаритской письменности в чем-то можно сравнить с тем, как Раулинсон расшифровал ахеменидские надписи; оба ученых смогли опередить коллег по дешифровке благодаря неустанной работе над таким объемом источников, какого не было в распоряжении у других. Следует отдать должное Бауэру, который первым опубликовал результаты дешифровки (4 июня 1930 года), и Дорму, откликнувшемуся на начатую Бауэром работу в статье, вышедшей приблизительно 1 октября 1930 года, где были исправ-

лены некоторые ошибки Бауэра. Но Виролло можно считать отцом угаритологии с тем же правом, как и Раулинсона отцом ассириологии. Результаты работы Виролло были доложены в Париже на заседании Академии изящной словесности 3 октября 1930 года. 24 октября он сделал в Академии доклад о методике дешифровки и содержании вновь найденных литературных памятников. Этот доклад с небольшими изменениями лег в основу его статьи о дешифровке угаритского языка, опубликованной в 1930 году в журнале «Сирия», где он уже приблизился к установлению правильных значений большинства знаков алфавита⁷. Мы обязаны Виролло тем, что он первым издал и интерпретировал почти все таблички на угаритском языке, за исключением сравнительно небольшого числа опубликованных журналом уже после его смерти. Со времени его первой публикации в 1929 году жизнь этого ученого неразрывно связана с историей угаритологии, начиная с первых загадочных находок вплоть до признания угаритского одним из ведущих семитских языков, который теперь изучают во многих университетах и других учебных заведениях мира.

Пишущий эти строки заинтересовался угаритским в 1935 году, когда его дешифровка была почти завершена. Вполне естественно, что в 30-е годы волнующие изображение угаритские таблички должны были привлечь к себе внимание многих ученых, обладавших различной лингвистической подготовкой. В результате возник поток литературы, в котором начинающему студенту было трудно ориентироваться; кроме того,

интересующихся этой темой, был нужен учебник, где бы подробно излагались грамматические правила. Моя книга «Грамматика угаритского языка», изданная в 1940 году, была рассчитана на то, чтобы удовлетворить эту потребность. Однако открытие новых текстов и исследования многих ученых привели к тому, что уровень этой области науки заметно повысился, поэтому книгу нужно было пересмотреть и дополнить. Недавно изданный «Учебник угаритского языка» содержит не только грамматику, но и словарь, корпус текстов в транслитерации, отдельные клинописные тексты, а также и другие материалы, предназначенные как для начинающих, так и для маститых ученых⁸.

Обнаруженные позднее билингвы уже ничего не могли добавить к сделанной дешифровке. Один такой найденный текст представляется весьма интересным, поскольку в нем приводится угаритский алфавит и с помощью аккадских знаков дается произношение каждой буквы. Если бы эта табличка была обнаружена в 1929 году, она могла бы послужить ключом к дешифровке. Но ее нашли в 1955 году, и четверть века спустя она уже оказалась бесполезной.

Для семитского языкознания значение угаритского языка выходит за рамки интереса к дешифровке его письма и практического использования. Литература на угаритском языке составляет важное звено в преемственности культурного развития Запада. Доказательством тому может служить своего рода учебный текст, несколько копий которого обнаружили во время раскопок. Это небольшого размера таблички, содержащие азбуку из 33 букв, стоящие уже в той последова-

тельности, которая потом закрепились в еврейском, греческом и латинском алфавитах. Порядок букв в угаритском алфавите, с незначительными поздними изменениями, сохранился до наших дней: a b - d - - - h i/j k l m n o p q r s t u/v - - - -. Изучение угаритской литературы в ее средиземноморской среде показывает, что мы унаследовали от угаритской культуры не только сам алфавит, но и неизмеримо больше.

С первых же шагов по дешифровке угаритского письма прослеживалось его близкое родство с древнееврейским и финикийским. Довольно скоро стали появляться на свет целые выражения, во многом совпадающие с текстом Ветхого Завета. Например,

𐤀 𐤁 𐤂 𐤃 𐤄 𐤅 𐤆 𐤇 𐤈 𐤉 𐤊 𐤋 𐤌 𐤍 𐤎 𐤏 𐤐 𐤑 𐤒 𐤓 𐤔 𐤕 𐤖 𐤗 𐤘 𐤙 𐤚 𐤛 𐤜 𐤝 𐤞 𐤟 𐤠 𐤡 𐤢 𐤣 𐤤 𐤥 𐤦 𐤧 𐤨 𐤩 𐤪 𐤫 𐤬 𐤭 𐤮 𐤯 𐤰 𐤱 𐤲 𐤳 𐤴 𐤵 𐤶 𐤷 𐤸 𐤹 𐤺 𐤻 𐤼 𐤽 𐤾 𐤿 𐥀 𐥁 𐥂 𐥃 𐥄 𐥅 𐥆 𐥇 𐥈 𐥉 𐥊 𐥋 𐥌 𐥍 𐥎 𐥏 𐥐 𐥑 𐥒 𐥓 𐥔 𐥕 𐥖 𐥗 𐥘 𐥙 𐥚 𐥛 𐥜 𐥝 𐥞 𐥟 𐥠 𐥡 𐥢 𐥣 𐥤 𐥥 𐥦 𐥧 𐥨 𐥩 𐥪 𐥫 𐥬 𐥭 𐥮 𐥯 𐥰 𐥱 𐥲 𐥳 𐥴 𐥵 𐥶 𐥷 𐥸 𐥹 𐥺 𐥻 𐥼 𐥽 𐥾 𐥿	מטל השמים ומשמני הארץ
tl-šmm • šmn • arṣ	m-tl h-šmym w-m-šmny h-arṣ
Роса небес	От росы небесной
Тучность земли	И от тучности земли

Обратите внимание, как похожа здесь лексика: основные согласные — одни и те же в еврейском и угаритском, в словах «роса» (tl), «небеса» (šmm), «тучность» (šmn), «земля» (arṣ). Более того, параллелизм ощущается и в поэтике. Мы обнаруживаем не рифму и размер, а поэтический оборот с характерными взаимно уравнивающими частями: «роса небес» в одной части сопоставляется с «тучностью земли», но оба выражения в рамках одной и той же традиции означают «плодородие».

Сотни угаритских параллелей к текстам еврейской Библии революционировали изучение Ветхого Завета. Ученые принялись за исследование Ветхого Завета с новыми силами. После того как они выдержали натиск течения «Вавилон и Библия», у них выработалось спокойное отношение ко всяким новым открытиям, связанным с семитскими текстами и их сопоставлениями со Священным Писанием. Вскоре стало ясно, что евреи не изобретали языковые или литературные формы, а заимствовали их у более древнего народа — ханаанесев. Подлинным вкладом свреев в Ветхий Завет была не столько его форма, сколько содержание. Священное Писание запрещает «избранному народу» предаваться грехам, свойственным тем древним народам, которые населяли эту территорию до него. Некоторые из таких греховных деяний, как, например, скотоложство, засвидетельствованы не только в Библии (где это можно было бы рассматривать как выпад против ханаанесев), но зафиксированы и в угаритских религиозных текстах, где скотоложство имело сакральную и важную функцию в культе бога Ваала⁹. Несколько угаритских текстов было обнаружено в Палестине в Бет-Шамеше, Таанахе и на горе Табор. Почти нет сомнений, что литературные тексты, подобные найденным в Угарите, имели хождение в Палестине еще до еврейского завоевания¹⁰.

Угаритский эпос о Керете повествует о герое, по обещанию богов давшем начало царскому роду. Еще раз этот мотив появляется в другом эпическом памятнике — единственном, найденном в Угарите, — Сказании об Акхате, где добродетельный правитель благо-

словен рождением сына. Этот же сюжет мы встречаем в Книге Бытие в рассказе о праотцах, в результате божественного промысла основавших царский род. Особенно ярко этот мотив прослеживается в рассказе о рождении у Сары и Авраама сына Исаака.

В эпосе о Керете говорится о том, как Керет отнял у другого царя свою нареченную невесту Хуррайю, похищенную и спрятанную в дальней крепости. Этот мотив схож с легендой о Елене Троянской. Выясняется, что в микенский период (а именно к нему относятся и угаритский эпос, и библейские патриархи, и Троянская война) мотив обретения после плена нареченной невесты был весьма распространен, да и в Книге Бытие мы читаем о том, как Аврааму дважды пришлось выводить Сару из гарема других властителей¹¹.

Пример Угарита подтверждает, что, как бы различны ни были культуры Греции и Израиля в классический период, обе они корнями уходят в Героический век, датируемый второй половиной II тысячелетия до н. э.

Глава 7

ЭГЕЙСКАЯ СЛОГОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Наиболее ранние по времени надписи на территории Европы обнаружены на Крите, и их обычно называют минойскими. Сначала письменность была рисуночной, поэтому иногда можно встретить определение «критская иероглифика». Из всех надписей, которые были до сих пор найдены, больше всего рисунков на «Фестском диске», четкие знаки которого расположены по спирали и наносились по еще мягкой глине. Но более распространены были различные формы скорописи.

Системой минойского письма пользовались по крайней мере два совершенно разных языка — минойский и микенский. Минойские тексты называют «линейным письмом А», а микенские таблички «линейным письмом Б», по терминологии Артура Эванса, впервые обнаружившего в Кноссе тексты того и другого вида. Однако эта система распространилась с острова Крита на другие области Восточного Средиземноморья. Микенские таблички были найдены на территории материковой Греции, на о. Пилос и в Микенах. Разновидность этой системы была обнаружена Порфирием Дикайосом в Энкоми на Кипре. Она относится

о времени Поздней бронзы. Это — слоговая письменность, каждый знак которой является слогом типа: согласный звук + гласный. За исключением текстов хозяйственного и административного характера, записанных «линейным А» и «линейным Б», о чем будет сказано дальше, микенская система чисто фонетическая, в ней отсутствуют идеограммы и детерминативы. Единственный нефонетический знак — слогоразделитель, который очень важен в ходе любой дешифровки. Система настолько укоренилась в культуре Восточного Средиземноморья, что сохранилась на Крите и особенно на Кипре вплоть до эллинистического времени, когда ею продолжали пользоваться наравне с алфавитной письменностью.

Приблизительно в середине XIX века герцог де Линь¹ случайно нашел несколько текстов слогового кипрского письма и в 1852 году представил их на рассмотрение ученых Европы. Но только в 1869 году с открытием финикийско-кипрской билингвы появилась возможность приняться за дешифровку кипрского слогового письма. Финикийский текст (опубликован Р. Х. Лэнгом в 1872 году) поврежден, но почти весь он восстанавливается по другим надписям Милкиятонна, царя городов Идалиона и Китиона. Восстановленный финикийский текст в транслитерации читается так:

[bymm ? lyrh ?] bšnt 'rb° 4 lmlk mlkytn [mlk]

[kty w'dyl sml] 'z's ytn wytn' • 'dnn • b'lr[m]

[bn°bdmlk l'l] y lršp mkl • k šm° qly brk

[В день? месяца?] в году четвертом — 4 — царствования Милкиятонна [царя]

[Китиона и Идалиона]. Изображение [это], которое наш господин Баалро[м]

[сын Абдимилка] дал и воздвиг [для] своего [бога] Решеф-Мукла, так как он услышал его голос (и) благословил.

Кипрская версия читается так²:

[i to-i • te-ta-ra-to-i • we-te-i] • pa-si-le-wo-se • mi-li-ki-ya-to-no-se • ke-ti-o-ne • ka-e-ta-li-o-ne • pa-si-le-u—

[o-to-se • ta-ne e-pa-ko-] me-na-ne • to pe-pa-me-ro-ne ne-wo-so-ta-ta-se • to-na-ti-ri-ya-ta-ne • to-te

ka-te-se-ta-se • o wa-na-xe

[pa-a-la-ro-mo-se •] o a-pi-ti-ni-li-ko-ne • to a-po-lo-ni • to a-mu-ko-lo-i • a-po-i wo-i • ta-se • e-u-ko-la-se

[e]-pe-tu-ke • i tu-ka-i • a-za-ta-i

[В четвертом году], когда царь Милкиятон прав[ил] Китионом и Идалионом, в последнюю пятидневку [високос]ных дней правитель [Баалром, сын] Абдимилка воздвиг эту статую для Аполлона Амиклейского, от которого он получил для себя желаемое. На счастье!

В обеих частях билингвы направление письма справа налево, что подтверждается пустым пространством в конце каждой строчки слева.

На основе этой билингвы ассириолог Джордж Смит в 1872 году дешифровал кипрское письмо. Исходя из большого количества знаков (около 55), он верно предположил, что это слоговая письменность, так как никакой алфавит не может иметь такое количество букв.

В поисках соответствия в кипрской части для трех имен собственных, которые в финикийской части обозначались как Mlkytn (Милкиятон), Kty (Китион) и 'dyl (Идалион), Смит обратил внимание, что слог, ко-

торый мы теперь обозначаем как «li», встречается в первом и третьем именах, которые теперь читаются как *mi-li-ki-ya-to-no-sc* и *e-ta-li-o-ne*. Прочтение этих имен собственных дало ему фонетические значения. Сопоставив имя «Идалион» с *X-Y-li-*, мы получаем $X=i$ (теперь мы передаем его как «е»), а $Y=da$ (этот знак обозначает слог «ta» или «da», но теперь условились писать его как «ta», хотя не менее верно «da»). Первый слог в царском имени должен быть «mi-», потому что в финикийской части стоит «m», а «i» определяет употребление знака «li» при отсутствии «l» + гласная. Имя царя также помогло установить знаки «ya», «to» и «no». Затем Смит обратил внимание на то, что «mlk» встречается дважды, означая либо глагол «править», либо существительное «царь». Аналогичное повторение встречается в словах «*ra-si-le-wo-se*» и «*ra-si-le-u- []*». Смит ошибся, предположив, что в первом случае «mlk» означает «царь» в родительном падеже, а во втором — в именительном и что это похоже на греческий язык. В таком рассуждении есть ряд неточностей, но первое из последней пары слов оказалось действительно греческим словом «царь» в родительном падеже. Тогда Смит задался вопросом: в каком из известных языков предпоследний слог основы слова «царь» в именительном и родительном падежах различен? И остановился на греческом, в котором слово «царь» в именительном падеже — «*basileus*», а в родительном — «*basilēos*». Несмотря на некоторые допущенные им ошибки, Смит пришел к верному заключению, что это греческий, и правильно идентифицировал «ba» (теперь мы предпочитаем обозначать его как

«ра», хотя «ба» также верно, так как идентифицированный знак означает и «ра» и «ба»), «si» и «le».

Эти предварительные заключения и идентификации помогли понять общую систему, обеспечив успех дальнейшей работы. Так, имя в финикийской части надписи «'bdmlk» могло быть сопоставлено с именем «a-pi-ti-mi-li-ko-ne» в современной транслитерации, в греческой части это стало возможным после того, как были идентифицированы слоги «mi-li» (из имени «Milkijaton»).

С достаточной степенью достоверности Смит идентифицировал 18 знаков и довольно точно продолжал чтение греческих имен в различных кипрских надписях. Однако дальнейшую работу по дешифровке затрудняло его слабое знание греческого языка. Труд Смита продолжили ученые, хорошо владевшие классическим греческим языком, первым среди которых был помогавший Смицу египтолог Сэмюэль Бёрч (1813-1885), а затем немецкий специалист по древним монетам Иоганнес Брандис (1830-1873). Над дешифровкой трудились несколько поколений эллинистов. Последние штрихи в этот труд внесли современные специалисты по кипрским греческим надписям Т. Б. Митфорд и Оливье Массон, публикация текстов которого в книге «Кипрские силлабические надписи»³ считается образцом.

Успех Смита подтверждает ряд явлений, которые постоянно случаются в истории дешифровок. Он пришел к правильным выводам, несмотря на то что его первоначальные предположения были не всегда верны. Опираясь на единственное слово «царь», он верно установил язык надписи (греческий). Первопроходцу

приходится с чего-то начинать, но если он может построить масштабные обобщения исходя из одного слова, то это свидетельствует о том, что он овладел методом дешифровки. Педантичный филолог, не располагавший определенным объемом материала, на основе которого можно было бы сделать обобщающие выводы, никогда бы не смог дешифровать забытую письменность или реконструировать забытый язык. Дешифровщику необходимо строить догадки, но он должен при этом обладать чутьем, которое подсказывало бы ему, когда эти догадки неверны и, следовательно, от них надо отказаться. Зато удачная догадка всегда вознаграждается. И когда она влечет за собой открытие, дешифровщик испытывает чувство, которое можно сравнить с озарением, нисходящим на мистиков. Но любое открытие должно быть объективно доказуемо, если оно подлинное, а не мнимое.

При составлении кипрских надписей до эллинистического периода включительно употреблялись два языка, финикийский и греческий. При этом греческие тексты иногда писались греческими буквами, а иногда кипрским слоговым письмом. Финикийские же надписи, разумеется, написаны буквами финикийского алфавита. Кроме того, встречаются кипрские надписи негреческого происхождения, написанные слоговым письмом, и нет ничего удивительного в том, что некоторые ученые предположили, что этеокипрские надписи (так называют тексты с Кипра, написанные негреческой слоговой письменностью), совпадающие по времени с греко-кипрскими надписями слоговым письмом, являются по языку финикийскими. Нам

известно, что двумя основными языками населения острова были греческий и финикийский, хотя возможно, что оно не ограничивалось этими двумя языками. А. Ментц попытался интерпретировать этеокипрскую часть билингвы как принадлежащую к семитским языкам, но его прочтение оказалось неверным. Это не означает, однако, что его предпосылки были ошибочны. Мы уже говорили о том, что правильное решение нередко возникает из неверных предположений, а правильный вывод может опираться на совершенно неверную предпосылку, дискредитируя само решение. Очевидно, ученые не должны одинаково относиться к недоказанным (хотя возможно и верным) догадкам и к доказанным фактам. Причина, по которой Ментц не смог верно прочесть этеокипрскую письменность, кроется вовсе не в том, что ему не хватало широты кругозора, интуиции или сообразительности; просто он не был достаточно подготовлен в семитологии и в дешифровке. Поэтому следует вернуться к этой проблеме еще раз.

Билингва из Амафунта на этеокипрском языке и на классическом (аттическом) греческом, датируемая IV веком до н. э., читается так:

(этеокипрская) a-na-ma-to-ri u-mi-e-s[a]-i mu-ku-la-i la-sa-na • a-ri-si-to-no-se a-ra-to-wa — na-ka-to-ko-o-se ke-ra-ke-re-tu-lo-se ta-ka-na-[?]-so-ti • a-lo ka-i-li-po-ti.

(греческая) hē polis hē amathousiōna Aristōna Aristōnak-tos eupatridēn

Эта билингва подтверждает, что фонетические значения в этеокипрском и греческих текстах с Кипра

одинаковы, так «a-ri-si-to-no-se» соответствует упомянутому в греческой части текста имени Аристон. Это же относится и к имени отца Аристона Аристонакса, хотя в этеокипрской части текста употреблена диалектальная форма имени — «Артованакс» (a-ra-to-wa-na-ka-so-). В семитских языках вместе с личными именами могут стоять указательные местоимения, причем одновременно перед словом и после него: sa-na a-ri-si-to-no-se — «этот Аристон» (буквально: «этот Аристон-этот»).

Греческая часть текста совершенно понятна: «Жители города Амафунта (чествуют) благородного Аристона (сына) Аристонакса». Глагол опущен, что обычно для подобных посвяtitельных надписей. Но можем представить, каким образом город Амафунт чествовал Аристона: текст выбит на камне, на котором сохранились также следы от пьедестала, на котором стояла статуя. Воздвижение его статуи соответствовало чести, оказываемой Аристону.

В начале обеих версий можно заметить наиболее полное совпадение смысла: первые два слова по-гречески «этот» и «город», то же самое и в этеокипрской части: a-na (или ba-na) — «этот» в различных западно-семитских языках и ma-to-ri (произносится madōr+ē) «селение/я, город». Таким образом, обе версии начинаются словами «этот город». Поскольку город уже сделал что-то «для» Аристона, то в этеокипрской части употреблен семитский предлог «la» («для») — «la-sa-na • a-ri-si-to-no-se» — «для этого Аристона». Более подробно об этом говорится в моей работе: «Свидетельства существования минойского языка»⁴.

Тот факт, что западные семиты и греки пользовались старым слоговым письмом еще в эллинистическое время, когда уже давно существовал и был широко распространен алфавит, свидетельствует о его глубоких корнях в культуре Кипра. На основе этого ученые решили, что, возможно, существовала связь между кипро-минойскими табличками эпохи Поздней бронзы (несколько ранее 1200 г. до н. э.), найденными Порфирием Дикайосом в Энкоми, и этеокипрской письменностью. Некоторые знаки в обеих системах письма очень похожи, но были и различия. Поскольку период, отделяющий энкомские таблички от этеокипрских текстов, насчитывает более пятисот лет, то вполне вероятно, что за этот период произошли значительные изменения в написании знаков. Если исходить из сложившейся на Кипре между эпохой Поздней бронзы и эллинистическим периодом тенденции к росту греческого населения и соответствующего уменьшения западносемитской доли, то, скорее всего, энкомские тексты не греческие, а семитские. Но существуют и другие версии: так, предполагают, что это может быть хурритский язык.

Эгейское море было областью распространения слоговой письменности начиная с эпохи Средней бронзы. Не будем здесь вдаваться в историю ее происхождения. В мире, где существовали различные системы письма, включая шумеро-аккадскую клинопись и египетскую иероглифику, под воздействием окружающей среды неизбежно должны были возникать новые виды письменности. С самого начала можно было предположить родство критского слогового письма эпохи

Средней бронзы и кипрского силлабария периода VII–III веков до н. э. Теперь мы уже знаем, что в текстах, написанных на этих языках, совпадают по форме и звучанию семь знаков. И все же непохожесть других знаков (в основном, из-за большой разницы во времени и местных языковых различий) послужила причиной того, что расшифровать древний критский силлабарий исходя из более поздней формы кипрских знаков не удалось.

Открытие минойской цивилизации принадлежит Артуру Эвансу (1851–1941). Подобно Генриху Шлиману, чья вера в гомеровские тексты привела к раскопкам погребенных микенских городов, он придавал серьезное значение древним преданиям о былой славе Кносса и минойской цивилизации на Крите. Эванс не мог согласиться с распространенным мнением, что эта блистательная культура Героического века на побережье Эгейского моря не имела письменности. Первый шаг на пути открытия минойских и микенских табличек он сделал, когда стал заниматься печатями на камнях, которые подбирали критские крестьяне. Знаки этих печатей, которые часто называют критскими иероглифами, датируются началом II тысячелетия до н. э. Хотя Эванса интересовало все, что относилось к минойской культуре Крита, он сосредоточил свои усилия на раскопках основного центра, Кносса, где он нашел таблички, которые можно разделить на две основные группы, написанные, по определению Эванса, «линейным письмом А» и «линейным письмом Б». Табличек с текстами «линейного Б» по количеству значительно больше, однако на Крите эти находки ограничиваются

Кноссом. Текстов «линейного А» меньше, но их находят во многих местах Крита начертанными на камне и металле, а также в глине.

Эванс заметил, что в одной табличке «линейного Б» слово, состоящее из двух знаков, похоже по написанию на «ро-1о» кипрского силлабария. Поскольку за этим словом стоит детерминатив «лошадь без гривы», Эванс сопоставил «ро-1о» с греческим «*rōlos*» «жеребенок» (родственно англ. «foal»). Теперь мы знаем, что такое прочтение было правильным. Если бы Эванс проявил тогда упорство, отстаивая свою точку зрения, то заложил бы основу для дешифровки «линейного Б»; но, считая установленный им факт простым совпадением, он отверг это предположение, так как оно противоречило его теории, что «линейное письмо Б» минойского, а не греческого происхождения. Ученому, не способному отказаться от ошибочной теории, не суждено стать дешифровщиком. И все же на довольно четких рисуночных знаках табличек «линейного Б» Эванс разглядел предметы, которые означали зерно, животных, людей, одежду, керамическую и металлическую посуду, колесницы, оружие и т. п. Эти знаки, служившие идеограммами или детерминативами, можно отделить от фонетических знаков силлабария. Эванс определил также числительные десятичной системы.

Многие ученые пытались читать эти таблички; одним из них был А. Э. Каули, который предположил, что два слова (теперь мы их читаем «ko-wo», «ko-wa») могут быть греческими словами «*kouros*» («мальчик») и «*kourē*» («девочка»), хотя он перепутал грамматиче-

ский род. Конечно, Каули не мог тогда предвидеть существование различий в фонетике между микенскими и классическими греческими формами этих слов, поэтому вряд ли он мог предполагать, что второй слог содержит «w», а не «r». Однако примечательно, что Каули нашел точные греческие соответствия для знаков табличек «линейного Б» и ему удалось идентифицировать только несколько слов, соотносимых с греческими с тем же значением. Тем не менее его догадки не привели к какому-либо результату, потому что ему не хватало знаний, необходимых для опровержения ошибочной гипотезы Эванса о негреческом происхождении этой письменности, а у Эванса было много сторонников.

Дешифровка «линейного А и Б» вызвала живейший интерес, поскольку таблички с этими письмами содержали в себе самые ранние исторически важные источники на территории Европы, которые могли бы пролить свет на историю появления греков в эпоху бронзы⁵. Было ясно, что эти таблички каким-то образом связаны с Героическим веком, когда шла война между ахейцами и троянцами, легшая в основу «Илиады». В истории археологических открытий имя Эванса останется навечно. Подобно Шлиману, обнаружившему микенскую культуру, он открыл минойскую цивилизацию, а это выдающееся открытие целиком принадлежит именно ему. Но Эванс надеялся стать также и дешифровщиком минойского письма, а к этому он оказался не готовым. Благодаря врожденным способностям он смог четко разграничить «линейное письмо А» и «линейное Б». Но его теория о негреческом

происхождении минойцев, создавших таблички, привела к тому, что он идентифицировал языки двух совершенно различных видов этих табличек. Оказалось, что таблички, написанные на «линейном Б», в отличие от «линейного А» все же греческие. Когда в 1939 году Карл Блеген нашел на о. Пилос много табличек с надписями «линейным письмом Б», стало ясно, что таблички «линейного Б» из Кносса свидетельствовали о завоевании города народами, пришедшими с материка. (Дальнейшие находки в Микенах и других местах новых табличек «линейного Б» подтвердили это.) Но Эванс не желал считаться ни с какими фактами, противоречащими его любимой теории. Эванс не стал публиковать большую часть кносских табличек, чтобы никто не смог предвосхитить его дешифровку. В результате сдвиги начались только после его смерти в 1941 году. В годы войны ряд ученых, которым предстояло внести свой вклад в дешифровку «линейного А и Б», получили возможность хорошо натренироваться в криптоаналитике. Было заранее определено, что дешифровка должна начаться с многочисленных табличек «линейного Б», а не с относительно небольшого числа табличек «линейного А». При этом к тысячам табличек из Кносса, уже ставшим доступными для публикации, прибавились вновь найденные тексты с материковой Греции, что и послужило толчком к дешифровке.

Алиса Кобер из Бруклинского колледжа, начиная с 1943 года и до своей преждевременной смерти в 1950 году, проделала важную и методически очень полезную работу по анализу табличек «линейного Б».

Она не стремилась найти фонетические значения или установить произношение слов, не говоря уже о попытке определить язык. Но с точки зрения методики ее работа представляла выдающееся явление и к тому времени, когда она ушла из жизни, предвосхидала все, сделанное до того в области дешифровки линейного письма. Она выделила группы слов типа XYZA, XYZB и XYC и пришла к заключению, что их язык имеет флексии наподобие латинского языка:

a-mi-cu-s
a-mi-cu-m
a-mi-ci

В слоговом письме типа кипрского это могло означать, что в слове имеются три согласных звука в корне и что «С» начинается с того же согласного, что и «Z», но оканчиваются эти слова на разные гласные звуки.

Она обратила внимание на то, что имеется несколько «троек» такого рода. Изобразим другую группу слов следующим образом: QRSA, QRSB и QRD. В этом варианте A и B — те же знаки, что A и B в упомянутых выше XYZA и XYZB. Поэтому D в сочетании QRD означает третий согласный звук, подобный тому, который имеется в корне слова QRS. Кобер пришла к заключению, что «C» (в XYC) и «D» (в QRD), хотя в начале этих слов стоят разные согласные, оканчиваются одним и тем же гласным, т. е. верно предположила, что они означают грамматические окончания:

XYZA :: QRSA (ср. a-mi-cu-s)
XYZB :: QRSB (ср. a-mi-cu-m)
XYC :: QRD (ср. a-mi-ci)

Конечно, при этом она не считала, что грамматические окончания такие же, как в латинском «amicus», да и вообще что язык — латинский; просто она предположила, что мы имели дело с языком флективного типа, в котором при спряжении и склонении изменяется конечный гласный или добавляется к корню согласный или же происходит и то, и другое.

Метод составления параллельных рядов из слов с меняющимися флексиями дал возможность расположить знаки таким образом, чтобы знаки с одинаковыми начальными согласными находились по горизонтали, а знаки, оканчивающиеся на одинаковый гласный, стояли бы в одной вертикальной колонке. Такое расположение получило название «решетка», а метод — «система решетки». Если начертить решетку и поместить в нее два приведенных выше примера, то знаки «Z» и «C» окажутся в одном горизонтальном ряду, знаки «S» и «D» — в другом, а «C» окажется в той же вертикально расположенной колонке, что и «D».

Кобер собрала такие «тройки», включив в эту или подобную ей таблицу соответствующее содержание. Одну форму изменений составили женские имена (обозначенные детерминативом «женщина»), а вторую форму — мужские (с детерминативом «мужчина»).

I II III IV V VI VII VIII

Категория 1: JKLA MNLA OPQA RSQA TUVQA PBWA XYA HIA

Категория 2: JKLБ MNLB OPQB RSQB TUVQB PBWB XYB HIB

Категория 3: JKC MNC OPD RSD TUSD PBS XZ HG

Талантливый молодой английский архитектор Майкл Вентрис (1922–1956) в юности изучал классические и несколько европейских языков. В 1936 году на выставке минойских древностей он услышал доклад сэра Артура Эванса. С этого момента юноша поставил перед собой цель — дешифровать кносские таблички. В 1940 году он опубликовал статью, в которой предположил, что рассматриваемый язык родствен этрусскому; от этого предположения он окончательно отказался лишь в 1952 году, когда, сделав открытие, он дешифровал «линсейное Б». Лишь после шестнадцати лет размышлений и настойчивого труда Вентрис стал серьезно рассматривать возможность того, что это язык, скорее всего, греческий.

Вентрис предположил, что если восемь слов категорий 1 и 2, приведенных выше, прилагательные, то они могли бы быть названиями тех мест, откуда появился сам народ; в таком случае категория 3 могла бы быть названием местности без окончания прилагательного.

Имена в женском роде, оканчивающиеся на -i(y)a, встречаются как в греческом, так и в других языках Средиземноморья. Поэтому знак «А» может читаться как «ya», а предшествующие знаки (L, Q, W, Y и I) — оканчиваться на -i. «Т» встречается очень часто, особенно в начале слов, и скорее всего, это гласный, возможно «а», с которого во многих языках, включая греческий, начинаются слова. Из небольшого числа знаков категории 3 ясно, что согласный в падежном окончании (-s) в написании опускался.

Вентрис поставил перед собой вопрос: «Какие известные города древнего Крита можно подставить

вместо JKC, MNC, OPD, RSD и TUV D?» Если $T=a$, а в слове TUV D три слоговых знака после «а-», то на ум приходило название города «Amniso(s)»; тогда TUV D можно транслитерировать как A-mi-ni-so, а TUVQA = A-mi-ni-si-ya. Слово TUVQB — мужского рода и может быть только A-mi-ni-si-yo. a-mi-ni-so (Amnisos) стало первым словом, которое прочел Вентрис в ходе дешифровки «линейного Б».

Слово A-mi-ni-so оканчивается на «-о», и это позволяет предположить, что и другие названия местностей могут иметь подобные окончания. Поэтому, если L, Q, W, Y и I оканчивается на «-i», то C, D, S, Z и G соответственно те же согласные, но оканчивающиеся на «-о». «S» стоит не только в конечном слоге названия PBS, но и во втором слоге слова RSD; отсюда следует, что это слово — название места из трех слогов и оканчивается на «-oso». Наиболее вероятное его чтение — Ко-по-со (Knossos), так как все таблички, содержащие это название, найдены именно в Кноссе (и ни одна из них не была найдена на континенте — в Микенах или Пилосе). Тогда можно считать, что $R=ko$, а $S=no$. Следующий вопрос такой: «В названиях какого еще города на Крите, предпочтительно не очень далеко от Кносса, имеются три согласных звука и оно оканчивается на «-so» (в III колонке OPD оканчивается на $D=so$)?» Вентрис остановился на Tuliso(s) (Tyliossos), это оказалось правильным, и в результате получилось, что $O=tu$, $P=li/ti$.

Дешифровка «линейного Б» основывалась на особенностях кипрского силлабария. Действительно, семь знаков в обеих системах совпадали по форме и звуко-

вому значению, один из таких знаков — «ра» (вертикальная черта, перечеркнутая двумя горизонтальными линиями), который мы обозначили как «М» в сочетании MNC (см. выше колонку II). Название критского города, начинавшееся на «Ра» — Phaistos; это дает значение для «С» = «to» (а отсюда значение «ti» для L). «N» получает значение гласного «i»; в результате получаем «Pa-i-to» для слова «Phaistos» («s» в конце слога никогда не ставится). Берем название другого критского города (его условное наименование — JKC), состоящее из трех согласных и оканчивающееся на «-to». Вентрис верно предположил, что это — Lukto(s) (Lyktos), подставляя J = lu/ru и «K» = ki (где произносимая гласная хорошо вписывается в категории 1 и 2; Lu-ki-ti-ya или Lu-ki-ti-yo).

Вентрис догадался, что ряд обозначений, распространенных в Пилосе и Кноссе, могут относиться к ремеслу, а параллельные названия, встречающиеся в обоих местах, являются топонимами (без флексий или ставшие прилагательными). Названия ремесел и городов можно было восстановить по аналогии с административными текстами из Угарита.

Установленные Вентрисом фонетические значения дали ему возможность выявить греческие слова, включая те, которые были до этого верно интерпретированы другими учеными (хотя и без определения их произношения и лингвистической идентификации). Например, Кобер установила, что слово, которое теперь читается как «to-so», означает в перечнях «итог» при перечислении предметов мужского рода (мужчин или животных мужского пола), а то, что теперь читается

«to-sa», стоит с «ито́гом» женского рода (пола). Вентрис мог прочесть теперь эти слова как греческие «tosoi» (множественное число мужского рода) или «to-sai» (множественное число женского рода) — «так много, столько». Кроме того, Кобер определила род слов, которые теперь читаются как «ko-wo» (мальчик) и «ko-wa» (девочка), впервые прочитанные Каули (хотя род был перепутан). В соответствии с правилами орфографии, сформулированными Вентрисом, ko-wo и ko-wa — это диалектная форма греческих слов korwo-s (мальчик) и korwa (девочка)⁶.

После того как была завершена работа по дешифровке «линейного Б» и установлено, что это греческий, а определенные Вентрисом фонетические значения стали известны в кругах микенологов, Карл Блеген обратил внимание на таблички «линейного Б», найденные его экспедицией при раскопках в Пилосе. Это был список разных сосудов, причем каждый вид сосудов представлен как названием, написанным слоговым письмом, так и изображением посредством рисунка. Последний показывает, является ли соответствующий сосуд вазой или треножником, а также имеет ли он три, четыре ручки или их вообще нет.

Транскрибируя слоговые знаки по способу Вентриса, Блеген обнаружил, что язык словесных описаний, подтвержденный соответствующими рисунками, греческий. Анализ таблички показывает, что рядом с рисунком треножника под цифрой 1 стоит надпись: «ti-ri-po» = греч. tripou(s) («треножник»), а рядом с таким же рисунком с цифрой 2 написано: «ti-ri-po-de» = «tripode» — форма двойственного числа в классиче-

ском греческом. Сосуды без ручек обозначены в пиловской табличке как «a-po-we» («без ручек»), с тремя ручками — «ti-ri-yo-we» («трехручные»), с четырьмя ручками — «qe-to-ro-we» («четырёхручные»). Префикс «a(n)-» («без») и «tri-» («три») типично греческие, слово «четыре» стоит в диалектальной форме и более похоже на латинское «quattuor», чем на привычное греческое «tetra-», однако едва ли можно предполагать, что микенский греческий язык совпадает с каким-то уже известным диалектом.

То, что в ходе дешифровки Вентрис определил язык «линейного Б» как греческий, было не только блестяще доказано, но и в целом должным образом воспринято научным миром. «Подлинная билингва» из Пилоса в самый критический момент подтвердила верность дешифровки и убедила многих сомневающихся. Лишь отдельные «Фомы неверующие» отказывались принять свидетельство пиловской таблички, а один ученый зашел столь далеко, что обвинил Вентриса в том, что он утаил свое знакомство с этой табличкой. Обвинение заключалось в том, что Вентрис якобы основывал свою дешифровку на этой табличке и поэтому найденные им фонетические значения были просто подогнаны под описание сосудов. Честность Вентриса и Блегена была хорошо известна, поэтому трудно было предположить, что они замешаны в чем-то отдаленно напоминающем обман. Всегда находятся люди, видящие только то, что они хотят — вопреки очевидным фактам. Не стоит слишком серьезно воспринимать обскурантов, даже если они подчас весьма ученые люди.

Всеобщее и быстрое признание дешифровки Вентриса можно объяснить также тем, что ученые-классики были рады получить еще одно доказательство непреходящей славы Греции. Едва ли когда-нибудь возникали сомнения, что Ахилл, Агамемнон или Нестор говорили по-гречески. Но археологи постоянно выдвигали разного рода теории, а авторитет сэра Артура Эванса оказывал заметное влияние на постулат о негреческом происхождении «линейных А и Б». Хотя дешифровка Вентриса была сюрпризом, но для эллинофилов это был приятный и радостный сюрприз. А какой же цивилизованный человек не является эллинофилом.

Трагическая гибель Майкла Вентриса в автомобильной катастрофе 6 сентября 1956 года оборвала жизнь талантливого и удачливого молодого ученого. Но он успел завершить задуманное, получить признание и почести на родине и за рубежом. Начатое им дело продолжают и завершают сейчас другие.

А теперь обратимся к «линейному письму А». Из всех дешифрованных надписей, возможно, именно минойское «линейное А» сможет пролить свет на наши собственные классические корни. Греческая культура еще с доклассических времен впитала в себя элементы культуры западносемитской, начиная с лексики и кончая социальными учреждениями. Минойское «линейное А» подтверждает, что в значительной степени семитский компонент в культуре Древней Греции своим происхождением обязан не только заимствованию извне, но, скорее всего, он уже существовал на греческой почве еще до того, как Греция стала Грецией. Сами

греки происхождение своего алфавита ведут от финикийского, который был занесен в Грецию правителями семитского происхождения, такими как Кадм, ставший царем Фив в Беотии. Его имя образовано от семитского корня «Кадм-» («восток») и вместе с именем его сестры Европы (ср. свр. *ereb*), что значит «запад», составляет парное имя. Согласно легенде, Европа — принцесса семитского происхождения, была матерью Миноса. Таким образом, сами греки подготовили нас к тому, чтобы мы признали семитский характер родного языка минойцев.

Большинство имен собственных (и некоторые нарицательные существительные) в греческой мифологии, оканчивающиеся на «eus», — негреческого происхождения. Например, «Pers-eus» (Персей) образовано от семитского корня «p-r-s» (резать, отрезать); такое имя вполне подходит герою, отрубившему голову Медузе Горгоне.

Научный подход не позволяет нам относиться некритически к греческим преданиям. В конечном счете идентификация минойского языка должна основываться на самих надписях «линейного А». Однако ни по количеству, ни по литературным достоинствам корпус минойских надписей нельзя причислить к величайшим археологическим находкам. До сих пор не обнаружены образцы ни минойского эпоса, ни каких-либо исторических документов. Минойские надписи «линейного А» составляют несколько сот небольших по размерам табличек хозяйственного характера, содержащих всего лишь имена собственные. Единичные законченные предложения составляют десятка

два коротких посвяtitельных надписей на votивных предметах. Нельзя даже с уверенностью утверждать, что все тексты так называемого «линейного А» написаны на одном языке. Тем не менее, поскольку культовые приношения имеют одну и ту же формулировку почти по всему Криту, мы по крайней мере можем считать, что минойский был одним из тех языков «линейного А», которым пользовались во всех святилищах Крита, где подобные тексты находят до сих пор.

Хотя минойские надписи скудны и сухи, их значение огромно, так как они запечатлели язык первой великой культуры Европы. Минойская культура послужила образцом для микенской, а для греческого языка был использован вариант минойского письма. К периоду Средней бронзы можно отнести документально подтвержденное в текстах происхождение образцов западной культуры на европейской почве из минойского «линейного А».

Письменность и язык — два взаимосвязанных фактора, составляющих минойскую проблему. Силлабарии «линейных А и Б» в значительной степени совпадают, что подтверждается одинаковыми именами собственными, имеющимися в надписях обеих письменностей⁷. Произношение фонетических знаков «линейного А» в основном стало ясно из проделанной Майклом Вентрисом дешифровки «линейного Б»⁸. Однако минойский язык еще ждет своего исследования, лингвистической идентификации и перевода текстов.

Ключом к пониманию минойского языка может стать корпус этеокритских надписей, хотя эти надписи

сравнительно поздние (VI–IV вв. до н. э.), они написаны алфавитным письмом, и их можно читать, не занимаясь разгадыванием смысла. С достаточным основанием можно предположить, что этеокритяне были потомками минойцев и этеокритские надписи сделаны на позднем этапе развития минойского языка⁹. Было ясно, что хотя этеокритский язык пользовался греческим алфавитом, это совсем другой язык (подобно «линейным А и Б», которые хоть и пользуются в большей степени одной системой знаков, на самом деле являются разными языками). Корпус этеокритских надписей на камнях из Прайсоса, Дрероса и Психро в восточной части Крита мог бы послужить отправной точкой для дешифровки минойского языка. Произношение звуков этеокритского языка было по крайней мере уже известно, в то время как относительно «линейного А» это стало возможно только после открытия Вентриса в 1952 году, и даже после этого фонетические значения нескольких слоговых знаков «линейного А» еще требуют уточнения¹⁰.

Чем дальше уходим мы в глубь веков эпох Раннего железа, Поздней и Средней бронзы, тем явственнее свидетельства присутствия в Эгеиде северо-западного семитского элемента¹¹. Факты подобного рода иногда поразительны. Так, в корпусе основных финикийских текстов восемь текстов происходят из Афин-Пирея, всего четыре — из Сидона и только один — из Тира!¹²

Теперь мы употребляем понятие «финикийский» в его точном современном смысле и значении, принятом в науке. Однако древние греки вкладывали в это слово значительно более широкий смысл; они называ-

ли «финикийцами» самых разных северо-западных семитских мореплавателей, которые вели торговлю по всему Средиземноморью и за его пределами.

Любопытное свидетельство мы находим в прологе к «Диктису Критскому»¹³. Текст его известен почти полностью в латинском переводе IV века до н. э. Луция Септимия. Это рассказ, приписываемый критскому герою Диктису, сопровождавшему Идоменея и Мериона под Трою. Конечно, это подделка, однако она представляет определенный интерес для решения минойской проблемы.

Латинский перевод «Диктиса Критского» предваряют послание (*epistula*) и пролог. Послание написано самим Луцием Септимием и обращено к Квинту Арадию Руфину. В нем говорится, что Диктис писал «пуническими буквами» и что его гробница в Кноссе настолько разрушилась от времени, что внутри нее можно было увидеть ящик, залитый оловом. Пастухи, наткнувшись на ящик, предположили, что там клад, но нашли в нем только листы из липовой коры с пуническими буквами, и они отнесли их к Праксису, правителю той местности. Поскольку язык надписей был греческим, тот транскрибировал пунические буквы аттическими и подарил листы императору Нерону, который щедро его наградил. Итак, согласно посланию, Луций Септимий считал, что оригинал произведения был написан на греческом пуническими буквами. В поддержку этого мнения можно было бы указать на греческие надписи архаического периода, начертанием букв очень напоминающие финикийские, из которых и произошел греческий алфавит.

В отличие от эпистулы, пролог не принадлежит Луцию Септимию; он больше похож на пролог к греческому тексту, который он просто перевел на латинский. Таким образом, пролог является более ранним по времени и более достоверным свидетельством, нежели эпистула. В прологе говорится, что Диктис был критянином из Кносса, знатоком финикийского языка, как разговорного, так и письменного. Сообщается, что он был товарищем Идоменей и Мериона, попросивших его записать историю Троянской войны, что он и сделал на липовой коре. Эта история, состоящая из десяти частей, была положена в оловянный ящик и захоронена по его просьбе вместе с ним.

«На тринадцатом году правления Нерона (66 г. н. э.), --- говорится далее в прологе, --- от землетрясения в Кноссе пострадало много гробниц, в том числе гробница Диктиса, и из-за этого стал виден оловянный ящик. Его подобрали пастухи, но, открыв, нашли в нем только липовую кору с неизвестными им письменами. Тогда они принесли документ своему господину Эвпраксиду, а тот, не зная этой письменности, показал записи римскому консулу на острове Рутилию Руфу. Тот же отправил Эвпраксида с текстом к Нерону. Нерон, поняв, что буквы пунические, пригласил знающих людей, которые все ему перевели. Когда Нерон таким образом узнал, что документ сочинил очевидец событий Трои, он приказал перевести его на греческий для своей Греческой библиотеки».

Не станем останавливаться на всех разночтениях, содержащихся в эпистуле и прологе. Нужно лишь от-

метить, что в прологе говорится, что не только буквы, но и язык оригинала был «пуническим», а этот термин употреблялся наравне с термином «финикийский». Это заставляет нас обратиться к этеокрытским надписям, которые, как мы увидим далее, северо-западно-семитского происхождения и написаны «финикийскими (пуническими)» буквами в Архаический период.

Ученые XIX века подозревали, что хроника Диктиса Критского — подделка, что она была написана самим Луцием Септимием по-латыни. Но в Египте был найден папирус, датируемый временем, предшествующим жизни Луция Септимия, и этот папирус содержал отрывки греческого текста сочинения Диктиса; после этого стало ясно, что Луций Септимий не был автором подделки. Поэтому вопрос заключается не в том, был ли латинский текст переводом с греческого, а скорее — был ли греческий текст переводом с семитского оригинала.

В эллинистический период среди северо-западных семитов возникло литературное направление, стремившееся заполнить пробелы «канонического»¹⁴ текста Ветхого Завета вставками из псевдэпиграфов. А этот жанр — один из самых разработанных в древнееврейской литературе. Примерами могут служить Книга Еноха и «Завещания двенадцати патриархов». Подобные подделки находили в еврейских рукописях Кумрана, в коллекции копий рукописей времен Римской империи (собранной еще до начала правления Нерона и спустя несколько лет после его смерти). Но эти сочинения относятся к раннему эллинистическому периоду. То же литературное направление, которое породило

ло в еврейских кругах апокрифы и псевдэпиграфы, распространилось и у северо-западных семитов, пересекло «узконациональные»¹⁵ границы и достигло этеокрытян, для которых «каноническим Писанием» была не Библия, а гомеровский эпос. В те времена, как это случается и сегодня, критяне оставались «этноцентристами», противопоставляя себя остальному греческому миру, поэтому для них было «характерным» прославление роли критян в Троянской войне.

В прологе к сочинению Диктиса указывается, что на семитском этеокрытском языке писали не только на Крите (этот факт известен из самых этеокрытских надписей), но что по крайней мере еще в I веке н. э. образованные люди в Риме, в том числе император Нерон, были знакомы с этим языком.

В наше время как этеокрытский, так и минойский языки требуют лингвистической идентификации. Если минойский сохранился в проблематичном силлабарии «линейного письма А», то этеокрытский пользуется алфавитом, нам известным. Поэтому имело бы смысл начать именно с этеокрытских надписей, письменность которых по крайней мере хорошо известна, и дальше вести работу хронологически в глубь веков к дешифровке минойских текстов, зафиксированных в более трудном «линейном А».

Население критского города Прайсоса¹⁶ делилось на две языковые группы — греческую и этеокрытскую; каждая из них писала тексты на своем языке. Поскольку греческие и этеокрытские тексты относятся к одному и тому же времени и месту, они иногда совпадают по содержанию, например греческая надпись из Прай-

соса содержит формулу клятвы: τ[οὺς ἄλλο]υς πολίτας ἐξορκιῶ τοὺς ἐν]δόμου[ς μὲν..] τοὺς δ' ἀποδόμους («Я приведу к присяге всех граждан, как своих, так и чужестранцев».) В этой формуле встречается определение для выражения понятия «всех», а именно: антонимы «люди, родившиеся в стране» (местные жители) и «люди из других стран» (чужестранцы). Подобные идиомы для выражения понятия «все» постоянно встречаются в надписях древнего Восточного Средиземноморья¹⁷. Две из них приводятся в этеокритских текстах из Прайсоса. Это станет ясно, если мы расположим обе надписи одну под другой:

1. μαρ κρκ-ο κλ ες υ ες
2. νας ιρ-ο υ κλ ες

Первая фраза буквально означает: «господин этой крепости, каждого человека и человека из... / /»; вторая: «люди его города и каждый (другой) человек». Словоупотребление, окончание притяжательного местоимения, синтаксис — все северо-западно-семитское: *Mâr* «господин» (арамейск.); *kark* — «город, обнесенный стенами» (арамейск.; ср. также первую часть слова Κορχηδών — греческое название Карфагена); -ο «его» (как в древнеевр.); *kull* — «все, каждый» (ранее встречается в минойск.); 'εś «человек» (как в Eshbaal — «человек Ваала»; более распространенной является древнеевр. форма 'îš — «человек»); û — союз «и» (встречалось ранее в минойск.); *nâš* — «люди» (встречается в арабском *nâs* и в сирийском *qrê*, *bar-nâš* — «сын человеческий, человек»; и *îr* — «город» (распространено в древнеевр., встречается также в угаритском). *Mâr*

k(a)rk и *nāš īr* — синонимические парные сложные идиомы, все четыре существительных встречаются только в северо-западных семитских языках.

С достаточной степенью уверенности можно сделать перевод одной из этеокритских надписей, за исключением одной детали¹⁸. Речь идет о надписи на камне из Психро, датируемой приблизительно 300 годом до н. э. Камень найден в пещере на г. Диктея, в которой были обнаружены предметы минойского происхождения, подтверждающие живущую среди местных жителей легенду, восходящую еще к минойскому периоду, что в этой пещере родился Зевс. Текст из Психро важен с нескольких точек зрения. В конце его стоят три знака «линсейного А» поздней формы, свидетельствующие о том, что в Психро имел место постепенный переход от минойского языка к этеокритскому. Кроме того, текст является лапидарной вотивной надписью, напоминающей большинство посвящений, сделанных линейным письмом А на культовых предметах из камня. Камень из Психро содержит сохранившуюся у минойцев формулу обета. Она гласит:

1. ΕΠΙΘΙ
2. ΖΗΘΑΝΘΗ
3. ΕΝΕΤΗ ΠΑΡ ΣΙΦΑΙ
4. Ψ Δ Α

Перевод: «Я, Энете, сын Сифаи, даровал этот резной камень». В четвертой строке первый и третий слоговые знаки читаются четко, это — *i* и *ti* соответственно. Возможно, средний знак *pi*, в таком случае *i-pi-ti*

повторяет слово в первой строчке (ετιθι). Но если этот знак читается как *ne*, тогда это слово будет читаться *i-ne-ti* (имя дарителя, Энете), что представляется более вероятным. В первой строчке выгравированный текст подсказывает перевод *πιθι* (греч.) как «камень с гравировкой» (ср. **𐤏𐤏** — финикийск. «резной камень»); таким образом, ему предшествовало минойское *pi-te* на votивном культовом предмете из камня¹⁹. Знак *e* в таком случае должен быть определенным артиклем (в древнеевр. *ha-*). Поскольку появление определенного артикля относят к периоду железа, то он еще отсутствует в минойском и угаритском языках. *Z* во второй строке является постпозитивным указательным местоимением «этот» (в финик. — *-z*) или препозитивным относительным местоимением «который» (по-финикийски пишется *z-*). Несмотря на то что расположение знаков во второй строчке подсказывает последний вариант, я более склоняюсь к первому, и не столько из-за того, что в предшествующей строчке ему нет места, сколько потому, что в «линейном А» это подсказано окончанием в слове *pi-te-za* — «этот резной камень», **𐤏𐤏𐤏𐤏** (греч.) это **𐤏𐤏𐤏**, *yatan-ti* — «я даровал». Глагол **𐤏** «давать» (в значении даровать богам) и окончание *-ti* для обозначения «я» с перфектом глагола мы находим не только в финикийских, но и в минойских посвяtitельных формулах²⁰. Интерпретацией третьей строки мы обязаны Роберту Р. Штиглицу²¹, понявшему, что **𐤏𐤏** (греч.) — это арамейское *bag* («сын»), а **𐤏𐤏𐤏** (греч.) — имя собственное (**𐤏𐤏𐤏**), встречающееся в Первой Книге Паралипоменон (20:4).

Минойские тексты интерпретировать труднее, чем этеокритские, главным образом из-за того, что, как уже говорилось, «линейное А» — письменность, неизвестная семитологам. Как в аккадском слоговом письме, в «линейном А» пишутся гласные звуки, хотя ни та, ни другая система полностью не разграничивают согласные, к чему мы привыкли, пользуясь алфавитным письмом. Дешифровку минойского «линейного А» следует начинать с таблички НТ 31 (из Агна Триады), потому что изображения различных кувшинов и других сосудов сопровождаются на ней надписями слоговым письмом. Действительно, первые исследователи, работавшие над дешифровкой «линейного Б», обратили внимание, что подписи силлабическим письмом на НТ 31 — это минойские слова, обозначающие названия сосудов. Поскольку названия сосудов НТ 31 включают слова *su-pi*, *su-pà-la* ²² (ср. 𐤔𐤏 и 𐤔𐤏𐤋 в древнееврейском и других семитских языках) и *ka-ro-pà* (ср. *karpu* — название сосуда в аккадском языке), то этот текст служит ключом для понимания семитского характера минойского языка. Текст таблички НТ 31 поддается переводу в пределах, которые позволяет ее состояние. В транслитерации сохраняются номера изображенных сосудов, а подписи приводятся в переводе.

1. *mi-ti-sa . pu-ko* . Lc45
2. [x]+4 Lc63 10 Lc64 10
3. [] Lc63 10 *sa-ya-ma-na*
4. [] *ki-de-ma-wi-na*
5. ??L'9[x+] 300 Lc66 300
6. Lc67 3000

Перевод:

1. Выдано со склада! [x] тре-
2. ножника. 10 qu-rà сосудов, 10 su-ri сосудов,
3. [], 10 серебряных кувшинов,
4. [x] золотых [ваз],
5. [x+] 300 [?] сосудов, 300 su-rà-la сосудов,
6. 3000 pa-ta-qe чаш.

Роберта Ричард²³ первой предположила, что НТ 31 — список выдачи сосудов со склада. Отправным моментом для нее послужило разгаданное ею слово *ru-ko* (мн. число **179** арамейского «выходить»!), хотя она считала, что значение слова более неопределенное — «выносить, выпускать». Однако в минойском, по аналогии с угаритским, о товаре говорили «выходящий», а не «вынесенный» кем-то²⁴. После того как нашли глагол «выходить», стало ясно, что *mi-* (в предыдущем слове, с которого начинается табличка) — это западносемитский предлог «из». Идентификация Ричардом слова *ti-sa* как «склад, хранилище» открывала новые возможности для дальнейшей дешифровки. Здесь нет необходимости приводить семитские аналогии названий сосудов, поскольку они уже подробно приводятся в других работах²⁵. Достаточно лишь отметить, что минойское название чаши для магических обрядов начинается со слова *a-ga-nu*²⁶ (ср. *'aggânu* — «чаша» в арамейском, древнееврейском, аккадском и других семитских языках)²⁷.

Независимо от происхождения, слово **𐤒𐤕** (ср. *sa-ya-ta-na* в НТ 31:3) в некоторых арамейских текстах означает «серебро», а слово *kidem* в следующей строке

вполне может означать «золото» (*ktm* — «золото» в древнееврейском и египетском, а также, как теперь выяснилось, и в эблаитском — *ku₈-tim* — «золото»). *Ki-de-ma-wi-na* (НТ 31:4) можно представить как: *kidem* («золото») + окончание прилагательного — *âwi* + окончание множественного числа мужского рода — *îna* в западносемитских языках. В семитских языках одни названия сосудов мужского рода, а другие — женского. Если после слова *say(a)m* («серебро») стоит окончание — *âna*, то перед нами, без сомнения, черта, свойственная арамейскому языку: множественное число в мужском роде — *-îna*, а множественное число в женском — *âna*²⁸.

Можно утверждать, что в ряде случаев в определенном контексте минойские слова заимствованы из семитских языков. На пифосе для вина, найденном в Кноссе, написано *ya-ne* (*yan* по-угаритски «вино»)²⁹. (Следует обратить внимание на различие между *yan* и более распространенным *yaun/yên*.) Другие же винные пифосы из Кносса содержат идеограмму, означающую «вино».

Знаки *ku-ni-su* дважды сопровождаются детерминативом «пшеница» (ср. аккадск. *kun(n)îšu* — «полба»). Родственное слово в арамейском языке — *kun-pêta* (муж. р.), образованное от **kunnî*³⁰.

Несколько раз встречается слово *(y)a-sa-sa-la-mx*, но только на предметах для votивных жертвоприношений. Образованное от корня *šlm*, составляющего основу существительных и глаголов со значением «жертвоприношение», оно вполне может означать «votивное жертвоприношение». Кроме того, оно употреб-

ляется в угаритском языке в спряжении с основой на Š. Сибилянтные каузативы постоянно встречаются в хамитских языках³¹.

Общая сумма обозначается словом *ku-lo* («всего») не только в текстах табличек НТ, но также в табличках линейного письма из Като Закро³². Как уже говорилось выше, это общее для семитских языков слово (*kull-*) встречается также в этеокрытском.

Надпись *le ya-sa-l /* на столе для возлияний из Палайкастро следовало бы восстановить так: *le ya-sa-lsa-la-mx/* «во исполнение жертвы богам», где *le* соответствует *la* в западносемитских языках со значением «для, во» (ср., например, арабск. *li-*). Этот предлог прослеживается в этеокрытском ЛМО, соответствующем дательному падежу слова МАТРИ («для матери») в греко-этеокритской билингве из Дрероса.

Особенностью минойского языка являются различные способы образования падежных окончаний существительных. Например, в НТ 31 *su-pi* оказывается именительным падежом обычного трехпадежного склонения с окончанием на *-u*, а *su-pà-la* — то, что арабские грамматиканы называют несклоняемым с окончанием на *-a*. Для эблаитского языка тоже характерно подобное многообразие именных окончаний, причем ни в одной из публикаций до сих пор не приведено объяснение этому. Судя по эблаитскому и минойскому, в периоды Ранней и Средней бронзы в семитских языках существовали диалекты с большим количеством именных окончаний. Возможно, что норма образования падежей устанавливалась по закону аналогии и к моменту, когда в период Поздней бронзы возник

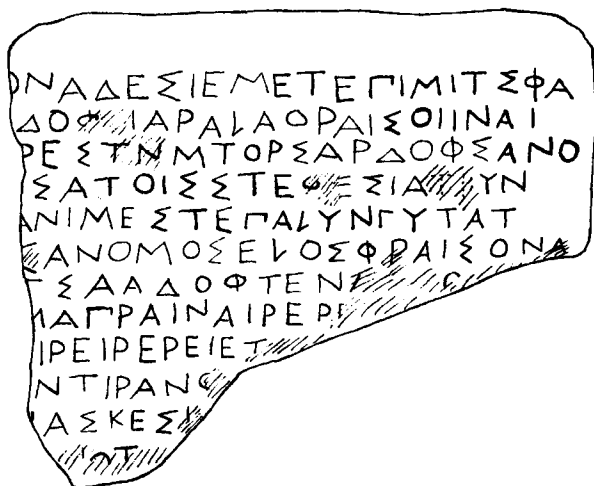
угаритский язык, трехпадежная конструкция уже стала нормой.

Таким образом, этеокритские тексты написаны на северо-западном семитском языке, весьма близком к арамейскому. Есть все основания принять давно высказанную точку зрения, что этеокритский язык происходит от минойского. Широко распространенные вотивные тексты «линейного А» написаны на одном и том же семитском языке, который мы с полным правом можем считать языком минойской культуры. Однако до тех пор, пока все таблички «линейного А» из всех мест, где они были обнаружены, не будут интерпретированы, мы не можем считать, что все написанное на «линейном А» представляет один язык. (Это также относится и к надписям на «линейном Б»; те из них, которые еще не прояснены, не обязательно написаны на микенском греческом.) Население древнего Крита было смешанным. Гомер («Одиссея», 19:175-177) отмечает среди его жителей ахейцев, этеокритян, кидонян, дорийцев и пеласгов. Если судить по именам собственным «линейного А», то еще раньше во времена минойцев среди критян наблюдалось большое их разнообразие: кроме семитских имен, попадались также египетские, хурритские и др.³³ Греческие имена до сих пор не выявлены, чего, однако, нельзя исключить в будущем.

Определение принадлежности минойского к языковой семье может иметь важные последствия. Возможно, что в Железный век тесные связи Греции и Ближнего Востока не всегда осуществлялись посредством прямых контактов между двумя регионами.

Ближний Восток шагнул в Грецию и обосновался там как до Бронзового века, так и на протяжении его, еще до того, как Греция стала «греческой». Да и Греции не нужно было отправляться на Ближний Восток, поскольку тот уже пришел к ней³⁴.

Трудности чтения на минойском языке связаны в основном с эгейским письмом. При интерпретации и реконструкции хеттского и эблаитского языков большим подспорьем является то, что месопотамская клинопись уже известна. Эгейская же письменность «линейного Б» более проблематична, и возможно, что «эгеограммы» следует читать по-минойски. «Известные» шумерограммы и аккадограммы являются подспорьем при анализе хеттских и эблаитских текстов, в то время как до сих пор еще не установленный язык, на котором написаны «эгеограммы», является препятствием для их прочтения.

Второй текст из Прайсоса. Интересно чтение трех числительных (после каждого стоит слово ΔΟΦ):

ΣΦΑ[Α] = **שבעה** «7» (строки 1–2),

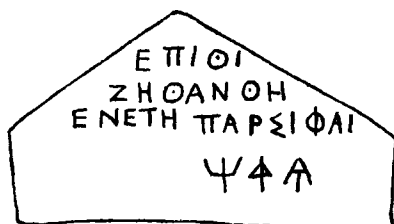
(ΤΟΡ) ΣΑΡ **סר** (**תרי**) (строка 3)

«κ» (или «12»), и ΤΣΑΑ = **תשע** «9» (строка 7).

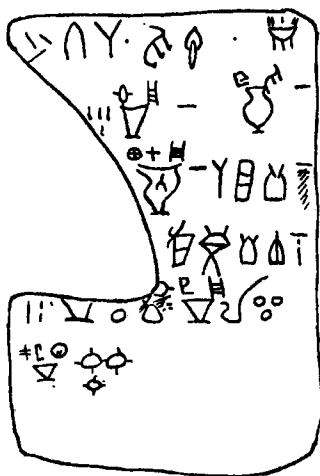
(Gordon, Evidence, § 34).

Третий текст из Прайсоса. Особенно интересны слова ΝΑΣ ΙΡΟ Υ ΚΛ «люди этого города и каждый (другой) человек» в строке 6. (Gordon, Evidence, § 39).

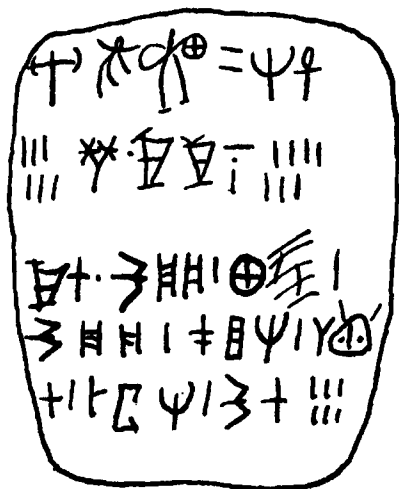
Текст из Психро. Современное чтение и интерпретация приводятся в этой главе. (Из-за повреждений в тексте невозможно понять, какая буква стоит в строке 1 — тета или омикрон.) (Gordon, Evidence, § 45).

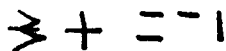
НТ 31. Современное чтение и интерпретация приводятся в этой главе (Gordon, Evidence, § 115).

≡ * E Ф 4:

НТ 86: а: 1-2, b: 1-2, *ku-ni-su* «эммер». Затем стоит детерминатив «пшеница» (𐎎) (Gordon, Evidence, § 116).

НТ 88. Обратите внимание, что шесть записей в строках 3–5 сопровождаются одной вертикальной чертой (числительное «1»), а в конце подводится итог «*ku-lo*» («всё», «всего») с шестью вертикальными черточками «6» (Gordon, Evidence, § 117).

$$\begin{array}{l} \approx + \equiv \\ \text{TF} \approx + \equiv \end{array}$$

□ □ 𠂇 𠂇 □

~~$$\begin{aligned} \text{H} \oplus \text{H} &= \text{P} \oplus \text{P} \oplus \text{L} \oplus \text{Y} \oplus \text{H} \oplus \text{P} \oplus \text{L} \\ &= \text{L} \oplus \text{Y} \oplus \text{H} \oplus \text{H} \oplus \text{L} \oplus \text{L} \end{aligned}$$~~

На магической чаше из Кносса Я (II, 2). Первое слово «a-ga-ni» — «чаша» в ряде семитских языков, включая клинописное заклинание на арамейском языке из Урука, это слово стоит в магической формуле (Gordon, Evidence, § 119, 156).

Таблица

	A	E	I	O	U
	a 		i 		u
P	pa pà 		pi 		pu или
T	ta tà 	te 	ti или 	to 	tu или
D	da 	de 	di 	do 	du
K	ka 	ke 	ki или 	ko 	ku или
Q	qa 	qe 			
M	ma 		mi 		mu или
N	na 	ne né 	ni 	no 	nu
R	ra или rà 	re 	ri 	ro 	ru
S	sa 	se 			su
Z	za 				
W	wa 	we 			
Y	ya 				

Частичная сетка минойского силлабария (Gordon, Evidence, § 138–146 и табл. XI).

Глава 8

АРХИВЫ ЭБЛЫ

В 1964 году итальянская археологическая экспедиция под руководством профессора Римского университета Паоло Маттиэ начала раскопки большого холма Телль-Мардиха, расположенного в 34 милях на юго-запад от Алеппо¹. Надпись на камне, обнаруженном на месте раскопок, показала, что в древности этот город носил название «Эбла», хорошо известное из клинописных источников. В XXIII веке до н. э. аккадский завосватель Нарам-Син похвалялся, что захватил Эблу и сжег там дворец.

В 1974 году появилась возможность сделать предварительный обзор языка обширных архивов, найденных в развалинах дворца, поскольку в одном из его помещений были обнаружены 42 глиняные таблички. Письменность их шумерская, и большая часть лексики состоит из шумерских слов. Однако язык текстов в основном является семитским, который получил название эблаит. Шумерские слова, как правило, являются шумерограммами, и их следует произносить как соответствующие эблаитские эквиваленты². Среди текстов из Эблы имеются двуязычные словари, которые помогают переводить шумерские слова на эблаитский

язык. Например, в одном из текстов приводится шумерское слово GUŠKIN — «золото» как соответствие эблаитскому *kutim*. Шумерская письменность была дешифрована достаточно давно, поэтому значение слова GUŠKIN было хорошо известно. *Kutim* в значении «золото» соответствует и древнееврейскому *ketem*, и египетскому *k-t-m*. Возможно, что оно встречается и в минойском как *kidem*-.

Архивы Эблы содержат договоры и исторические документы, упоминающие государства Мари на среднем течении Евфрата и Аккад в период правления его царей, начиная с Саргона и кончая его правнуком Нарам-Синем. В Эбле были также найдены надписи с титулатурами двух фараонов Древнего царства (IV династии Хефрена и VI династии Пиопи I). Таким образом, расцвет Эблы совпал по времени с веком пирамид в Египте и правлением аккадской династии в Месопотамии. Раскопки в Эбле показывают, что вскоре после 2500 года до н. э. Сирия была поистине центром городской цивилизации, занимавшей промежуточное положение между культурами саргоновской Месопотамии и Египта периода Древнего царства. Давно известные культурные контакты государств, расположенных по Нилу и в Двуречье, получали теперь документальное подтверждение. Связующим звеном между ними в сиро-палестинском регионе была Эбла.

Общее число извлеченных из земли на сегодняшний день эблаитских табличек составляет около 15 тысяч; во всяком случае, их количество превышает 10 тысяч, хотя, по-видимому, не достигает 20 тысяч. Профессор Римского университета Джованни Петтинато

составил каталог, включающий более 6 500 табличек³. Многие тексты хорошо сохранились и достаточно пространны; некоторые состоят из тридцати столбцов на лицевой и оборотной сторонах, по пятидесяти строк в каждом столбце; общее число строк, таким образом, составляет 3 тысячи. Несмотря на то что столбцы расположены довольно близко друг к другу, а сами строчки короткие, эти тексты достигают весьма значительной длины.

Большинство текстов являются административными документами, касающимися сельского хозяйства, ремесла, внешней торговли, а также культовой практики. Некоторые документы, например, договоры, представляют интерес для историков. Таблички с литературными текстами показывают, что влияние клинописной традиции было в III тысячелетии достаточно сильным и помогло сохранить литературное наследие. Но особую ценность представляют лексические тексты, поскольку двуязычные словари дали ключ к эблаитскому языку.

Архивы Эблы служат примером культурного симбиоза шумеров и семитов, засвидетельствованного в Месопотамии на заре шумерской письменности в начале III тысячелетия до н. э. Семитские языки и шумерский язык принадлежат к совершенно разным языковым семьям, они имели контакты еще до того, как около трех тысяч лет до н. э. появились первые письменные тексты. В шумерском языке, который стал письменным еще до появления какого-либо текста на семитских языках, уже имелись слова семитского происхождения, например *silim* — «благополучие, мир»

(родственно древнееврейскому *šālôm* и арабскому *sa-lâm*). Шумерское DAMGAR — «купец» (по-аккадски произносилось *tamkar*) можно рассматривать как раннее заимствование семитского m-k-g — «продавать или покупать» (на древнееврейском обычно «продавать»). Давно известны и ранние заимствования из шумерского языка семитской группы. Шумерское É-GAL (É — «дом», GAL — «большой») — «дворец, храм» в аккадском стало *ékallu*, а в древнееврейском — *hêkāl*. До недавнего времени шумерское GU-ZA — «кресло, трон» обычно рассматривалось в семитских языках как заимствование из шумерского (аккад. *kussû*, др.-евр. *kissê'*, араб. *kursî* и т. п.). Теперь же некоторые исследователи считают, что, наоборот, это семитское слово, попавшее в шумерский язык. Как бы то ни было, данный факт свидетельствует о контактах еще в доисторические времена между семитами и шумерами.

Шумерское слово MÁ-LAH₄ — «моряк» (MÁ — «лодка», LAH₄ — «отправляться» или «заставлять идти») попало в семитские языки (аккад. MALLÂḪ, др.-евр. и араб. MALLÂḪ). Шумерское na(n)-gar — «плотник» проникло в семитские языки (например, др.-евр. *naggâr*, араб. *najjâr* и т. д.). Были заимствованы и другие шумерские слова. Семитские основы в образованиях типа *qattâl* были построены по образцу таких заимствований для обозначения профессий или рода занятий. Например, др.-евр. *qazzâr* или араб. *jazzâr* — «мясник»; араб. *baqqâl* — «бакалейщик»; др.-евр. *peḥâr* (от **pahhâr*) — «гончар» или *nahâg* (от **nahhâg*) — «возчик, погонщик». Интересно отметить, что образования такого типа, по своему происхождению шумер-

ские, становятся в семитских языках обычными существительными.

Независимо от вклада семитов в раннюю шумерскую цивилизацию, это не умаляет того факта, что среди всех известных языковых семей мира шумеры первыми создали литературную традицию; более того, традицию, остававшуюся классической для целого созвездия дочерних культур в течение трех тысячелетий. В древнееврейском языке шумерское наследие отразилось в заимствованных словах. С распространением и ростом влияния ислама слова, заимствованные из шумерского, через посредство арабского языка, проникли в турецкий, персидский, урду, индонезийский и языки других групп.

На примере Эблы можно убедиться, что и этот регион испытывал на себе сильное влияние шумерской культуры. Архивы периода Ранней бронзы из Эблы, написанные шумерской клинописью, подтверждают, что местных писцов учили сложностям шумерского письма. Это свидетельствует о том, что шумерский язык использовался в качестве *lingua franca* за тысячу лет до эпохи Телль-эль-Амарны, когда вавилонский язык стал языком международного общения на Ближнем Востоке. Как же следует оценивать роль шумерского языка в период Ранней бронзы? (Если учесть, что Сирия находится довольно далеко от расположенного в южном Ираке Шумера.)

Существуют два подхода к шумерской проблеме, и у каждого из них есть свои резоны. Первый — традиционный: шумерский язык стал письменным языком-посредником в Шумере (южная Вавилония), был в рас-

цвете на протяжении всего III тысячелетия и позднее считался классическим языком всего ассииро-вавилонского ареала. В III тысячелетии некоторые правители шумерских городов-государств, предприняв успешные завоевательные походы, достигли восточного побережья Средиземного моря. Самым известным среди этих шумерских завоевателей был Лугальзагеси из Уммы, создавший свою недолговечную империю, которую затем покорил Саргон Аккадский приблизительно в 2300 году до н. э. — в тот самый период, когда писцы Эблы писали на найденных там табличках. Вряд ли можно объяснять наличие шумерского влияния в Эбле завоеваниями Лугальзагеси в Сирии, ибо шумерская традиция едва ли могла укорениться в Эбле за такой короткий срок. Скорее всего, напротив, процесс шумеризации подготавливался и осуществлялся месопотамскими купцами, известными своими успехами в международных торговых делах. Хотя и нельзя исключить возможности, что в какой-то мере солдаты проложили дорогу для этих купцов. Нельзя отрицать того, что существует зерно истины в месопотамских преданиях, свидетельствующих о том, что, например, один из ранних правителей городов-государств Шумера Лугаль-анне-мунду из Адаба приблизительно в XXVI веке до н. э., т. е. за шесть поколений до Лугальзагеси, создал империю, простиравшуюся до побережья Средиземного моря.

Второй подход к трактовке шумерской проблемы совершенно отличается от предыдущего. Шумер не мог быть прародиной шумерийцев. Их язык не похож ни на один язык этого региона, а их образ жизни пре-

дусматривал использование минеральных ресурсов, таких как металлы и драгоценные камни, которые никогда не существовали на территории Шумера. Обнадеживающее в этом плане открытие было сделано в начале 60-х годов в Тэртении, румынская Трансильвания. Археологи обнаружили там несколько надписей на глиняных табличках, по форме и характеру письма напоминающих самые ранние таблички из Шумера. Проверка изотопа углерода (C^{14}) органических частиц на табличках дает датировку приблизительно 2700 года до н. э. Минералы Трансильвании, например золото, возможно, послужили соблазном для такого народа, как шумеры. Им, однако, нужно было не только золото (добытое в Нубии, Аравии, Трансильвании или любом другом месте), но и другие минералы, включая ляпис-лазурь, которую, очевидно, привозили из Бадахшана в восточном Афганистане. То, что цивилизация Шумера нуждалась в сырье из отдаленных районов, находящихся в разных странах, позволяет иначе взглянуть на происхождение шумеров: существовала широко разветвленная сеть шумерских аванпостов, обеспечивавших сбор различного сырья и переправку его в какой-то «национальный»⁴ центр. В доисторические времена этот центр перемещался, пока в конце концов не закрепился около 3500 года до н. э. в стране, которую мы и называем Шумером.

Выбор Шумера обуславливался рядом обстоятельств. Тигр и Евфрат хорошо обеспечивали эту территорию водой. Эти реки и разветвленная система каналов между ними обеспечивали судоходство, а также снабжение рыбой и продуктами сельского хозяйства.

С юга Шумер омывается Персидским заливом, имеющим выход в Индийский океан, по которому осуществлялась широкая морская торговля. Ограниченный запас собственных природных ресурсов страны компенсировался доступностью минеральных богатств Ирана, Аравии и горных массивов к северу. Двуречье делало доступными многие вожаделенные цели. Так, по Евфрату можно было водным путем добраться почти до лесов Ливана, Анти-Ливана и гор Амана. Кроме богатой сельскохозяйственной продукции, земля Шумера в изобилии давала также некий товар, на первый взгляд, малопривлекательного свойства — грязь, так как реки приносили с севера много ила. Шумеры выделяли из принесенной рекой глины кирпичи в качестве основного строительного материала, а глиняные таблички служили главным материалом для письма. С распространением цивилизации Шумера и Вавилонии неизменно распространялось и использование глиняной таблички и палочки для письма.

К 2500 году до н. э. Эбла стала «городом — сателлитом»⁵ в системе шумерского миропорядка. Упрощение сложной шумерской проблемы служит благой цели — при условии, если мы не будем забывать, что сделан лишь первый шаг на пути познания чего-то значительного, понять которое сейчас в полном объеме не представляется возможным. Установившаяся точка зрения на аванпосты распространения шумерского влияния (объясняющая многое, если не все) находит подтверждение в самих шумерах Месопотамии, в их экономике, нуждавшейся в международной торговле для получения сырья. В обмен на него Шумер экспор-

тировал продукты сельского хозяйства и животноводства, а также готовые изделия. Чтобы поддерживать такую систему, необходимо было создать торговые колонии в периферийных районах. В наиболее удаленных колониях шумеризация происходила поверхностно. Одновременно с распространением шумерского влияния через колонии, расположенные в чужих странах, происходил процесс обратного влияния периферийных культур на Шумер.

Наличие колоний требовало штата чиновников, которые были бы способны вести деловую документацию. Для писцов, владевших клинописью, шумерский язык оставался основным классическим языком даже после того, как писцы стали пользоваться шумерским письмом для передачи различных «варварских» языков. Среди них важнейшим был аккадский, принадлежавший к семитским языкам; затем следовал хеттский; одно из первых мест занимал также хурритский как язык могущественного царства Митанни раннего периода Телль-эль-Амарны. Хурритские тексты были найдены при раскопках Мари, Угарита и Телль-эль-Амарны. Хурриты составляли основное население Нузи, кроме того, крупные хурритские поселения существовали в Алалахе и Угарите. Глиняные клинописные таблички хранят свидетельства о забытых языках, таких как семитские наречия Угарита, а теперь и Эблы.

Скорее всего, шумерский был первым зафиксированным *lingua franca*, хотя и не единственным. Впоследствии такую же функцию выполнял аккадский, а затем арамейский, которые были также языками международного общения. Сначала обратимся к арамей-

скому: при изучении древней истории можно получить определенное преимущество, начав с материала более позднего по времени и «лучше изученного», а потом перейти к более ранним и «менее известным» источникам. Статус арамейского как языка широко распространенного в поздние ветхозаветные времена подтверждается документально.

Ко времени вторжения в Иудею Синаххериба в 701 году до н. э. основное население Иерусалима говорило только на древнееврейском, хотя иудейские дипломаты в переговорах с иностранными представителями могли также пользоваться арамейским языком в качестве *lingua franca*. Когда на переговорах уполномоченные царя Езекии просили ассирийского посланника говорить по-арамейски, с тем чтобы окружающие не поняли жестких условий ассирийского ультиматума, ассириец настаивал на употреблении древнееврейского именно для того, чтобы всем было ясно, о чем идет речь⁶.

Постепенно арамейский все больше употреблялся в качестве международного языка. В Ахеменидской державе (VI–IV вв. до н. э.) мидийцы и персы пользовались им для общения с провинциями за пределами самого Ирана. Так, в V веке до н. э. чиновники ахеменидских царей пользовались арамейским языком в отдаленной провинции Египет. Еврейская колония на о. Элефантина в Верхнем Египте, функционирующая как аванпост Ахеменидской империи, использовала арамейский в переписке и написании других бумаг. Ко времени правления Ахеменидов относится создание арамейских частей Книг Ездры и Даниила.

Став языком международного общения, арамейский осуществлял функции посредника между литературой раввинистического толка и значительной частью восточнохристианского мира⁷. В языческой среде тоже пользовались диалектами арамейского языка, например, сирийская языческая литература и весь корпус мандейской литературы.

В образованных кругах иудео-христианского мира также широко пользовались арамейским языком. В 1887 году достоянием науки стали письма из Телль-эль-Амарны (Египет). Эти письма, датированные временем правления Аменхотепа III (ок. 1417–1379 гг. до н. э.) и Аменхотепа IV (Эхнатона, ок. 1379–1362 гг. до н. э.), написаны на вавилонском, хотя переписка велась между двумя фараонами, с одной стороны, и правителями многих регионов Передней Азии — с другой. Эти регионы охватывали Сирию и Палестину, Месопотамию, Анатолию и Кипр. Сюда входили и многие известные израильские города: Иерусалим, Мегиддо, Таанак, Аскалон, Газа, Акра и др. И хотя для населения Египта, сиро-палестинского региона, Анатолии и Кипра вавилонский не был родным языком, он получил статус языка для общения как в этих, так и в других самых различных областях.

Таблички из Телль-эль-Амарны вовсе не единственное подтверждение того, что вавилонский язык служил для целей международного общения в период Поздней бронзы (1600–1200 гг. до н. э.). Лучшим документальным доказательством этого стал Угарит (ок. 1400–1200 гг. до н. э.) на северном побережье Сирии. В Угарите найдены клинописные таблички двух

видов: 1) тексты, написанные алфавитным письмом на местном угаритском языке, и 2) архивы на вавилонском силлабическом. Естественно, что на вавилонском языке международного общения — велась дипломатическая переписка и составлялись договоры.

В Вавилонии классическим языком был шумерский, и пока существовал вавилонский язык (до I в. н. э. включительно), писцы относились к шумерскому языку так же, как в Западной Европе к латыни. Угаритские писцы копировали и заучивали словари на четырех языках, слова с одним значением приводились в них в четырех параллельных колонках на шумерском, вавилонском, хурритском и угаритском языках. Самым важным был угаритский, затем хурритский, на котором говорила часть населения этой местности. Вавилонский был *lingua franca*, а шумерским дорожили как классическим языком ойкумены.

В Книге Бытие (11:1–9) приводится предание о событиях «после потопа»⁸ или, говоря современным языком, «на заре истории». Рассказывается, что в стране Шинар⁹ стали возводить большой город и башню¹⁰, в строительстве участвовало множество людей, которых объединяло то, что все они говорили на одном языке — едином, на котором говорили по всей земле. Употребляя современную фразеологию, они говорили на «языке международного общения». Однако это еще не означало, что к тому моменту существовал только один язык, поскольку в предыдущей главе Книги Бытие (10:5, 20:31) говорится, что различные народы жили в разных странах и у каждого народа был свой язык. Таким образом, «один язык» означает вовсе не

то, что все человечество говорило на одном языке, но что, скорее всего, в целой Ойкумене существовал один общий язык, благодаря которому было возможно осуществлять международные проекты.

В рассказе подразумевалось, что подобные грандиозные проекты порождают непомерную гордыню, поскольку строители возжелали достичь небес. Бог положил конец этим притязаниям, лишив людей общего языка и тем самым расколов Ойкумену. Лишившись средства общения, международное сообщество распалось.

Какой же язык был тогда общим? Им не мог быть арамейский — при возведении месопотамского чуда света сразу «после потопа», поскольку общим языком он стал гораздо позже. Можно предположить, что таким языком был вавилонский. Однако, согласно преданию, повествующему о событиях «после потопа», это время относится к очень далекой древности. Таблички же из Эблы наводят на мысль, что языком международного общения «после потопа» как раз и был шумерский.

Реконструкция эблаитского языка — долгий процесс, требующий помимо способностей не только знакомства с огромным количеством табличек, но и знания большого числа семитских языков. Непосредственную информацию о нем дают шумеро-эблаитские билингвы, но большинство их еще не опубликовано, и, во всяком случае, к ним следует подходить критически. Кажется, что большая часть наших знаний об эблаитском языке получена из архивов, где только небольшое число текстов написано по-эблаитски, а осталь-

нос — шумерограммы или аккадограммы. Таким образом, дешифровка эблаитского языка напоминает дешифровку клинописного хеттского. Как мы уже видели, при дешифровке хеттского языка значительная часть таблички могла содержать шумерограммы и аккадограммы с небольшим количеством хеттских слов или фонетических компонентов, означающих хеттские окончания, приведенные фонетически. Поскольку хеттский — индоевропейский язык, хеттские элементы в клинописном хеттском тексте обычно невозможно спутать с шумерскими или аккадскими элементами. Но с эблаитским языком дело обстоит сложнее, поскольку шумерский язык обладает своими отличительными особенностями, а аккадский и эблаитский оба принадлежат к семитским языкам, и поэтому часто трудно определить, написано ли в эблаитской табличке семитское слово или изменяемый элемент слова по-эблаитски или по-аккадски. Словарь, который дает некоторые окончания, не оставляет сомнений в семитском происхождении эблаитского. Например:

wa и *u¹¹* — «и» (как во всех семитских языках);

ḥu-ta-mu — «перстень-печатка» (как в древнееврейском *ḥôtem-et* и т. п.);

še — «кубок» (ср. угарит. *š^a*);

ku₈-tim — «золото» (др.-евр. *ketem*, египет. *k-t-m* и, возможно, минойск. *kidem-*);

qa-šu — «лук для стрельбы» (женск. р. *-t*, аккад. *qaštu*, др.-евр. *qešet* и т. п.);

ši-ti «напиток» (от корня *š-t-y* — «пить» в др.-евр., аккад. и др.);

tam-mim — «совершенный» (так же в др.-евр., араб. и в др.). Следует обратить внимание, что *ḥutami* и *qašu* окан-

чиваются на *-и*, обычное окончание именительного падежа, а *kutim* и *tammim* не имеют падежных окончаний. Кроме того, если последний согласный звук редуцирован (как в *šê* и *šitî*), слово не склоняется и оканчивается на долгий гласный, это происходит из-за соединения редуцированного согласного с предшествующей гласной.

Особенно четко прослеживается принадлежность эблаитского к семитским языкам на примере местоимений:

ana — «я» (то же в арамейск. и араб.), родит. п. *-î* и винит. *-nî* (общее для всех семитских);

anta — «ты» (муж. р.) (то же в араб. и др., часто с ассимиляцией, *atta* как в аккад. и др.-евр.), винит. п. — *kuwati* — «тебя» (как в аккад.);

šuwu — «он» (аккад. *šû*; ср. египет. *sw*), родит. п. — *šû* (то же в аккад.); винит. п. *šuwati* — «его» (то же в аккад.); родит. и винит. п. во мн. ч. имеют окончание — *šinu* — «их, им» (ср. аккад. *-šinu* и египет. *-sn*).

Поскольку нет (и не было) сомнений в принадлежности эблаитского к семитским языкам, то и нет смысла доказывать очевидное. Различные мнения высказываются лишь по поводу того, следует ли относить эблаитский к хамитским языкам. До тех пор пока не будет опубликовано большое число новых табличек из Эблы, всевозможные теоретические построения преждевременны. Более того, в значительной степени эту проблему невозможно решить, пока не будет разработана классификация семитских языков (не говоря уже о хамитских). Но в ближайшем будущем эту задачу решить слишком трудно.

Как и в минойском, в эблаитском наблюдается отсутствие унифицированной системы падежных окончаний. В период Ранней и Средней бронзы в некоторых семитских языках восточного побережья Средиземноморья имелись различные падежные флексии, зависящие от конкретного слова. То же имеет место даже в арабском языке, хотя это и не является его нормой. В арабском (так же как и в аккадском) большинство существительных в именительном падеже единственного числа оканчиваются на -у, в родительном — на -и, в винительном — на -а. Существительные с перечисленными окончаниями в трех падежах называются трехпадежными. Некоторые существительные, в частности имена собственные, в именительном падеже заканчиваются на -у, а винительный и родительный совпадают и оканчиваются на -а. Так, Соломон в именительном падеже — *sulaymānu*, но *sulaymāna* в родительно-винительном. Такие существительные с двумя падежными окончаниями в единственном числе называются двухпадежными. Другие существительные оканчиваются на -а независимо от синтаксиса, например *dunuyā* — «мир» и *buṣṣrā* — «добрые вести». Такие существительные называются несклоняемыми. Чрезвычайная архаичность эблаитского и минойского отразилась на различных падежных склонениях отдельных существительных. В староаккадском наблюдается такая же древняя система трех падежей. Бесполезно определять, какая система появилась раньше¹².

Фонетика эблаитского языка помогает понять проблемы другой группы текстов, о которых говорилось в гл. VII. Например, в силлабариях «линейного А и Б»

«l» и «r» неразличимы. Это явление характерно и для египетской иероглифики, где «l» и «r» тоже не различались. В табличках Эблы «l» нередко заменяет «r» (хотя «r» никогда не заменяет «l»). Чередование «l/r», таким образом, надо рассматривать в более широком плане.

Эблаитский договор («Так называемый договор между Эблой и Ашшуром») был недавно переиздан¹³. Анализ нескольких отрывков из него может дать представление о том, как реконструируется эблаитский язык:

1. *kas₄-kas₄ /¹⁴ du-du / 20 u₄ / tuš/ ninda kaskal / kú / an-da-ma¹⁵ / mí-du₁₁-ga / tuš / ninda-kaskal / ħe-na-sum* — «Посланцы находятся в пути; они задержались на двадцать дней; они съели свои припасы на дороге. Позаботься об их пребывании. Снабди их пропитанием на дорогу».

В этом отрывке есть единственное эблаитское слово — *an-da-ma (anta)*, т. е. «ты» + *ma* «и». Все остальное состоит из шумерограмм, которые следует прочесть в эблаитском переводе. Таким образом, интерпретация отрывка в основном базируется на знании шумерского языка и лишь в очень малой степени — эблаитского.

2. *su-ma / in 10 nu-bànda / ma-nu-ma / ás / du-tum / 50 udu-udu / ħe-na-sum* — «Если кто-нибудь из десяти охранников отправится в путь, [они] должны дать ему пятьдесят баранов». Анализ слов этого отрывка дает представление о характерных особенностях эблаитской проблемы. *Du-tum* является аккадограммой слова *alak-tum* — «путь, путешествие». *Du* — шумерское «идти»,

по значению соответствующее аккадскому *alâku* — «идти»; *alaktum* значит «хождение» или «путешествие». Здесь, однако, это слово следует читать как его эблаитский эквивалент, учитывая, что родительный падеж употреблен с предлогом *ûs*; аккадское окончание именительного падежа -и в конструкции (t)u(m) является указанием на то, что слово *alaktum* не эблаитское, а лишь аккадограмма вместо него. Есть сомнение, является ли *su-ma* («если») эблаитским словом, а не аккадограммой (т. е. аккад. *šumma* — «если»). Предлоги *in* (здесь «из») и *ûs* (здесь «на, в») и обобщенное относительное местоимение *ma-ti-ma* — «кто бы ни» («всякий») — эблаитские¹⁶.

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать орфографические особенности текста на эблаитском, состоящего из шумерограмм и аккадограмм, а также эблаитских слов, которые писались фонетически. Существует мнение, что эблаитский — первый семитский язык, использовавший клинопись еще до появления аккадских текстов времен Саргона Аккадского, однако аккадограммы текстов архивов Эблы говорят об обратном. Сирийская Эбла следовала примеру Аккада, используя шумерское письмо для записи как семитских текстов, так и для шумеро-семитских билингв. Это последнее обстоятельство весьма существенно: оно пронизывало всю систему образования и было тесно связано со сложной духовной атмосферой.

Завершая обсуждение темы, связанной с Эблей, нельзя не коснуться проблемы «Эбла и Библия», которая породила множество яростных и беспочвенных споров. С точки зрения хронологии, попытки отнести

время Авраама к периоду Эблы бессмысленны. В соотношении с любой исторически осмысленной схемой время Авраама можно датировать столетиями позднее периода Ранней бронзы — времени расцвета Эблы. Для тех ученых, которые не понимают природу и масштабы Библии, дискуссия на этом кончается. Однако, если исходить из того, что действие исторических сил на Ближнем Востоке было непрерывным, то следует сделать вывод, что во многих отношениях ранние источники дают возможность лучше понять более поздние, даже если прямая связь между ними не прослеживается. Наиболее ярким и определенным доказательством этого может служить лингвистика, и приводимый ниже пример дает представление о том, как в контексте эблаитско-еврейских взаимосвязей одно эблаитское слово проясняет довольно странную форму спряжения, встречающуюся в Книге Руфи (4:5).

Можно предположить, что за два тысячелетия, на протяжении которых складывалась библеистика, все трудные места в древнееврейском тексте Библии были разъяснены. Но, размышляя над древнееврейским словарем языка Библии, начинаешь понимать, что это не совсем так. В этом словаре около 8 тысяч слов, многие из которых встречаются часто, но около 1700 слов употребляются только один раз. Выявление значения слова, употребленного один раз в определенном контексте, обычно не приводит к удовлетворительным результатам. Понять ряд трудных для понимания и перевода мест в Ветхом Завете помог угаритский язык, а теперь Эбла понемногу помогает прояснить значение некоторых других слов. Следующее место в Ветхом

Завете можно считать камнем преткновения, поскольку здесь использовано странное сочетание û «и» + энклитическое — та («и»). Его можно рассматривать как сложный (и плеонастический) союз. Û в значении «и» хорошо известно, но наличие в древнееврейском -та (постоянно встречающееся в аккадском) смогли идентифицировать только в 30-е годы¹⁷, когда с ним столкнулись в угаритском языке.

Комментаторов Библии постоянно озадачивал один отрывок в Книге Руфи. Руфь была вдовой иудея, наследственный надел которого должен был быть выкуплен вместе с числящимся за ним долгом; это соответствовало обычаям, соблюдавшимся в древнееврейском обществе¹⁸. Чаще всего выкупавший был ближайшим родственником умершего, который также должен был взять в жены вдову и произвести на свет ребенка, в память о покойном. Цель заключалась в том, чтобы каждая семья народа Израиля могла сохранить преемственность и право на наследование земли.

Но ситуацию осложняет другой обычай, распространенный у северосемитских народов. Мужчина и женщина, вступившие в связь, считались у них мужем и женой. В раввинистическом трактате «Женщины» в главе «Брак» говорится, что любое из перечисленных действий означает супружество, а именно: 1) уплата серебром (например, за какое-то имущество), 2) заключение брачного контракта и 3) сексуальная связь между мужчиной и женщиной¹⁹. Интересно отметить, что Дидона, северосемитская царица Тира и Сидона, считала, что ее любовное свидание в пещере с Энеем означает супружество, но Эней, воспитанный в иных тра-

дициях, не разделял этого убеждения²⁰. В этом и заключалась трагедия, что два благородных человека, принадлежащих к различным культурам, не смогли понять друг друга.

К счастью, история Руфи и Вооза завершилась благополучно, поскольку они оба принадлежали к единой северосемитской культурной традиции. В книге Руфи (3:7) говорится, что Руфь легла у ног Вооза, который по случаю торжества выпил много вина. Проснувшись ночью, он увидел ее и попросил ее остаться, но уйти до рассвета, чтобы не было сплетен (3:4). Перед этим Руфь постаралась принарядиться, чтобы выглядеть привлекательнее (3:1-6), так как Вооз уже некоторое время до этого обращал на нее внимание (2:5-15; 3:10). Он обещал выкупить надел ее мужа и жениться на ней, если ему удастся преодолеть притязания на это ее более близкого родственника (3:11-13). Этот родственник, не знавший о том, что Вооз и Руфь провели ночь вместе, хотел выкупить землю и жениться на Руфи, которая была молода и привлекательна. Здесь возникает драматическая ситуация (4:5). Вооз говорит этому более близкому родственнику, что тот, если хочет, может выкупить надел, но он должен знать, что он (Вооз) уже взял Руфь в жены. Это меняет решение родственника, не только в плане эмоциональном, но и из-за деловых соображений. Ребенок, который родится у Руфи, будет законным наследником. Поэтому расходы на выкуп не принесут родственнику выгоды, а наоборот, его собственная семья обеднеет (4:6). Для него также не было смысла предъявлять свои права на брак с Руфью, поскольку та уже принадлежала Воозу.

Обратимся к тексту. «Вооз сказал: когда ты купишь поле у Ноемини, то должен купить и у Руфи Моавитянки, жены умершего, и должен взять ее в замужество, чтобы восстановить имя умершего в уделе его». В свободном изложении это звучит так: «Если ты настаиваешь на выкупе имущества и покупке его у Ноемини, можешь поступать так. Но ты должен знать, что я уже взял Руфь в жены, чтобы произвести на свет наследника надела умершего».

Камнем преткновения служит слово *û-ma*²¹, которое переводится как «но». Этот сложный союз встречается так редко, что он до сих пор неизвестен лингвистам-гебраистам. Объяснение *w-m* в Книге Руфи (4:5) как *и-та* пришло мне в голову много лет тому назад, но я не осмелился его опубликовать, так как сочетание *û+ma* больше нигде не встречалось. Эблаитское *ûta* («и, но») встречается неоднократно в договоре, о котором говорилось выше²². Мы не настаиваем на том, что оно заимствовано или сохранилось в древнееврейском языке от эблаитского, мы только обращаем внимание на то, что в семитских языках энклитическое *-та* может сочетаться с союзом *û-*. Дело в том, что *w-m* в Книге Руфи (4:5) не поддавалось объяснению, пока не появилось в текстах из Эблы²³.

Связи эблаитского языка можно хорошо проиллюстрировать на примере эблаитского названия поселения или места *mi-ni-ti-um* (*mi-ni-ti* + окончание именительного падежа *-um*). Это можно сравнить с мийнонским определением *mi-ni-te*, которое встречается в перечнях, написанных «линейным А», включающих *ku-ni-su* — «полбу» (НТ 86:a5, 95:a2 и b 2-3), или в

сочетании с детерминативами зерна (НТ 106:1)²⁴. Это же слово встречается в угаритском как m-n-t параллельно с k-s-m — «пшеница спелая». Следует отметить, что «пшеница миннифская» встречается в Книге пророка Иезекииля (27:17) как ḥittê minnīt. Митчелл Дахуд обратил внимание на это эблаитско-угаритско-еврейское²⁵ соотношение. Вполне уместно в книге «Забывшие письма» к трактовке эблаитского и еврейского топонима добавить минойский mi-nu-te.

Глава 9

ОБРАЗЦЫ НАЙДЕННЫХ СОКРОВИЩ

Как бы увлекательна ни была история дешифровок, основное их значение заключается не столько в изобретательности, проявляемой при отыскании «ключа», сколько в получаемых с их помощью материалах. Три тысячи лет существования египетского и клинописного письма составляют огромный вклад в историю цивилизации человечества¹.

Если рассматривать предмет с точки зрения статистики, то следует признать, что древние народы в основном были заняты не литературой, — да и какой, собственно, народ, древний или современный, озабочен только ею? Как все люди на земле, они думали о том, чтобы выжить, заботясь о хлебе насущном, цепляясь за земные блага. Огромные собрания надписей, таких как шумерские таблички III династии Ура (ок. II тыс. до н. э.), посвящены хозяйственной деятельности. Сами по себе подсчеты скота или зерна кажутся делом заурядным. Но если их рассматривать обобщенно, они дадут такую подробнейшую характеристику экономической деятельности, какой не было равных в древности.

Для истории науки первостепенный интерес представляют вавилонская математика и астрономия. Од-

нако вавилоняне основной упор делали на предзнаменования, подчинив астрономию оккультным наукам. То же относится и к анатомии животных. Вавилоняне внимательно изучали внутренние органы жертвенных животных, но их наблюдения служили для предсказания будущего. В результате вавилоняне — подлинные пионеры в области точных наук — оставили наследие, полное суеверий и магии. Само слово «халдей», как называли вавилонян, стало в еврейском и греческом означать «прорицатель, колдун». То, что мы видим и ценим в древних народах, не обязательно совпадает с тем, что они сами в себе ценили больше всего. Мы склонны восхищаться «Эпосом о Гильгамеше» больше, чем хозяйственными табличками III династии Ура, и так будет до тех пор, пока мы не осознаем, что наши вкусы и ценности не являются универсальными категориями.

Ранняя литература состояла обычно из поэтических произведений, в которых ведущая роль отводится богам. Поэзия такого рода часто предшествует прозе. Эпос и религиозная поэзия составляли шумеро-аккадскую литературу до того, как появилась подлинно литературная проза. Это общее правило довольно четко прослеживается на примере Греции. Первые известные нам записи на греческом языке являются хозяйственными табличками, написанными на «линейном Б», а первым греческим литературным шедевром считается гомеровский эпос. Проза на греческом языке появилась позднее.

Круг письменных находок в Передней Азии весьма обширен, и тщетно было бы пытаться полностью его освоить. Даже в ограниченном количестве памятни-

ков достаточно трудно ориентироваться одному ученому. Время универсальных специалистов-клинописников прошло. Исследователь должен заранее определить не только каким языком он будет заниматься — шумерским, аккадским, хеттским или угаритским, — но и каким периодом, а также решить, какой тип текстов его интересует. Нельзя ожидать от начинающего египтолога, что он постигнет языки древнеегипетский, среднеегипетский, новоегипетский, позднеегипетский, египетский времен Птолемеев и Рима, демотический и коптский. И такая ситуация созревала в течение долгого времени. (Я знаю двух выдающихся коптологов первой половины нашего века, которые так и не смогли научиться читать иероглифику!)

Ниже приводятся образцы разных жанров дешифрованной литературы, и я попытаюсь показать, в чем своеобразие этих текстов и почему они представляют интерес.

Четыре первых примера взяты из египетской литературы, а затем следует шесть отрывков из клинописных текстов: аккадских, угаритских и хеттских. Раздел, посвященный Египту, включает сказку, любовную лирику, дидактический текст и необычное «письмо к мертвому». Клинописные фрагменты включают: историческую хронику, хозяйственную переписку царя с одним из приближенных, брачный контракт, отражающий характерные традиции, апологию царя, эпос и ритуальный миф.

Насколько известно, первое литературное прозаическое произведение в мировой литературе появилось в период Среднего царства в Египте в первые века

II тысячелетия до н. э. Это были повествования, предназначенные для развлекательного чтения. От более раннего периода эпохи Древнего царства сохранились литературные сочинения типа «Текстов пирамид». По своему характеру это религиозные тексты, целью которых было увековечить посмертную славу фараона. Повести эпохи Среднего царства — светские по своему содержанию — предназначались исключительно для развлечения. Все, даже безграмотные люди, любят рассказывать занимательные истории, чтобы доставить другим удовольствие послушать. Но египтяне первыми в истории письменности оставили повести, предназначенные просто для развлечения, не связанные с поучениями или религиозными обрядами. Почему именно египтяне, а не шумеры, евреи или греки?

Из всех древних народов египтяне более других любили свою солнечную, плодородную землю, любили жизнь. И хотя долина Нила очень напоминала рай на земле, тяжкая длань смерти касалась человечества здесь так же, как и повсюду. Но образ жизни египтян был слишком хорош, чтобы они могли себе представить, что в конце пути их ожидает нечто столь же мрачное, как преисподняя вавилонян (Иркалла), еврейский Шеол или Аид греков. Египтяне снаряжали усопшего в дальний путь так, чтобы и там он наслаждался всем, доступным в этой жизни. Для менее цивилизованного народа было бы достаточно обеспечить усопшего едой, питьем, предметами для охоты и рыболовства, но египтянам этого было мало. В загробной жизни необходимо было также иметь развлекательное чтение. Поэтому они писали занимательные истории и

клали их в гроб покойного. Культ мертвых тоже зафиксирован в письменных источниках, но эти свидетельства носят отнюдь не развлекательный характер, в них говорится о том, как избежать вечных мук и достичь спасения. И в представлении египтян спасению предшествовал Страшный Суд. Однако в целом взгляд египтян на загробную жизнь, насколько нам известно, был оптимистичен: все спасались (если кто-нибудь и не заслуживал спасения, то культ мертвых предусматривал спасение с помощью магического ритуала). Расположенные на западном берегу Нила недалеко от Фив гробницы знати яркими красками изображают радости, которые ожидают человека в ином мире, — сбор урожая на плодородных землях, игры, катание по Нилу вместе с членами семьи, охота на дичь, рыбная ловля и трапезы с участием музыкантов и танцовщиц. В этих гробницах сохранилось немало занимательных историй, которые должны были помочь приобщенным к культуре людям коротать время в вечности.

Датируемый периодом Среднего царства рассказ о моряке, потерпевшем кораблекрушение, — приключенческая повесть об удивительном путешествии, состоящая из рассказов внутри повествования. Один придворный вернулся из морского похода и должен доложить о нем фараону. И хотя корабль и его команда остались целы, сама экспедиция, по-видимому, была неудачной. Во всяком случае, вельможа не обольщается, какой прием его ожидает у фараона. Спутник вельможи пытается его приободрить, рассказав ему об удачном докладе, который ему самому пришлось однажды сделать фараону, и напоминает, что уверен-

ность в себе и находчивость могут сослужить добрую службу.

Рассказ придворного составляет основную часть текста. Он потерпел крушение у какого-то удивительного острова, где правил огромный змей. Он поведал змею о своем злоключении, а тот в ответ рассказал историю своей жизни. Пришедшее из Египта спасательное судно доставило потерпевшего кораблекрушение моряка вместе с ценными дарами в долину Нила, где он, благополучно отчитавшись перед фараоном, зажил счастливо. Он увещевает придворного, что такой счастливый конец истории поможет ему побороть страх перед фараоном. Но придворный говорит, что существует разница между человеком, уже прошедшим тягостное испытание, и тем, кому оно только предстоит. Рассказать о приключении со счастливым концом оказавшемуся в беде человеку означает помочь ему не больше, чем напоить гуся перед тем, как его зарежут. Папирус завершается словами, которые прославляют имя искусного писца, переписавшего текст от начала до конца.

СКАЗКА О ПОТЕРПЕВШЕМ КОРАБЛЕКРУШЕНИИ²

(Змеиный остров)

Введение

...И отменный спутник (царя) сказал:

— Пусть успокоится твое сердце, князь. Мы достигли родины: взята колотушка, вбит причальный кол, носовой канат брошен на землю, произнесены славословия, воздана хва-

ла богу. Все обнимают друг друга. Наша команда вернулась невредимой, нет убыли среди наших воинов.

Мы достигли предела (страны) Вават, прошли мимо (острова) Сенмут. И вот мы благополучно вернулись и достигли нашей страны. Послушай же меня, князь: я не преувеличиваю. Умойся, полей воду на свои пальцы, чтобы ты мог отвечать, когда к тебе обратятся. Говоря с царем, сохраняй присутствие духа, отвечай без запинки. Уста человека спасают его, и его слово вызывает снисходительное отношение к нему. (Впрочем) поступай по собственному разумению.

Утомительно говорить с тобой. Я хочу рассказать тебе о подобном же (случае), происшедшем со мной самим.

Я направлялся к руднику государя. Я спустился к морю (и сел) на корабль ста двадцати локтей длины и сорока локтей ширины. На нем было сто двадцать отборных египетских моряков. Смотрели ли они на небо, смотрели ли они на землю, — их сердца (всегда) были отважнее львиных.

Они предсказывали бурю, прежде чем она грянет, и грозу, прежде чем она разразится.

Буря грянула, когда мы были на Великой Зелени, прежде чем мы пристали к берегу. Продолжали плыть, но буря грянула снова и подняла вал в восемь локтей. Он пригнал ко мне бревно. Затем корабль пошел ко дну; из тех, кто находился на нем, ни один не спасся. Я был выброшен на остров волной Великой Зелени.

На острове

Я провел три дня в одиночестве — только мое сердце было мне товарищем, — лежа под сенью дерева, (под которым) я обрел тень. Наконец, я поднялся с целью поискать что-нибудь, что я смог бы положить себе в рот.

Я нашел там винные ягоды и виноград, всевозможные овощи отменного качества; там были плоды кау и некут, огурцы — (такие), как будто их (специально) выращивали;

там была рыба и птица. Не существует того, чего бы не было на острове. Я наелся досыта и бросил (часть продуктов) на землю, так как мои руки были переполнены. После того как я смастерил приспособление для получения огня, я добыл огонь и совершил всесожжение богам.

Змеиный царь

Вдруг я услышал раскаты грома. Я подумал, что это прибой Великой Зелени. Деревья затрещали, земля задрожала. (Наконец), я открыл свое лицо и увидел, что это змей, приближавшийся (ко мне). Он был тридцати локтей, длина его бороды превышала два локтя. Его тело было позолочено, его брови были из настоящего лазурита. Извиваясь, он полз вперед.

Он разинул свою пасть — а я лежал перед ним на своем животе — и сказал мне:

— Кто привел тебя, кто привел тебя, малыш? Кто привел тебя? Если ты помедлишь с ответом — кто привел тебя на этот остров, — то я сделаю так, что ты станешь пешлом, превратишься в нечто невидимое.

— Ты говоришь мне (ответил ему я), но я — я не понимаю того, (что ты говоришь); я нахожусь перед тобою и (поэтому) растерялся.

Затем он схватил меня в свою пасть, отнес в свое логово и положил, не ушибив меня: я остался цел и невредим.

Он разинул свою пасть — а я лежал перед ним на своем животе — и сказал мне:

— Кто привел тебя, кто привел тебя, малыш? Кто привел тебя на этот остров Великой Зелени, оба берега которого омываются волнами?

Я ответил на это, согнув перед ним свои руки, и сказал ему:

— Я спускался к руднику государя на корабле ста двадцати локтей длины и сорока локтей ширины. На нем были

сто двадцать отборных египетских моряков. Смотрели ли они на небо, смотрели ли они на землю — их сердца (всегда) были отважнее львиных.

Они предсказывали бурю, прежде чем она грянет, и грозу, прежде чем она разразится. Они были один другого отважнее, один другого сильнее, и не было среди них неопытных.

Буря грянула, когда мы были на Великой Зелени, прежде чем мы пристали к берегу. Продолжали плыть, но буря грянула снова и подняла вал в восемь локтей. Он пригнал ко мне бревно. Затем корабль пошел ко дну; из тех, кто находился на нем, ни один не спасся, кроме меня. И вот — я у тебя. Я был выброшен на этот остров волной Великой Зелени.

И он сказал мне:

— Не бойся, не бойся, малыш, не тревожься теперь, когда ты добрался до меня. Ведь бог даровал тебе жизнь, (раз) он привел тебя на этот остров Ка. Не существует того, чего бы не было на нем, он полон всякого добра. Ты будешь жить на этом острове месяц за месяцем, пока не пройдет четыре месяца. И корабль придет с (твоей) родины, на нем моряки, которых ты знаешь. Ты отправишься с ними на родину и умрешь в своем городе. Как счастлив тот, кто может рассказывать о том, что он когда-то испытал, когда злоключения уже остались позади!

Я хочу рассказать тебе о подобном же (случае), происшедшем на этом острове, где я находился (некогда) вместе с моими собратьями, среди которых были и дети. Всего нас было семьдесят пять змей — моих детей вместе с моими братьями. Не стану упоминать тебе о юной дочери, которую я вымолил себе. Внезапно упала звезда, и они были охвачены ее пламенем. И случилось так, что меня не было при этом, и они сгорели, когда меня не было среди них. Я (едва не) умер из-за них, когда нашел вместо них только гору трупов.

Если ты мужествен, то смири свое сердце, и ты заключишь в свои объятия своих детей и поцелуешь свою жену — ты вновь увидишь свой дом, а это дороже всего. Ты вернешь-

ся на родину, где ты пребывал (прежде) в кругу своих собратьев.

Тогда я, лежа на своем животе, коснулся (лбом) земли перед ним. Я сказал ему:

— Я расскажу о твоём могуществе государю и поведаю ему о твоём величии. Я распоряжусь, чтобы тебе доставили иби, хекену, иуденеб, хесаит, (воскуряемый в) храмах ладан, которым услаждают всех богов. Я расскажу о том, что произошло, и о том, что я видел благодаря твоему могуществу. Тебе принесут благодарность в городе, в присутствии высшей знати всей страны. Я заколю тебе быков для всесожжения, я принесу тебе в жертву птиц. Я распоряжусь, чтобы к тебе привели караван судов, нагруженный всевозможными ценными продуктами Египта, — как и подобает поступать по отношению к любящему людей богу из далекой страны, неведомой людям.

Он засмеялся надо мною — над тем, что я сказал и что он счел глупостью, — и сказал мне:

— Не много у тебя мирры; то, чем ты владеешь, — это ладан. Я же — повелитель Пунта, и миррой владею я. А хекену, который ты обещаешь доставить (мне), он имеется в изобилии на этом острове. К тому же после того, как ты удалишься отсюда, ты никогда больше не увидишь этот остров, который превратится в волны.

Возвращение на родину

Корабль тот пришел, как он заранее предсказал. Я пошел, влез на высокое дерево и узнал тех, кто был на корабле. Я пошел, чтобы рассказать об этом (змею), но оказалось, что он уже знает об этом.

Он сказал мне:

— (Возвращайся) здоровым, (возвращайся), малыш, здоровым домой, чтобы снова увидеть своих детей. Окружи мое имя доброй славой в твоём городе — вот чего я жду от тебя.

Я упал на свой живот, согнув перед ним свои руки, затем он дал мне груз для корабля, состоявший из мирры, хекену, иуденеб, хесаит, тишепес, шаасех, черного притирания для глаз, хвостов жирафы, большой кучи ладана, слоновой кости, охотничьих собак, мартышек, навианов и всевозможных (других) ценных предметов. Затем я погрузил их на этот корабль.

Когда я растянулся перед ним на своем животе, чтобы поблагодарить его, он сказал мне:

— Ты прибудешь на родину через два месяца; ты заключишь в свои объятия своих детей, ты снова станешь юным на родине, (где) тебя похоронят.

Я спустился на берег, туда, где находился этот корабль. Я позвал команду корабля и воздал на берегу хвалу владыке этого острова; те, которые находились на корабле, сделали то же самое.

Мы поплыли, держа путь на север, к резиденции государя, и прибыли на родину через два месяца — в точности так, как он сказал. Затем я предстал перед государем и преподнес ему подарок, который я привез с этого острова.

Он поблагодарил меня в присутствии высшей знати страны. Я был пожалован в спутники (царя) и был награжден его (царя) людьми.

Заключение

— Посмотри на меня, после того как я пристал к берегу, после того как мне довелось повидать все то, что я испытал. Послушай же меня: людям полезно слушать.

Но он ответил мне:

— Не мудрствуй, друг мой: разве дают на рассвете воду птице, которую зарежут утром?

Доведено от начала до конца в соответствии с тем, что было найдено записанным в свитке писца с искусными паль-

цами, Амено, сына Амени, — да живет он, благоденствует и здравствует!»*

Египтяне считали, что со смертью связи между живыми и мертвыми отнюдь не прерываются, более того, они полагали, что умершие и их живые близкие продолжают сохранять реальные обязательства друг перед другом. Вдова должна была регулярно обеспечивать водой своего умершего супруга, чтобы он не испытывал жажды, а он должен был защищать свою вдову и детей от врагов, чтобы семейный очаг не был разрушен. Обрушивающиеся на живых несчастья служили поводом для обвинения умершего в том, что он не использовал своих возможностей для защиты оставленной им семьи. В этом случае родственники умершего могли писать письма покойнику с призывом начать действовать или с угрозой передать жалобу в суд. Подобные письма клались в гробницу в таком месте, где, как предполагалось, мертвые и живые общались друг с другом.

Приводимое ниже письмо было составлено жрецом по просьбе вдовы, которая называет себя «служанкой» (эквивалент выражения «ваш покорный слуга»). Текст нанесен на внутреннюю поверхность керамического сосуда и расположен по спирали от центра к краям. В центре сосуда помещена фигура женщины. Вдова выказывает заботу о своем умершем муже, а он не предпринимает ничего, чтобы оградить семью от козней врагов, грозящих разрушить семейный очаг.

* Цит. по: Сказки и повести Древнего Египта. — [Перевод и коммент. И. Г. Лившица]. — Л., 1979. — С. 30–36. (Прим. перев.)

СОСУД ИЗ КАИРА³

(Дано Деди, жрецу Антефа, сыну женщины по имени Иунахи.) Что же до этой служанки, Имиу, больной, то ты не борешься денно и ночью с каждым мужчиной и каждой женщиной, кто творит ей (зло). Разве ты хочешь, чтобы двери дома твоего были разрушены? Борись за нее... чтобы ее очаг был бы в порядке и чтобы тебе можно бы было подавать воду. А если не будет от тебя (помощи), то разрушится дом твой. Разве может так быть, что ты не знаешь, что эта служанка содержит твой дом среди людей? Сражайся за (нее)! Смотри за ней! Береги ее от всех мужчин и женщин, причиняющих ей зло! Тогда дом твой и дети твои сохранятся. Благословен будет слышащий!

В египетской литературе заметное место занимала проникновенная любовная лирика. Ниже приводится первое стихотворение из сборника, состоящего из семи стихотворений; номер каждого стихотворения повторяется в начале и в последней строке. Так, первое стихотворение начинается и заканчивается словом «одна». Любовь «одной» женщины сравнивается с прекрасной богиней Хатхор, слово «Единая» было ее эпитетом.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ О ЛЮБВИ⁴

Первое стихотворение

Начальное слово Великой Подательницы Радости.

Песнь первая.

Одна несравненная дева

Желаннее всех для меня, —

Та, что блистает под стать Новогодней звезде

В начале счастливого года.

Лучится ее добродетель,
И светится кожа ее,
Взгляд упоителен, сладкоречивы уста,
Без пустословья.
Горделивая шея у ней над сверкающей грудью.
Кудри ее — лазурит неподдельный.
Золота лучше — округлые руки ее!
С венчиком лотоса могут сравниться персты.
Поступь ее благородна,
А стройные бедра
Словно ведут на ходу спор об ее красоте.
Сердце мое похищает она, величаво кивнув.
Встречных мужей вынуждает она обернуться
И вслед поглядеть непременно,
Кому улыбнется — счастливец,
Средь юношей равных — избраннык!
Ей стоит лишь из дому выйти —
И люди ее, как богиню, приветствуют — с первого шага.*

Египетская дидактическая литература была адресована в основном начинающим писцам и рассчитана на то, чтобы помочь им овладеть этой профессией. Это как бы наставление отца (опытного писца) своему сыну, поучающее блюсти добродетель и избегать пороков. Писцы были элитой, от которой зависела администрация фараона.

«Поучение Аменемопе» — один из самых совершенных образцов египетской дидактической литературы. Оно состоит ровно из тридцати глав. В каждой

* Цит. по: Лирика Древнего Египта. Перевод с египет. А. Ахматовой и В. Потаповой. Сост., вступит. статья, подстроч. переводы и прим. И. Кацнельсона. — М., 1965. — С. 39–41. (Прим. перев.)

главе рассказывается об одной добродетели. В приводимой ниже главе XXVI читателю дается совет не стремиться подниматься на более высокую ступеньку в обществе, водить дружбу с равными, уважать вышестоящих и помогать престарелым. Одним из примеров помощи пожилым является оказание физической поддержки старику, если он захмелел, словно собственному отцу. В угаритском памятнике примерным сыном называется тот, кто протягивает руку, чтобы поддержать подвыпившего отца⁵. И поистине патетично высказывание ветхозаветного пророка об опьяневшей матери, которая не может рассчитывать на поддержку своих детей, чтобы они взяли ее за руку и отвели домой⁶. В главе XXVI говорится также, что доброта и сострадание являются большей ценностью, нежели все богатство грубого человека. Глава завершается утверждением, что предвидение предотвращает беду.

ПОУЧЕНИЕ АМЕНЕМОПЕ⁷

Глава XXVI

Не сиди в харчевне
В компании того, кто выше тебя,
Кто бы он ни был: юнец, выше по должности,
Или умудренный годами человек знатного рода.
Дружи с тем, кто тебе ровня.
Ра помогает и на расстоянии.
Если видишь ты на улице человека выше тебя
по положению,
Следуй за ним с почтением.

Поддержи старика, если он опьянел, выпив пива,
Окажи ему уважение, как это сделали бы его дети.
Обнаженная рука не болит.
От поклона спина не переломится.
От вежливых речей человек не обеднеет,
(Он получит) больше, чем богатство того, чья речь груба.
Лоцман, смотрящий вперед,
Не посадит корабль на мель.

«Поучение Аменемопе» завершается XXX главой. Таким образом, проясняется сказанное в Книге Притчей Соломона, 22:20 («Не писал ли я тебе тридцать?»)*, где «тридцать» означает идеально составленную книгу поучений. В главе XXX говорится, что книга поучений может быть и приятной, и полезной, ибо благодаря ей несведущий человек может стать просвещенным. Целью дидактической литературы, как видно из приведенного высказывания, была подготовка молодого писца, способного в дальнейшем подняться до знати.

Глава XXX

Пред тобой тридцать глав!
Они радуют, они наставляют,
Они — всем книгам книга,
Они поучают незнающего,
Если их читают несведущему,
Благодаря им он просвещается.
Да наполнится твое сердце ими,
И станешь тем, кто поучает.
Ведь писец искусен,
Он заслуживает того, чтобы стать вельможей.

* В русском тексте Библии вместо «тридцати» — «трижды». (Прим. перев.)

В Ветхом Завете подробно описывается поход ассирийского царя Синаххериба в Иудею в 701 году до н. э.⁸ Царь Иудеи Хизкия (Езекия) пытался объединить своих соседей против государства Ассирии и заставил филистимлянские города признать свою власть во время бунта. Его выступление против Ассирии поддержали египтяне, которые с тревогой следили за захватнической политикой Ассирии. Синаххериб вторгся в пределы страны Хатти (Сирия-Ливан-Израиль) и подчинил себе всю Финикию и Иудею, за исключением Иерусалима. Для иудеев спасение Иерусалима означало, что Бог не оставил свой Святой Город; ассирийцы же считали, что Хизкия пойман в Иерусалиме, как «птичка в клетке». Оба эти сообщения свидетельствуют, что Ассирии удалось утвердить свое господство и обложить данью страну Хатти до самых границ Египта.

Разночтения в древнееврейской и приведенной ниже ассирийской версиях дали повод предположить, что речь идет о различных военных кампаниях, лишь частично совпадающих по времени правления Хизкии и Синаххериба. Скорее всего, однако, имеется в виду один и тот же поход, результаты которого трактуются по-разному. По древнееврейской версии, Хизкия обязывался уплатить любую дань Синаххерибу, но при условии, что ассирийцы уйдут с завоеванной территории. Древнееврейский хронист, излагая факт тематически, подробно перечисляет вид и количество дани, а затем уже описывает вторжение ассирийцев и их уход. В ассирийской же версии события излагаются в хронологической последовательности, начиная с выплаты

иудеями дани Синаххерибу в Ниневии после того, как ассирийцы покинули пределы их страны. Ассирийская версия, как представляется, более сходна с современным описанием исторических событий. Во всяком случае, здравый смысл подсказывает, что дань следовало выплачивать после того, как была снята осада Иерусалима и ассирийская армия вернулась домой. Выплачивать дань до ухода противника было бы чистым безумием, и хотя Хизкия действовал подчас рискованно, непрактичным глупцом он не был. Древнееврейская и ассирийская версии столь отличны, что при работе над двумя официальными трактовками историку следует относиться к ним обоим критически.

ТРЕТИЙ ПОХОД СИНАХХЕРИБА⁹

(II. 34) В третьем моем походе я двинулся на страну Хатти. Лули, царя Сидона, ниспровергли грозные сияния моего величия, в даль посреди моря он убежал и сгинул навеки.

Сидон большой, Сидон малый, города Бит-Зитти, Царипту, Махаллиба, Ушу, Акзибу, Акку, города его могучие, укрепления в местах пастбищ и водопоев, оплоты его, ниспроверг блеск оружия бога Ашшура, моего владыки, и они склонились к стопам моим. Туба'ала на троне царском я посадил и дань, подать владычеству моему, наложил на него.

Что касается Минхиму, самсимурунайца, Туба'ала, сидонца, Абидилити, арадийца, Урумилки, библитиянина, Метинти, ашдодца, Пудуэля, аммонитянина, Каммусунадбу, моавитянина, Айяраму идумея, царей Амурру, то все они подношения свои, дары знатные пред меня принесли и облобызали стопы мои.

А Цидку, царя Аскалона, что не склонился под ярмо мое, богов дома отца его, его самого, его жену, сыновей, дочерей,

братьев, родичей я забрал и переселил в Ассирию. Шаррулудари, сына Рукибту, прежнего их царя, я поставил над народом Аскалона и принесение дани, союзнического дара моему величию, наложил на него, и он влачил ярмо мое.

Во время моего похода города Бит-Даганна, Яппу, Банайябарка, Азузу — города Цидки, что к ногам моим тотчас не склонились, я осадил, взял, захватил добро их.

А у наместников, князей и людей города Экрона, которые Пади, их царя, принесшего союзническую присягу стране Ашшур, бросила в железные оковы и выдали его Хизкии, иудею, поступив враждебно и грешно, устрашили сердца их. Царей Египта, лучников, колесничих, конников царя Эфиопии — силы бесчисленные — призвали они против меня, и те пошли им на помощь. В окрестностях города Альтакку предо мной ряды их были выстроены, и они точили свое оружие. Могуществом Ашшура, моего владыки, я сразился с ними и нанес им поражение. Колесничих и воинов царя египетского и колесничих царя эфиопского живьем в разгар сражения захватили руки мои. Города Альтакку и Тамну я осадил, взял, захватил их добро.

(III. 1) Я подступил к Экрону; правителей и князей, которые согрешили, я убил и трупы их повесил на кольях вокруг города. Сыновей города, совершивших грех и преступление, причислил к полону. Остатки их, не несущие на себе греха и преступления, тех, кто не повинен, я велел пощадить. Пади, их царя, из Иерусалима я вывел и на трон владычества над ними посадил, и дань моего владычества наложил на него. А Хизкию — иудея, который не склонился под мое ярмо, — 45 городов его больших, крепостей и малые поселения их окрестностей, которым нет счета, придвижением насыпей и приближением таранов, атакой пехоты и штурмовых лестниц я осадил, взял 200 150 человек, от мала до велика, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий скот без числа из них я вывел и причислил к полону. Самого же его, как птицу в клетке, в Иерусалиме, его

царском городе, я запер. Укрепления против него я воздвиг, выход из ворот его города сделал ему запретным. Города его, которые я захватил, отделил от его страны и Метинти, царю Асдода, Пади, царю Экрона, и Цилли-Белу, царю Газы, отдал и уменьшил его страну. К уплате прежней дани ежегодную подать их, союзнический дар моему владычеству, я прибавил и наложил на них. Он же, Хизкия, ужасные блески моего владычества ниспровергли его и вспомогательные отряды, которые для укрепления Иерусалима, его царского города, он собрал, и они захотели мира. Вместе с 30 талантами золота, 800 талантами отборного серебра, сурьмой, большими украшениями из камня, ложами из слоновой кости, тронами из слоновой кости, слоновыми кожами, слоновой костью, эбеновым деревом, самшитом — всем, что есть, знатным богатством, также и дочерей его, наложниц его дворца, певцов и певиц в Ниневию, мою столицу, за мной он прислал и для уплаты дани и исполнения направил службы своего гонца*.

Тенденциозность анналов Синаххериба очевидна. Составлявшие их хронисты имели указания превозносить царя и воздерживаться от какой-либо критики. Производимые царем разрушения и захваченные им трофеи описаны в клишированных фразеологических оборотах и подчас явно преувеличены — к его вящей славе. Тем не менее в подобных хрониках, хотя они и необъективны, приводятся исторические факты, проверить которые можно и по независимым источникам.

Остановимся теперь на другом типе исторических текстов, также связанных с царскими особами, но ли-

* Цит. по: Я открою тебе сокровенное слово. Перевод В. Якобсона. М., 1981, с. 264–266. (*Прим. перев.*)

шенных какой-либо тенденциозности. Это директива в форме вавилонского письма Хаттусили III, хеттского царя Хатти, его вассалу, угаритскому царю Некм-Эпе. Послание написано для того, чтобы урегулировать деятельность царских купцов из Уры на земле Угарита. Заслуживают внимания следующие три положения: 1) интересы дела превыше всего, даже если должники и их семьи попадут в рабство за неуплату долга торговцам; 2) купцы временно могут оставаться в Угарите, но не на весь год; 3) они не имеют права приобретать в Угарите недвижимую собственность, особенно строения или земли, принадлежащие царю Угарита. В Книге Бытие говорится, что Авраам пришел из Ура халдеев (это не Ур шумеров, а Ур(а), недалеко от Харрана, теперь это южная часть центральной Турции, близ границы с Сирией). Мы знаем, что Авраам и его потомки Исаак и Иаков и ближайшие их поколения, занятые в торговле, желали приобрести недвижимое имущество в Ханаане. Например, когда правитель Шехема хотел взять семью Иакова в союзники, он предлагал те же три условия, о которых говорит и Хаттусили, а именно: 1) право вести дела, 2) постоянное проживание и 3) приобретение недвижимой собственности¹⁰. Таким образом, можно представить подлинное историческое время Авраама: торговцы Уры осели в Ханаане в эпоху Поздней бронзы. Мы не знаем, сколько времени продолжалась деятельность купцов Уры в Ханаане. Они уже обладали прочным положением к тому времени, когда Хаттусили писал письмо в XIII веке до н. э. Несомненно, что деятельность купцов началась до его правления и продолжалась по-

сле него, но точные даты пока определить нельзя. Но если в директиве Хаттусили ничего не говорится о человеке по имени Авраам, то из нее мы все же можем узнать, благодаря каким историческим переменам он перебрался из Ура халдеев в Ханаан¹¹. Приводимое ниже послание может служить иллюстрацией тех первичных источников, на основе которых реконструируется история.

ХАТТУСИЛИ III И ЕГО КУПЦЫ В УРЕ¹²

Печать царя Хаттусили, великого царя, царя Хеттской страны.

Скажи Никм-Эпе¹³:

В моем присутствии ты сказал так: «Купцы Уры причиняют много хлопот стране твоего слуги». Тогда Бог-Солнце, великий царь, так постановил для людей Уры по отношению к людям Угарита:

Пусть купцы Уры ведут свою торговлю в Угарите во время жатвы, но в дни зимы пусть отошлют (их) из Угарита в их (собственную) страну. Воистину, люди Уры зимой да не останутся в Угарите, да не обретут недвижимость за свое серебро. И если (какой-нибудь) купец из Уры нанесет ущерб при уплате налога в Угарите, пусть царь Угарита не даст ему пристанища в своей стране.

И если кто-либо не сможет вернуть серебро людей Уры, данное в займы людям Угарита, то пусть царь Угарита отдаст этого человека (должника) вместе с его женой и детьми в руки купцов Уры.

И пусть купцы Уры не приближаются к недвижимости царя Угарита.

Солнцеликий, великий царь, такой порядок установил между купцами Уры и людьми Угарита.

Таблички из Нузи периода Телль-эль-Амарны были найдены в 20-х — начале 30-х годов близ Киркука в Ираке. Из них вы впервые получили наиболее полное документированное представление о жизни древнего общества. Эти свидетельства охватывают четыре-пять поколений жизни нескольких семейств в XV—XIV веках до н. э. Первый текст из Нузи, который приводится ниже, представляет контракт, по которому человек по имени Нашви усыновляет другого по имени Вуллу при условии, что тот будет пожизненно присматривать за Нашви. С усыновлением увязывается брак Вуллу на дочери Нашви по имени Нухуя. В то время, когда писался текст таблички, у Нашви не было собственного сына, поэтому акт усыновления должен был обеспечить его наследниками. Однако Нашви оговаривает, что если у него родится собственный сын, то к последнему при разделе имущества с Вуллу должны перейти боги Нашви.

Домашние боги принадлежали основному наследнику, который должен был быть хранителем семейного культа. По представлениям древних, в состав семьи помимо живых и мертвых входили и домашние боги. Для того чтобы избежать отчуждения недвижимости Нашви, Вуллу не имел права жениться на другой женщине. Таким образом, дети Вуллу должны были родиться у дочери Нашви — Нухуи. Если бы Вуллу женился на другой, он потерял бы право на недвижимое имущество Нашви.

Если мужчина приходит в семью жены, а не наоборот, то такой семейный союз ассириологи называют «браком *erêbu*».

При таких браках положение, занимаемое женщиной, выше, чем у мужа. Мужчина идет на такой брак из экономических соображений, принося им в жертву свои семейные связи. Если же он своих целей не достигал, то оказывался и без собственного имущества, и без наследства.

КОНТРАКТ ИЗ НУЗИ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ И ЖЕНИТЬБЕ¹⁴

Табличка усыновителя Нашви,
сына Аршенни

Он усыновил Вуллу, сына Пухишенни. Пока Нашви жив, Вуллу должен снабжать (его) пищей и одеждой. Когда же Нашви умрет, Вуллу станет его наследником.

Если у Нашви родится сын, (последний) разделит имущество поровну с Вуллу, но (только) сын Нашви должен взять богов Нашви. Но если у Нашви не будет сына, тогда Вуллу должен взять богов Нашви. И (Нашви) дает свою дочь Нуху в жены Вуллу. А если Вуллу возьмет себе другую жену, то он лишается права на землю Нашви и его строения. Тот, кто нарушит этот контракт, уплатит одну мину серебра (и) одну мину золота.

Таблички из Нузи включают судебное дело, представляющее интерес для истории государства и права. Градоначальник Нузи Кушихарбе¹⁵ и его люди (а именно — Пешкилишу, Кибия и Зилиптилла) совершили ряд преступлений против горожан и их собственности. Как и в наши дни, коррумпированные чиновники и в древности были не редкостью. Но это

судебное дело заслуживает внимания потому, что показывает, как могли сплотиться люди против верхушки городских властей и представить суду такое количество свидетельских показаний, что в результате могло быть, по крайней мере, вынесено обвинительное заключение.

Вот перечень правонарушений, упоминаемых в судебном деле (приводятся в том порядке, как они записаны на табличке). 1) Градоначальник ограбил склад и вернул награбленное только после того, как потерпевший заплатил ему выкуп. 2) Садовник градоначальника украл у горожанина удобрения, когда же потерпевший осмелился пожаловаться, ему угрожали побоями и уничтожением имущества. 3) Градоначальник отрицал незаконную связь с одной особой, но, на его беду, один свидетель показал, что как-то приводил эту женщину к градоначальнику. 4) Солдаты дали показания, что один человек градоначальника отнял для центральных властей множество овец. При этом, как выяснилось, он не доставил их властям и не вернул хозяину. 5) Одного из приближенных градоначальника обвиняли, что он разбавлял молоко водой. 6) Градоначальник похитил кровельный материал у женщины, хотевшей отремонтировать свой дом. 7) Человек из банды градоначальника отнял у горожанина овцу, сварил ее дома и съел. 8) Другой такой головорез согласился заплатить за овцу, но, получив ее, так и не заплатил. 9) Одна женщина отдала овцу человеку из банды градоначальника, чтобы тот поддержал ее в суде; забрав овцу, он ничем ей не помог; когда же она спросила об овце, он избил ее, так и не вернув овцы, арес-

стовал ее и, вытянув из нее значительную сумму медных денег, заявил, что они пойдут на покрытие старых расходов. 10) Другой горожанин жаловался, что тот же бандит прикарманил деньги, заплаченные ему за участие в судебном процессе, на который он не явился. 11) Еще один горожанин выдвинул аналогичное обвинение. 12) В одной жалобе речь шла о том, что этот бандит похитил не только овцу, но и молодую женщину, которую насильно продержал у себя в доме одиннадцать месяцев. 13) Все тот же негодяй сорвал дверь пустующего дома и принялся грабить этот дом.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ ПРОТИВ ГРАДОНАЧАЛЬНИКА¹⁶

1. Так свидетельствует Нинуари: «Кушихарбе обокрал мою кладовую. Два сикля золота, одного быка, двух баранов отдал я Кушихарбе за то, чтобы он вернул мне (украденное)».

2. Так свидетельствует Мар-Иштар: «Удобрения для полутора омеров земли садовник Кушихарбе забрал у меня. Тогда я сказал: „Почему забираешь у меня навоз?“ Он ответил: „Тебя он приказал побить, а участок твой разорить“. И я испугался и убежал».

3. Так свидетельствует Зилиптилла: «В прошлом году госпожа Бизатум уговорила госпожу Хумерелли пожить у нее. Я и Шимитилла пошли к ней ночью, вызвали ее и отвели в дом Кушихарбе, и он вступил с ней в связь». Кушихарбе отвечал: «Нет! Ничего подобного! Между нами ничего не было!» Тогда свидетельствует Палтея: «Я позвал Хумерелли и отвел ее в дом для свиданий, принадлежащий Тилуннайе, и там Кушихарбе вступил с нею в связь». Кушихарбе отвечал: «Клянусь, что Палтея не приводила Хумерелли в дом свида-

ний, принадлежащий Тилуннайе, и что между нами ничего не было!»

4. Так свидетельствуют солдаты Нузи: «Кибия взял 92 овцы. Он не доставил их во дворец и нам их не вернул».

5. Шукритешуб свидетельствует (против Кибии): «Зачем приносишь ты молоко, разбавленное водой?»

6. Так свидетельствует Ханутум: «Я крыла крышу и прикрепляла циновки из соломы к стропилам моего дома. Зилиптилла вместе с рабом Кушихарбе пришли и содрали с крыши все циновки. Кушихарбе забрал всю солому для крыши».

7. Так свидетельствует Дубия: «Забрал Зилиптилла одного барана, отнес домой, сварил и съел».

8. Так свидетельствует Шукритешуб: «Одну овцу Пешкиллишу взял за деньги, но так и не уплатил».

9. Так свидетельствует Хинзури, жена Зилии: «Я дала Пешкиллишу овцу в уплату и сказала так: „Поддержи мой земельный иск в тяжбе с Кариру“. В моем деле он не участвовал. Я спросила об овце, тогда он ударил меня, а овцу не отдал. Потом он схватил меня и отнял шесть мин меди. И так сказал: „Беру (это) в уплату за прошлый год“».

10. Так свидетельствует Хатарте: «Я поехал в Ханигальбат, и из-за моей тяжбы они передали меня Пешкиллишу. Одну овцу, один бронзовый кувшин и две двери Ахумиша уплатил Пешкиллишу, но он не присутствовал при моей тяжбе».

11. Так свидетельствует Хазири: «Шесть сиклей очищенного серебра дал я Пешкиллишу и так сказал: „Отдай (это) Кушихарбе, и пусть он отнесется внимательно к моей тяжбе“. (В придачу) дал я одно украшение на колесницу. Но он не оказал внимания моей тяжбе. Пешкиллишу оставил себе шесть сиклей серебра и украшение на колесницу».

12. Так свидетельствует Шутрама: «Пешкиллишу отобрал у меня и не вернул двух овец. Невесту забрал и одиннадцать месяцев продержал взаперти у себя дома».

13. Так свидетельствует Аршава: «Случилось так, что я поселился в Турше. Пешкиллишу пришел в мой дом, сорвал дверь, забрал ее и ограбил дом».

Угаритские литературные памятники были одним из крупнейших открытий со времени прочтения литературных шедевров, написанных египетской иероглификой и месопотамской клинописью. Одним из важнейших эпических памятников, связывающих греческую литературу раннего периода с древнееврейской, была «Повесть о царе Керете». Сходный мотив можно найти в сюжете о Елене Троянской: предназначенную в жены царю женщину тот должен обрести во владениях другого царя. Так, царь Менелай принужден вернуть Елену из Трои; Керет должен отвоевать у царя Пибела свою невесту Хураю и вернуть ее из окруженного стенами города Удума; Авраам должен вернуть Сару, находящуюся у Фараона, затем у Авимелеха, царя Герарского, чтобы положить начало царскому роду¹⁷. На Восточном Средиземноморье существуют три эпические традиции, возникшие в эпоху Поздней бронзы: греческая, угаритская и древнееврейская. Во всех этих традициях прослеживается мотив Елены Троянской. Невозможно было проследить связь Гомера с библейскими сказаниями, пока не появилось такое связующее звено, как угаритский эпос.

Ниже приводятся отрывки из «Повести о царе Керете», которые относятся к следующим эпизодам: 1. Пибел надеется подкупить Керета, чтобы тот покинул Удум и не стал свататься к Хурае, но Керет отвергает это предложение. 2. Эл благословляет супружество Керета и Хураи. 3. Латпан (Эл) изгоняет злого духа бо-

лезни из Керета. 4. Керету предлагают отречься от престола, ибо из-за болезни он не может выполнять обязанности царя.

ИЗ ПОВЕСТИ О ЦАРЕ КЕРЕТЕ¹⁸

1. Зачем мне серебро и желтое золото,
Часть скота его и рабы
вечные, три коня,
Колесницы с (царского) двора, домашние рабы?
То, чего нет в доме моем, дашь!

Дай мне девицу Хураю,
Прекрасный отпрыск, первородную твою,
Чья прелесть подобна прелести Анат,
Чья прелесть подобна красоте Астарты,
Чье ожерелье из блестящего лазуревых камня,
чью зеницы —

Чаши из электрона, опоясанные сердоликом, —
Я найду утеху во взоре глаз ее,
Ибо дал Эл во сне моем, Отец людей в видении моем,
Мужского отпрыска Керету,
Юношу — слуге Эла!

2. Чашу Эл берет в руки
Кубок (берет) в правую (руку),
Он истинно благословляет,
Эл благословляет благородного Керета,
Укрепляет Благое, юношу Эла:
«Жену ты берешь, о Керет,
Жена, которую в дом свой берешь,
Юница, которую заставляешь войти в свой дом,
Даст жизнь семерым сыновьям
И восьмой (дочери), Октавии;

Тебе родит сына Иасиба,
Того, кто сосет молоко Ашерат,
Того, кто сосет грудь Девы Анат,
Того, кого пестуют добрые и милосердные боги».

3. Латпан, бог милосердный, вопрошает:
«Кто из богов сможет выгнать болезнь,
Прогнать нездоровье?»
Никто из богов ему не отвечает.
Во второй, в третий раз он спрашивает:
«Кто из богов удалит болезнь,
Прогонит хворь?»
Никто из богов ему не отвечает.
В четвертый, в пятый раз он спрашивает:
«Кто из богов выгонит болезнь,
Прогонит хворь?»
Никто из богов ему не отвечает.
В шестой, в седьмой раз он спрашивает:
«Кто из богов выгонит болезнь,
Прогонит хворь?»
Никто из богов ему не отвечает.
И Латпан, бог милосердный, восклицает:
«Вернитесь, мои сыновья, на свои места,
Займите троны, подобающие вашему положению!
Я буду заклинать,
Истинно остановлю руку болезни,
Выгоню хворь».
4. Ты дал рукам своим сотворить недоброе дело,
Ты не защитил в суде вдову,
Не поддержал упавшего духом,
Не препятствовал сильным, избивающим слабых,
Пред собой ты не накормил сироту,
Ни вдову за спиною своею,
Ибо ты — брат постели болезни,

Друг постели хворобы.

Уступи царство, которым я могу править,

Уступи право, чтобы я мог взойти на престол!

Текст 52 угаритского свода воплощает в драматической форме миф, связанной с культом плодородия¹⁹. Текст таблички читали нараспев (или, точнее, пели) во время ритуальной церемонии возвещения семилетнего цикла плодородных лет (1). В начальных строфах приводимого ниже отрывка рассказывается о злом духе, которого следует изгнать (2). Затем рассказывается о том, как бог Эл развлекается с двумя наложницами. От его мужской мощи зависит судьба нового семилетнего цикла, столь важного в чередовании урожайных и неурожайных лет; ему удастся оплодотворить обеих (3). Кульминационным моментом служит эпизод повторного оплодотворения и рождения семи благостных богов, которые дают начало циклу плодородных лет. Стихотворный текст завершается картиной полного изобилия.

ИЗ РОЖДЕНИЯ СЕМИ БЛАГОСТНЫХ БОГОВ²⁰

1. Смерть-и-Зло²¹ сидит.

В одной руке его палица лишений.

В другой руке палица утрат.

Они ударяют его, как ударяют подрезываемую лозу,

Они стегают его, как стегают лозу,

И повержен он в своих полях, как лоза.

2. И вот одна (женщина) опустится,

И вот другая поднимется,

И вот одна воскликнет: «Отец, отец!»

И вот другая воскликнет: «Мать, мать!»
Да будет простерта рука Эла, как море.
Да уподобится рука Эла потопу!
И стала рука Эла необъятной, как море,
И стала рука Эла, как потоп.
Эл берет идола,
Двух идолов снимает с очага.
Он берет и ставит /их/ в своем доме.
Мощь Эла угасает...
Палица в его руке падает.
Он поднимает (свой лук) и выпускает стрелу в небо.
Он попадает в птицу, парящую в небе,
Он снимает перья и бросает ее на угли.
Эл испытывает двух женщин.
Если женщины воскликнут:
«О супруг, супруг!
Твоя мощь угасла,
Мощь руки твоей иссякла!» —
Пока птица варится на огне,
Горит на углях,
Станут женами две женщины Элу,
Женами Эла и навсегда.
Но если женщины воскликнут:
«О, отец, отец!
Твоя мощь угасла,
Мощь руки твоей иссякла!» —
Пока птица жарится на огне,
Горит на углях,
Станут две девушки дочерьми Эла,
Дочерьми Эла навсегда.
И вот воскликнули женщины:
«О, супруг, супруг!
Твоя мощь угасла
Мощь руки твоей иссякла!» —
Пока птица жарится на огне,

Горит на угольях.
Так стали женщины женами Эла,
Эла и его навсегда.
Он склоняется,
В уста их целует,
Сладки их уста,
Сладки, как гроздья винограда.
От поцелуев — зачатие,
От объятий — оплодотворение,
В тяжких муках
Родили они
Утреннюю зарю,
Вечернюю зарю. Слово к Элу:
«Жены Эла дали жизнь. Кого они родили?»
«Моих двух детей,
Утреннюю зарю и Вечернюю зарю!»

3. Он склоняется, в уста их целует.
Уста их сладки.
От поцелуев — зачатие,
От объятий — оплодотворение.
Он садится, до пяти считает.
Все они вместе,
Двое их принимают за тяжелый труд,
И дают они жизнь,
Жизнь дают благостным богам,
Островитянам, сынам моря,
Что сосут соски груди.
Слово к Элу!
«Две жены мои, о Эл, родили!
Кому они жизнь дали?»
«Благостным богам,
Островитянам, сынам моря,
Что сосут соски груди».
Одну губу приложили они к земле,
Одну губу — к небу,

И поглотили они
Птиц небесных,
Рыб морских,
Потекли, полетели в их рот,
Там стали слева и справа,
Но мало им этого.
«О жены, супруги мои,
О сыновья, мною зачатые!
Вставайте и приготовимся
На месте, где чаша Кадеша!
Здесь вы будете жить
Среди камней,
Среди деревьев,
Семь лет полных.
А всего восемь циклов,
До той поры благодетельные боги бродят в поле,
Скитаются по степи из конца в конец.
И повстречался им Страж пшеницы:
«О, страж, страж, отвори!»
И он приоткрыл им проход,
Так, чтобы могли войти они.
«Если [есть х]леб, дай нам поесть!
Если есть [вино], дай нам попить!»
И Страж пшеницы им отвечал:
«Есть хлеб, чтобы насытиться,
Есть вино...»

Исключительный интерес с точки зрения политической, психологической и религиозной представляет «Апология Хаттусили III». Хаттусили пришел к власти и стал царем, несмотря на то что по хеттским законам он не мог наследовать престол. Его старший брат Муватталли был законным наследником их отца Мурсили. Когда Муватталли умер, не оставив законного

наследника, то на трон был посажен его побочный сын Урхитессуп с помощью Хаттусили в соответствии с официальным правом наследования. А сам Хаттусили правил в качестве местного властителя в одном из регионов Хеттской державы.

Урхитессуп, опасаясь своего могущественного дяди Хаттусили, пытался ослабить его военную и экономическую власть. Поэтому Хаттусили и сочинил «Апологию», чтобы показать, что именно Урхитессуп был обидчиком и что он, Хаттусили, защищаясь, вынужден был низложить его и занять его место.

У народов древнего Ближнего Востока все в жизни, включая политику и войну, находило удобное оправдание в религии. Как уже отмечалось, Синаххериб захватил Иудею по указанию своего бога Ашшура, а Хизкия оказал ему сопротивление, уповая на Яхве. Хаттусили же творил свои дела в соответствии с волей богини Иштар. Он заключил с богиней договор, согласно которому она обещала процветание и сохранение власти как ему, так и его потомкам, если они будут чтить ее как свою главную богиню (в теологии такого рода договор называется «Заветом»). Отношение Хаттусили к Иштар напоминает отношение Авраама к Яхве. В обоих случаях боги обещают сохранить правителям власть²², а династия обязуется почитать именно этого бога.

Давиду из колена Иудина, сместившего царя Израиля Саула из колена Вениаминова, также нужна была «Апология», чтобы узаконить узурпацию престола. Как и Хаттусили, Давид сел на престол благодаря собственной энергии и способностям, а не по праву на-

следника. Поэтому Саул относился к Давиду как к узурпатору²³, так же как Урхитессуп к Хаттусили.

Необычной для «Апологии» особенностью является родственная связь богини Иштар с царицей, а также дарование Иштар царствующей чете самого большого счастья — супружеской любви.

АПОЛОГИЯ ХАТТУСИЛИ III²⁴

(§ 1) Так говорит Табарна Хаттусили, великий царь, царь страны Хатти, сын Мурсили, великого царя, царя страны Хатти, внука Суппилиумы, великого царя, царя страны Хатти, потомок Хаттусили, царя Куссара.

(§ 2) Я говорю о божественной власти Иштар. Да услышит о ней человечество. И в будущем среди богов моего солнца, сына, внука и потомства моего солнца да будет почтение к Иштар.

(§ 3) Мой отец Мурсили породил нас, четвертых детей: Халпасули, Муваталли, Хаттусили и DINGIR^{MES}, IR-iš,²⁵ дочь. Из них всех я был самым младшим. И когда я еще был ребенком и был конюхом, Иштар, госпожа моя, к Мурсили, отцу моему, посредством сна послала Муваталли, брата моего, (говоря): «Годы Хаттусили коротки; не жить ему. Отдай его мне, и да будет он моим жрецом, и тогда он будет жить». И мой отец взял меня, еще ребенка, и отдал божеству в служение. И, служа как жрец божеству, я совершал жертвенные возлияния. И в руках Иштар, госпожи своей, я увидел благоденствие. Иштар, госпожа моя, взяла меня за руку, и она мне являла свою божественную власть.

(§ 4) Когда же отец мой Мурсили стал богом (умер), и брат мой Муваталли сел на трон отца своего, пред лицом своего брата я стал военачальником. И меня брат мой поставил главным над мешеди и дал мне в управление Верхнюю

страну. И Верхней страной я правил. Передо мной же ею правил Армадатта, сын Циды. И из-за того, что богиня Иштар ко мне была благосклонна, и брат мой Муваталли меня любил; когда люди увидели благосклонность Иштар, госпожи моей, и любовь брата моего, они мне стали завидовать. И Армадатта, сын Циды, а потом и другие люди стали строить против меня козни. Они желали мне зла, и брат мой Муваталли приговорил меня к колесованию... Моих врагов, моих завистников Иштар, госпожа моя, в руку мне дала, и я их уничтожил полностью.

(§ 5) Когда же брат мой, Муваталли, увидел, в чем было дело, и на мне не осталось никакого пятна, он взял меня назад. Он дал мне в руку пехотинцев и колесницы страны Хатти, и я стал начальником над пехотинцами и колесницами страны Хатти...

(§ 9) ...Когда же я был на обратном пути из Египта, я отправился в Лавацантии, чтобы совершить жертвенные возлияния богине, и я поклонился богине. И по велению богини я взял в жены Пудухепу, дочь Пентипсарри, жреца. И мы вступили в брак, и божество даровало нам супружескую любовь. И мы родили сыновей и дочерей.

(§ 10) ... [И брат мой умер]... Поскольку в то время у брата моего еще не было законного сына, я взял Урхитессупа, сына второй жены, и поставил его владельцем [страны Ха]тти. И все войско я дал ему в руки. И в стране Хатти он был великим царем. Я же был царем в области Хакписсе...

(§ 11) Когда же Урхитессуп увидел такую любовь богини ко мне, он стал мне завидовать. Он строил против меня козни. Он отнял у меня всех моих подданных, и город Самуху он отнял у меня... И он взял у меня Хакписсу и Нерику. И тогда я перестал ему подчиняться, и я стал воевать против него. Но когда я стал враждовать с ним, я не сделал ничего, что бы могло меня осквернить...

(§ 12) ... Я тогда увидел божественную власть Иштар в ее многочисленных проявлениях. Тогда как в прежние времена

она не оставляла Урхитессупа, (теперь) она заперла его, как свинью в стойле, в городе Самухе. А люди племен каска, прежде со мной враждовавшие, теперь меня поддерживали. И вся Хаттуса меня поддерживала. Но, полный почтения к своему брату, я ничего (ему) не сделал. И я пошел назад из города Самухи вместе с Урхитессупом, и его я повел как пленного...

(§ 13) Я был царевичем, я стал главным мешеди. Затем я, главный над мешеди, стал царем Хакписсы. Потом я, царь Хакписсы, стал великим царем. При этом моя госпожа Иштар отдала мне в руки моих завистников, врагов и противников по суду... И Иштар, госпожа моя, дала мне царскую власть над страной Хатти, и я стал великим царем*.

* Цит. по: Хрестоматия по истории Древнего Востока. Под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера. — М., 1963. — С. 326–327. — Перев. В. В. Иванова. (*Прим. перев.*)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя профессора университета Брандайз (Уолтхэм, штат Массачусетс) Сайруса Герцля Гордона (1908–2001) хорошо известно как в узком кругу специалистов-ассириологов, так и в широких кругах читателей научно-популярной литературы в Европе и США. Один из крупнейших специалистов по угаритскому языку и литературе, аналитик, воссоздавший систему минойской письменности и языка, глубокий знаток библеистики и гебраистики, проницательный исследователь греко-семитских культурных связей, Гордон вместе с тем входит в число самых плодovitых авторов научно-популярных изданий*. К сожалению, эти издания до сих пор стороной обходили русскоязычного читателя, но вот наконец и ему предоставлена возможность по достоинству оценить одну из лучших книг замечательного ученого.

Собиратели книг по истории письменностей, безусловно, вспомнят ранее переводившиеся на русский язык книги И. Фридриха и И. Гельба по теории и истории

* Монографии до 1982 г. см. в списке литературы настоящего издания. Из более поздних следует особо выделить *The Bible and the Ancient Near East* (в соавторстве с Г. Рендсбургом, 1998) и *A Scholar's Odyssey* (2000).

письма, а также выдержавшую несколько изданий замечательную книгу К. В. Керама «Боги, гробницы, ученые»*. Труд Гордона выбивается из этого ряда изданий своей основной направленностью — не столько рассказать об истории письма, сколько ознакомить читателя с историей дешифровки древних текстов. Если журналист Керам беллетризует историю дешифровки и кое-где мистифицирует биографии исследователей, то филолог Гордон вводит всех желающих в методологию дешифровки, подробно показывая весь путь от постановки проблемы до ее успешного разрешения. Для этого он сперва представляет труд криптографа и криптоаналитика в общем виде, а затем выясняет, какой интеллектуальной подготовкой и какими чертами характера должен обладать дешифровщик, чтобы не только верно угадать значения нескольких знаков, но привести свои знания в систему и убедить в своей правоте общество ученых скептиков. Мы видим, что типичный удачливый исследователь письма обладает знанием множества языков (часто относящихся к разным семьям), хорошей интуицией, сильной логикой и не менее сильной волей. Мало сказать, что он увлечен своим делом, — как правило, он приносит себя в жертву этому делу. Читатель может убедиться в этом сам, обратив внимание на даты жизни первооткрывателей древних письменностей: Шампольон прожил 41 год, Джордж Смит 36 лет, Вен-

* Гельб И. Опыт изучения письма. М: 1982; Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М: 1961; Фридрих И. История письма. М: 1979; Керам К. В. Боги, гробницы, ученые. М: 1986.

трис — немногим более тридцати. Дешифровщик очень упорен в своих изысканиях и очень настойчив в разъяснении своего подхода коллегам по науке. Автор книги делает несколько изящных этюдов в области психологии науки, набрасывая портреты типичного чиновника от науки, типичного исследователя и типичного критика всех новых гипотез. Эти постоянные обращения Гордона к «человеческому фактору» в развитии научных знаний являются не только моментами занимательного повествования в его перегруженной транскрипциями и лингвистическими терминами книге, но служат хорошими инструкциями для будущих поколений смелых и знающих исследователей, которые не должны пугаться скептического взгляда коллег и осуждения со стороны подстрекаемой ими общественности. Автор явно сожалеет о том, что у многих блестящих эрудитов своего времени (например, у Кнудтсона) не хватило решимости настаивать на своей правоте, но он точно так же скорбит и по поводу тех ученых, которые проявили излишнее упрямство в отстаивании своих ошибочных позиций (например, Эванс). Смелость исследователя должна быть осмысленной и основанной на множестве подтвердившихся фактов. В противном случае она превращается в фанатизм и мешает человеку на его пути к истине. Только сочетание смелости и гибкости, по мнению Гордона, способно стать тем срединным путем, на котором открываются новые горизонты познания.

Несмотря на то что книга Гордона носит название «Забытые письмена», ее материалом стали далеко не все письменности древнего мира, а только письмо тех

народов, которые каким-либо образом соприкасались со средиземноморской цивилизацией. Автор сознательно ставит в центр своего исследования проблему средиземноморской цивилизации как зоны сближения греческой и семитской (преимущественно северосемитской) культур, породившей современный западный мир. И египетская, и месопотамская, и малоазиатская культурные традиции существуют для него только в контексте Ветхого Завета, и их ценность заключается в том, насколько успешно они могут объяснить некоторые трудные места в еврейской Библии. Такой подход к истории Древнего Востока присущ, конечно, далеко не одному Гордону, а целой плеяде немецких и американских ассириологов, ведущих свое происхождение от Ф. Делича, Э. Спейзера и С. Н. Крамера — основателей направления *Babel und Bibel* («Вавилон и Библия»). Но если Крамер ищет аналогии между шумерскими и библейскими текстами, стараясь миновать посредников*, то заслуга Гордона как раз в том, что он пытается таких посредников найти. По его мнению, шумеро-вавилонская и хеттская клинописные традиции нашли последователей в Угарите, а угаритская литература, с одной стороны, повлияла на гомеровский эпос, а с другой — на книги Ветхого Завета. Влияние месопотамско-хеттско-угаритской традиции доходит и до Египта, где временно обитали еврейские племена, и это обогащает ветхозаветный канон с другого направления. Получается, что Угарит сближает между собой такие разные цивилизации,

* Kramer S. N. *The Sumerians: Their History, Culture, and Character*. Chicago, 1963. P. 292–299.

как Шумер, Вавилон, Египет, архаическая Греция и Хеттское царство. Кроме того, Гордон настаивает на том, что минойский язык был семитским и, следовательно, часть населения древнего Крита составляли семиты северной ветви (родственники евреев, угаритян, арамеев и финикийцев). Значит, и Древняя Греция своим расцветом наполовину была обязана семитам.

Теперь посмотрим, чего же нет в книге Гордона о забытых письменах. О дешифровке древнеперсидской, хурритской и урартской письменностей он упоминает либо вынужденно (поскольку без древнеперсидской клинописи не узнали бы шумеро-аккадскую), либо вскользь (письменности кавказских народов ему неинтересны). Не найдем мы в этой книге и очерка по истории дешифровки эламской письменности (имевшей два вида письма), и рассказа о методах дешифровки протоиндийского письма Хараппы (между прочим, современного шумерскому). К сожалению, отсутствует в книге Гордона хотя бы краткое упоминание о письменности индейцев майя, успешно дешифрованной великим российским ученым Ю. В. Кнорозовым. Если и говорить о примере подлинного мужества и гениальности, то это именно Кнорозов. Не имея возможности побывать в Мексике, располагая скудным набором данных (всего лишь книгой испанского монаха с записью значения некоторых иероглифов майя) и встречая постоянные насмешки со стороны англо-американских коллег, вооруженных к тому времени компьютерами для решения своей задачи, Кнорозов интуитивно пришел к разгадке иероглифов и впоследствии привел свои гипотезы в такую стройную систему, что западным коллегам оставалось только

снять шляпу и примириться со своим поражением. Нет в книге Гордона и упоминания о другом выдающемся российском дешифровщике А. А. Ваймане, который первым прочитал многие протошумерские и протоэламские рисуночные знаки, верно определив не только их значение, но и социально-экономический контекст*. И уж конечно, напрочь отсутствуют в его труде какие-либо сведения о методах дешифровки рунического письма древних тюрков и рапануйского письма индейцев с острова Пасхи. Уже из этого краткого перечня отсутствующих сведений читатель может сделать вывод об определенной тенденциозности в авторском выборе материала. Впрочем, мы полагаем, что и вся книга должна была послужить иллюстрацией для основной гипотезы Гордона — гипотезы греко-семитской (или даже семитско-греческой) основы всей современной цивилизации. Народы, шедшие параллельными путями, не привлекли его внимания.

Книга «Забытые письма» вышла в свет в 1968 году. С момента ее последнего издания в 1982 году прошло ровно двадцать лет, и за это время в области истории письма появилось несколько новых фактов. Прежде всего, это открытие так называемого «предметного письма», появившегося около VI тысячелетия до н. э.

* Дандамаев М. А.; Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980; Вильхельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992; Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М., 1963; Хинц В. Государство Элам. М., 1977; Кнорэзов Ю. В. Письменность индейцев майя. М., 1963; Вайман А. А. К расшифровке протошумерской письменности // Переднеазиатский сборник, II. М., 1966. С. 3–15.

На территории Месопотамии, Сирии и Ирана археологи часто находили мелкие поделки из глины и камня, обычно геометрической формы (шарики, цилиндры, диски, конусы). В результате длительных и кропотливых исследований Д. Шмандт-Бессера пришла к выводу, что эти фигурки представляют собой счетные фишки: цилиндрик мог означать «одна овца», конус — «один кувшин масла» и т. д. В IV тысячелетии до н. э. такие фишки стали помещать в глиняные конвертики, на некоторых из них есть оттиски печатей. Однако узнать, сколько в конвертике фишек, можно было только после того, как конвертик разбивали. Это было неудобно, поэтому на каждом конвертике со временем начали оттискивать форму и число фишек, а еще через какое-то время стали довольствоваться уже одними оттисками. По мнению ряда ученых, именно таким образом произошел переход от «предметного письма» к первым рисуночным знакам на глине*. Помимо протописьма, в 90-х годах ушедшего века ученым стала известна еще одна цивилизация, использовавшая в своей хозяйственной и культовой деятельности шумерскую письменность, — цивилизация городища Телль-Бейдар. В 1992 году интернациональная экспедиция археологов и ассириологов во главе с М. Лебо и А. Сулейманом обнаружила в Сирийской пустыне городище, ранее скрытое под огромным холмом. Поселение группировалось вокруг дворца, уцелели как фрагменты святилищ, так и отдельные дома знати. Но самым главным открытием

* Schmandt-Besserat D. Before Writing. Texas. 1992; How Writing Came About. Texas, 1996.

того полевого сезона были 165 глиняных табличек, покрытых хорошо знакомой специалисту шумерской клинописью. Пока обнаружены документы двух родов: хозяйственно-административные тексты и школьные упражнения. И поселение, и тексты датируются XXV–XXIV веками до н. э., т. е. временем ранних правителей Шумера (Эанатум, Урукагина, Лугальзагеси). Документы двуязычны — их составители говорили и на шумерском, и на семитском языке. То есть повторяется ситуация, хорошо известная по архивам Эблы: семитский народ, живший в Сирии, испытал на себе значительное влияние шумерской письменности, образования и бюрократической традиции. Однако культы Телль-Бейдара (древнее название поселения до сих пор неизвестно) отличались от шумерских культов и, по-видимому, близки к эблаитским. Так, обнаруженные в хозяйственных текстах названия месяцев показывают важность солнечного божества и жертв ему, что ранее специалисты уже обнаружили в Эбле*. Впрочем, исследования цивилизации Телль-Бейдара продолжаются, и каждый год приносит новые замечательные находки. Подтвердят ли они гипотезу Гордона о шумерской экспансии и торговых аванпостах — покажет будущее. Во всяком случае, открытие Телль-Бейдара красноречиво свидетельствует о том, что время сбора фактов для историков древности

* F. Ismail, W. Sallaberger, Ph. Talon, K. Van Lerberghe. Administrative Documents from Tell Beydar. Brepols, 1996 (= Subartu 2); Beydar. Mitteilungen über die Erforschung eines urbanen Zentrums im Norden Alt-Syriens 3. Münster, 1999. В. Саллабергер полагает, что древним названием Телль-Бейдара было Набатиум (шум. Набада).

еще не закончилось, а значит — возможны новые неожиданности, способные изменить сложившуюся картину мира.

В книге Гордона есть немало утверждений, с которыми хотелось бы поспорить. Так, например, он пишет о влиянии месопотамской клинописи на египетскую иероглифику, ничем не доказывая своей гипотезы, или говорит об особом египетском оптимизме, словно забывая тексты, в которых воспевается сладость смерти и самоубийства (например, «Диалог Человека и Ба»). Но следует помнить слова Пушкина о том, что судить художника можно только по тем законам, которые сам он над собой поставил. Не менее верно это и в отношении ученого, излагающего свою теорию. С точки зрения той строгой и тщательно продуманной системы, в которую Гордон укладывает всю мировую культуру, его книга является совершенным образцом и путеводной звездой для всех желающих идти этим путем. Однако для человека менее предубежденного или придумавшего другую систему культуры она будет достаточно хороша только в главной своей задаче — показать путь отважного исследователя к обретению истины в собственном прошлом. В этом ее ценность и непреходящее значение, которое способен будет оценить российский читатель.

В. В. Емельянов

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

к дополненному и расширенному изданию

1. См., например: Gelb I. J. *A Study of Writing*. Rev. ed. — Chicago, 1963. В русском переводе: Гельб И. Е. *Опыт изучения письма: (Основы грамматики)*. — М., 1982; Barder F. J. *Archaeological Decipherment: A Handbook*. — Princeton, 1974; Pope M. *The Story of Decipherment: From Egyptian Hieroglyphic to Linear B*. — L., 1975; Driver G. R. *Semantic Writing: From Pictograph to Alphabet*. New rev. ed. — L., 1976. Во всех этих книгах приводятся образцы различных письменностей.

2. Основным приемом древней поэзии Передней Азии был параллелизм — одна часть предложения по содержанию и размеру повторяется в другой части. Современные ученые считают ударение разделителем между этими «параллельными членами». Отсутствие гласных будет объяснено в последующих главах.

3. Среди первых работ на английском языке, ознакомивших общественность с Эблой, была книга: Bermant Ch., Weitzman M. *Ebla: A Revelation in Archaeology*. — N. Y., 1979. Археологическим раскопкам посвящена работа: Matthiae P. *Ebla: An Empire Rediscovered*. — N. Y., 1981. Описание таблиц см. в: Pettinato G. *The Archives of Ebla*. — N. Y., 1981. (На русском языке эти материалы опубликованы в: *Древняя Эбла: (Раскопки в Сирии)*. — М., 1985.)

4. Этот афоризм принадлежит раввину Тарфону и приводится в: Мишна. Этика отцов (2:21).

Предисловие к первому изданию

1. В Книге Даниила (5: 25–26) приводится толкование предсказания, смысл которого без перевода неясен. В наши дни интерес к надписям обуславливается информацией, касающейся исторического прошлого. Можно провести аналогию с интерпретацией снов, которые раньше считались предсказаниями или советами относительно грядущего, а теперь рассматриваются как отражение пережитых событий.

2. Для начального чтения в этой области можно порекомендовать работы: Deuel, L. *Testaments of Time*. — N. Y., 1965. — P. 55–77. (В русском переводе: Дойель Л. *Завещанное временем*. — М., 1980.) Ceram C. W. *Hands on the Past*. — N. Y., 1966. — P. 61–68.

3. Написанное выше относится к 1968 г., позднее ограниченность, присущая как классикам, так и библеистам, стала исчезать. При этом старая гвардия не сдала своих позиций, просто ее сменило новое поколение, выросшее в экуменистическую эпоху, открывшее новые источники и новые подходы.

Глава 1

1. Поскольку для передачи несложной информации в шифровальной книге не требуется более 9999 слов и предложений, то вполне можно обойтись четырехзначными числами.

2. Решение криптограммы на стр. 26 и 28–29:

«Ugarit was accidentally discovered by a peasant in nineteen hundred and twenty-eight. He plowed into a Mycenae tomb and unwittingly opened up a new era of discovery»*.

Каждая буква заменялась следующей в алфавитном ряду.

Алфавит шифра:

A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z

Исходный алфавит:

Z A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y

* Угарит был случайно обнаружен одним крестьянином в 1928 г. При вспашке он наткнулся на гробницу Микенского времени, невольно начав новую эру открытий (англ.).

Опытный криптоаналитик, разгадав первые несколько значений, понял бы всю систему шифрования (замена буквы, следующей в алфавитном ряду). Разгадка системы обычно предшествует любой успешной дешифровке.

3. Употребление криптографии в открытом тексте собственных имен является одной из наиболее распространенных ошибок. Это дает противнику ключ, с помощью которого он может дешифровать всю криптограмму. Интересно отметить, что имена собственные чаще всего служат ключом и при дешифровке древних письменностей.

4. Часть текстов и библиографию см. в: Gordon C. H. *Supplements to Vetus Testamentus*. — Leiden, 1963. — IX. — P. 22–23.

Глава 2

1. Frankfort H. *The Birth of Civilization in the Near East*. — N. Y., 1956. — P. 127–137.

2. Искусство писца было первой ступенью лестницы, ведущей к более высокому положению в администрации фараона. Вообще, стать писцом мог любой юноша, проявивший усердие и способности к занятиям. В этом отношении в Египте существовал демократизм.

3. Иногда тексты на финикийском, нуническом и этеокритском (родственных древнееврейскому) языках писались греческими буквами. Раннехристианский автор Ориген (ок. 185–254 гг.) в своем «Шестоднев» сравнивает два варианта древнееврейской Библии и четыре ее перевода на греческий. Он приводит еврейский текст как еврейскими, так и греческими буквами. Полагают, что именно Оригену принадлежит идея передачи древнееврейских текстов также греческими буквами, но более вероятно, что иногда эллинизированные евреи писали еврейские тексты греческими буквами, как это делали финикийцы, карфагеняне и этеокритяне.

4. Существует небольшое число дохристианских «коптских» текстов (т. е. египетских текстов, написанных греческими буквами), в том числе магические формулы. Необразованным жрецам было проще писать заклинания с помощью алфавитного письма, чем пользоваться более сложной египетской иероглификой, иератическим или демотическим письмом.

5. Sprague de Camp L. The Ancient Engineers. — Norwalk, 1966. — P. 28–52.

6. Обзор новаторской работы Кирхера в области коптской грамматики и словаря см.: Ceram C. W. Hands on the Past. — N. Y., 1966. — P. 154–158. Хотя Кирхер был не прав относительно природы иероглифики, он понял значение коптского языка в качестве лингвистического ключа для расшифровки языка иероглифов.

7. Wallis Budge E. A. The Rosetta Stone. — L., 1913. Переиздавалась в 1922 и 1927 гг.

8. На ранних стадиях развития египетского языка -t было окончанием существительных женского рода. В дальнейшем конечное -t из-за фонетического сдвига перестали произносить, хотя по традиции продолжали писать (ср. фр. *doigt* — «палец», которое произносится как «дуа», но g и t исторически остаются в написании в соответствии с происхождением слова от латинского *digitus*). Таким же точно образом непронизносимое конечное -t стало детерминативом имен женского рода (также и в именах иностранного происхождения, таких как Береника и Клеопатра).

9. На самом деле здесь два детерминатива женского рода (-t и иероглиф «яйцо»), не имеющих фонетического значения.

10. Wallis Budge E. A. The Decrees of Memphis and Canopus. — I–III vols. — L., 1904. О надписях по-гречески и в иероглифике на обелиске и постаменте из Филе см. Т. I. — P. 135–159.

11. О попытке де Саси отговорить Шампольона от дешифровки египетской иероглифики см.: Budge. Decrees... P. 115. Нелестный отзыв де Саси об умственных способностях и честности Шампольона см. там же, p. 68, 70–71. Однако внешне де Саси и Шампольон соблюдали приличия, поэтому в час своего торжества ученик смог открыто воздать должное учителю, а тот, в свою очередь, публично «посвятил его в рыцари».

12. Encyclopaedia Britannica, 14th ed., «Champollion».

13. Budge. Decrees. Vol. 3. — P. 1–201.

14. Было бы неверно рисовать жизнь Шампольона только в мрачных красках. У него были не только враги, но и друзья, он получил известность еще при жизни. Он был кавалером ордена Почетного легиона и в конце концов после многих осложнений стал профессором египтологии Коллеж де Франс.

15. Gardiner A. Egyptian Grammar. 3rd ed. — N. Y., 1957.
16. Drioton E. and Vandier J. L'Egypte. 4th ed. — P., 1962.
17. Meyer E. Geschichte des Altertums. 4 vols., 2nd ed. — Stuttgart, 1906-1937.
18. Gardiner. Egyptian Grammar. — P. 361.
19. Содержательный и прекрасный перевод и толкование памятников литературы Египта см. в: Kaster J. Wings of the Falcon: Life and Thought of Ancient Egypt. — N. Y., 1968.

Глава 3

1. Историю упоминаемых в этой книге древних народов см.: Gordon C. H. The Ancient Near East. — N. Y., 1965.
2. Herodotus. Ed. & transl. by Godley A. D. — Cambridge (Mass.), 1957. — Vol. 2 (4:87). — P. 288.
3. В этой книге речь идет только о первых царях, носящих имена *Дарий* (521–485 гг. до н.э.) и *Ксеркс* (485–465 гг. до н.э.).
4. Herodotus. — P. 288.
5. Более подробно история дешифровки клинописи излагается в: Wallis Budge E. A. The Rise and Progress of Assyriology. — L., 1925. Краткий очерк приводится в: Kahn D. The Code breakers. — N. Y., 1967. — P. 912–914.

Глава 4

1. Wallis Budge E. A. The Rise and Progress of Assyriology. — L., 1925. P. 51.
2. Herodotus. Ed. & transl. by Godley A. D. — Cambridge (Mass.), 1957. — Vol. 3 (7:11). — P. 332.
3. Отчет Раулинсона см.: Deuel L. The Treasures of Time. — Cleveland, 1961. — P. 125–131.
4. Опубликовано в: Cowley A. E. Aramaic Papyri of the 5th century B. C. — L., 1923.
5. О надписях на древнеперсидском языке см.: Kent R. G. Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. 2nd ed. — New Haven, 1953.
6. Ответ помещен в: Deuel. Treasures... P. 99–124. Сообщение самого Лэйарда (в: Nineveh and Its Remains. 2 vols. — N. Y., 1849) настолько важно и так прекрасно изложено, что с ним следует познакомиться любому любознательному читателю.

7. Meyer E. *Geschichte des Altertums*. 4 vols. — Stuttgart, 1909. — Vol. 1–2. — P. 308–309.

8. Здесь вполне уместно употребить слово «деньги», хотя денежная система появилась не ранее VII века до н. э. в Лидии. Хаммурапи (ок. 1700 г. до н. э.) употребляет слово «серебро», которое принималось по весу и качеству.

9. См. силлабарий в: Delitzsch F. *Assyrische Lesestücke*. — Leipzig, 1912. — P. 109.

10. Там же, p. 112.

11. Вполне возможно, хотя и не доказано, что древнееврейский šin'ār (Книга Бытие, 10:10 и далее) «Вавилония» — является еврейской фонетической передачей слова «Шумер».

12. См.: Deuel. *Treasures...* P. 132–143.

13. Ассирийский язык в Пеннсилванском университете мне преподавал Дж. А. Бартон, который был, в свою очередь, учеником Лайзна в Гарварде.

14. Связанная с этим полемика описана в: Delitzsch F. *Babel and Bible: The Lectures on the Significance of Assyriological Research for Religion*. — Chicago, 1909. Деличу пришлось защищаться от нападок и несправедливых обвинений, и, по его словам, он делал это «с глубоким отвращением», квалифицировав это как «интеллектуальное и моральное унижение» (p. 167).

15. Ungnad A. *Akkadian Grammar* была переработана Л. Матоушем и издана под названием: *Grammatik des Akkadischen*. — München, 1964.

16. Meissner B. *Babylonien und Assyrien*. 2 vols. — Heidelberg, 1920–1925.

17. Например: Saggs H.W.F. *The Greatness that Was Babylon*. — N. Y., 1962; Oppenheim A. L. *Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization*. — Chicago, 1964. (В русском переводе: Оппенгейм А. Л. *Древняя Месопотамия*. — М., 1980 и 1990).

18. Von Soden W. *Grundriss der akkadischen Grammatik*. — Rome, 1952 (второе издание вышло в 1969 г. с приложением).

19. Thureau-Dangin F. *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*. — Lpz., 1907.

20. Poebel A. *Grundzüge der sumerischen Grammatik*. — Rostock, 1923.

21. Falkenstein A. Grammatik der Sprache Gudeas von Lagash. — Rome, 1949–1950. Т. 1 охватывает письмо и морфологию, т. 2 — синтаксис.

22. См.: Friedrich J. Extinct Languages. — N. Y., 1957. — P. 79–81. 2-е изд. немецкого оригинала: Entzifferung verscholener Schriften und Sprachen. — Heidelberg, 1966. (В русском переводе: Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. — М., 1961.) Наиболее полные сведения о языке см.: Bush F. W. A Grammar of the Hurrian Language. — Ann Arbor, 1965.

23. Бытие, 8:4.

24. Фридриху принадлежит всеобъемлющая работа по урартскому языку. Краткую историю дешифровки он приводит в: Extinct Languages, p. 81–82.

Глава 5

1. Бытие, 10:15; 25:5; 7:10; Исход, 3:8, 17; Второзаконие, 7:1, 20:17; Книга Иисуса Навина, 3:10; Книга Судей Израилевых, 3:5; Книга пророка Иезекииля, 16:3, 4,5 и т. д.

2. Заурядный ученый обычно изучает «нормальные» явления, укладывающиеся в привычные представления. Того же, кто стремится к новаторству в науке, привлекают нетипичные материалы, работа над которыми открывает новые горизонты.

3. См.: Doblhofer E. Voices in Stone. — N. Y., 1961. — P. 150–153; Cleator P. E. Lost Languages. — N. Y., 1959. — P. 115–116; особенно Wright W. (1837–1899); Ceram O. W. Hands on the Past. — N. Y., 1966. — P. 270–276.

4. Лучшим изданием все еще остается: Knudtzon J. A. Die El-Amarna Tafeln. -Lpz., 1907–1915. Более позднее издание: Mercer S. A. B. The Tell el-Amarna Tablets. 2 vols. — Toronto, 1939. В обоих изданиях письма из Арцавы представлены № 31 и 32.

5. Рассказ самого Винклера см.: Deuel L. The Treasures of Time. — Cleveland, 1961. — С. 256–267.

6. Клинописный хеттский язык лучше всего изучать по следующим работам И. Фридриха: Friedrich J. Hethitisches Elementarbuch. — Heidelberg, 1940–1946; Hethitisches Wörter-

buch. — Heidelberg, 1952 (и три приложения 1957, 1961, 1966); Hethitisches Keilschrift-Lesebuch. — Heidelberg, 1960. Хеттские законы довольно полно приведены в: Friedrich J. Die hethitischen Gesetze. — Leiden, 1959. Первый выпуск нового, тщательно подготовленного словаря см.: Güterbock H. G. & Hoffner H. A. The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 3, Fasc. 1. — 1980. (Издание словаря началось с буквы «L» в т. 3, чтобы избежать параллелизма в работе над хетто-немецким словарем, подготавливаемым А. Камменхубер, который будет начинаться с буквы «A».)

7. См. рис. № 69 (с. 24 и табл. VIII) в: Gordon C. H. Western Asiatic Seals in the Walters Art Gallery// Iraq. — 1939. — N 6. — P. 3–34, pls. II–XV.

8. То есть оба эти окончания соответственно произносились как s и n.

9. Отчет Боссерта опубликован в: Ceram. Hands... P. 288–294. Грамматика хеттского иероглифического языка и корпус текстов см.: Merriggi P. Grammatica.// Manuale di Eteo Geroglifico. — Vol. 1; Testi.—Vol. 2. — Roma, 1966, 1967.

10. Meriggi. Testi. — P. 73–89.

11. Частичное объяснение этрусского языка приводится в: Friedrich J. Extinct Languages. — N. Y., 1957. — P. 137–143; Doblhofer. Voices in Stone. — P. 295–301; Cleator P. E. Lost Languages. — P. 167–169.

Глава 6

1. Gordon C. H. The Common Background of Greek and Hebrew Civilization. — N. Y., 1965.

2. Таблички с литературными памятниками переведены и опубликованы в: Gordon C. H. Poetic Legends and Myths from Ugarit // Berytus. — 1977. — N 25. — P. 5–133.

3. Virolleaud Ch. Les inscriptions cunéiformes de Ras Shamra // Syria. — 1929. — 10. — P. 304–310. — Pls. LXI–LXXX.

4. Угариту и истории дешифровки угаритского письма посвящены разделы в: Deuel L. Testaments of Time. — N. Y., 1965. — P. 224–253. (В русском переводе: Дойель А. Завещанное временем. — М., 1980); Doblhofer E. Voices in Stone. — N. Y., 1961. — P. 203–220; Cleator P. E. Lost Languages. — N. Y.,

1959. — P. 139–144; Corre A. D. Anatomy of a Decipherment// Wisconsin Academy of Sciences, Arts and Letters. — 1966. — N 55. — P. 11–20.

5. Понять логику данного рассуждения можно, зная древнееврейский язык.

6. 22 апреля 1930 г. он получил экземпляр журнала «Syria» с текстами и комментариями Виролло и, расшифровав достаточно букв, приступил 27 апреля к дешифровке, а 28 апреля он сообщил Рене Дюссо о своем успехе и 15 мая послал предварительный отчет в газету «Vossische Zeitung». В опубликованной газетой 4 июня 1930 г. статье он сообщил, что установил чтение не менее 20 букв (хотя на самом деле оказалось, что их было всего 17). Дорм помог внести исправления, и Бауэр опубликовал дешифровку угаритского языка, опираясь на свою работу «Алфавит, составленный 5 октября 1930 года», в книге: Entzifferung der Keilschrifttafeln von Ras Shamra. — Halle/Saale, 1930. Введение (страницы 1–16) — шедевр описания процесса дешифровки. Еще более блестящий отчет напечатан в его книге: «Das Alphabet von Ras Shamra» (Halle/Saale, 1932). Работа Дорма «Le déchiffrement des tablettes de Ras Shamra» была перепечатана в: Recueil Édouard Dhorme. — P., 1951. — P. 531–536, 767.

7. Virolleaud Ch. Le déchiffrement des tablettes alphabétique de Ras Shamra // Syria. — 1931. — N 12. — P. 15–23.

8. Опубликован в Риме Ватиканским Библийским Институтом. Эта книга вышла в 1965 г. и была переиздана в 1967 г. с приложением.

9. Ливит, 18: 23–30; угаритский текст 67: V: 17–22.

10. Так в Книге пророка Иезекииля отражено угаритское эпическое сказание об Акхате и Данииле (14: 14 и 28: 3) см.: Gordon C. H. Ugarit and Minoan Crete. — N. Y., 1966. — P. 25. Этот сюжет был известен в Израиле начиная со II тысячелетия до н. э., что подтверждается такими фактами: сын Левии Кхат (англ. «Kohath») назван так по имени Акхата, а еврейка — повитуха Пу'а (Книга Исход, I: 15) названа так по имени сестры Акхата Пугат (угаритск. Pūghat должно соответствовать по законам фонетики евр. яз. pu' ah).

11. Все эти моменты разбираются (с приведением документальных источников) в Gordon C. H. Common Background...

Глава 7

1. Оноре Теодор Поль Жозеф д'Альбер (Honoré Théodore Paul Joseph d'Albert, 1802–1867).

2. Наличие транслитерации облегчает задачу читателя, но когда дешифровщик приступал к изучению текста, он, конечно, не знал произношения знаков.

3. Masson O. Les inscriptions Chypriotes syllabiques. — P. 1961. Для расшифровки силлабария Смит использовал билингву (p. 246).

4. Gordon C. H. Evidence for the Minoan Language. — Ventnor (N. J.), 1966. В этеокипрской версии билингвы из Амафунта довольно много неясного, и к ней нужно подходить с осторожностью. Например, довольно загадочен способ выражения патронимии (сын такого-то).

5. Самыми ранними из известных текстов, составленных на территории Европы, остаются три небольшие глиняные таблички с плохо читаемыми надписями, найденные в Тэртении (Трансильвания), датируемые началом III тысячелетия до н. э. (в соответствии с анализом углерода 14, около 2700 г. до н. э.). Они свидетельствуют о сравнительно ранней грамотности Балканского региона и дают основание говорить о его связи с Шумером. Об исторической ценности этих надписей судить пока трудно, во всяком случае по своему значению они уступают минойским надписям.

6. В ежемесячнике «Нестор», издаваемом Висконсинским университетом в г. Медисон, приведены данные, свидетельствующие о все более увеличивающемся количестве публикаций по «глиняному письму А и Б».

7. За более подробными объяснениями читатель может обратиться к моей книге: Evidence for the Minoan Language. — Ventnor (N. J.), 1966; «The Decipherment of Minoan and Eteocretan//Journal of the Royal Asiatic Society. — 1975. — P. 148–158.

8. Заслуга Вентриса состояла в том, что он осуществил дешифровку в точном значении этого слова: прочтение неизвестной до этого письменности, а затем перевод текстов. После того как удалась дешифровка «глиняного письма Б», стало проще понять письмо «глиняного А».

9. См.: Hammond N. G. L. A History of Greece to 322 B. C. — 2nd ed. — Oxford, 1967. — P. 69, 82.

10. Эти знаки включают слоги с семитскими согласными, которых не было в микенском греческом.

11. Возможно, что эпизод в Книге Бытие (9:27) имеет в виду вытеснение греками семитов.

12. Donner H. and Röllig W. Kanaanäische aramäische Inschriften. — Wiesbaden, 1962. — S. V, 2, 3, 13.

13. Текст, перевод и комментарии см. в: Marblestone H. J. Dictys Cretensis: A Study of the Ephemeris Belli Troiani as a Cretan Pseudepigraphon. (Ph. D. diss.). — Brandis University, 1970.

14. Слово «канонический» образно и общеупотребительно, хотя как термин оно устарело. Канонический текст Ветхого Завета был формально закреплен не ранее приблизительно 100 г. н. э. Но это были шаги по закреплению уже давно сложившегося текста.

15. Еще один пример образного и общераспространенного анахронизма.

16. В Дреросе, где, как и в других местах Крита, жило смешанное население, были обнаружены два греко-етеокритских двуязычных текста. См. мою работу: Greek and Eteocretan Unilinguals from Praisos and Dreros// Berytus. — 1970. — N 19. — P. 95–98.

17. Gordon C. H. Minoan and Eteocreta. — P. 150–151.

18. Перевод оспаривается, поскольку неясна четвертая буква в строке. Я считаю (хотя и со многими оговорками), что это буква — *тема*, как это и было впервые прочитано в первой публикации Спиридоном Маринатосом. (См.: Marinatos S. Grammatōn didaskalia// Minoica. Festschrift for Johannes Sundwall. — 1958. — P. 226–231. Некоторые ученые теперь прочли бы ее как *омикрон*. В надписи единственным отличием, позволяющим определить, что это все же *тема*, а не *омикрон*, является точка внутри буквы. Один из сотрудников музея г. Иераклиона любезно откликнулся на мою просьбу и, сличив текст, сообщил, что точка стерлась и сейчас стало невозможно определить, *омикрон* это или *тема*.

19. Gordon C. H. Evidence. — P. 13–14.

20. Особенно обратите внимание на *ya-ta-no-* или *a-ta-no* — «он отдал». См.: Gordon C. H. Evidence. — P. 28, 37.

21. Stieglitz R. The Eteocretan Inscription from Psychro // Kadmos. — 1976. — N 15. — P. 84–86.

22. Слоги с *l-* и *g-* в «линейном А» не различаются. Ученые обычно транслитерируют эти слоги как *g-*, независимо от эти-

мологии. В данном случае, чтобы избежать лингвистической ошибки, мы предпочитаем транслитерировать приведенный слог как la-, а не ga-, поскольку аналогичное слово, означающее «сосуд», имеется и в угаритском — spl (а также и в других семитских языках).

23. Richard R. J. HT 31 — An interpretation // *Kadmos*, 1974. — N 13. — P. 6–8.

24. Gordon C.H. Further Notes on the Hagis Triada Tablet N 31 // *Kadmos*. — 1976. — N 15. — P. 28–30.

25. См., например, Gordon C. H. Evidence, p. 26.

26. «Линейные А и Б» не различают g и k. В транслитерации га обычно передается как ка. Исходя из случая аналогичного употребления, можно считать, что в этом слове имеется в виду g.

27. См. список названий минойских сосудов в: Salonen A. Die Hausgeräte der alten Mesopotamien II: Gefässe. — Helsinki. — 1966. — P. 432.

28. Gordon C. H. Ki-de-ma-wi-na (HT 31:4) // *Kadmos*. — 1969. — N 8. — P. 131–133; Richard. HT 31. — P. 66–67.

29. Gordon C. H. Minoan and Eteocretan. — P. 157–158.

30. Gordon C. H. Evidence. — P. 26; Gordon C. H. Minoan and Eteocretan. — P. 155.

31. Gordon C. H. Evidence. — P. 28, 37.

32. Platon N. and Brice W. C. Inscribed Tablets and Pithos in Linear A System from Zakro // *Athens*. — 1975. — P. 73, 12b: 2.

33. Gordon C. H. Evidence. — P. 31–32.

34. Gordon C. H. The Common Background of Greek and Hebrew Civilization — N. Y. — 1965.

Глава 8

1. Более подробно об Эбле см. в: Matthiae P. Ebla: An Empire Rediscovered. — Garden City (N.Y.), 1981.

2. Относительно эблаитских текстов см.: Pettinato G. Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Mardikh-Ebla. — Naples, 1979; Testi Amministrativi della biblioteca L. 2769. — Naples, 1980; The Archives of Ebla. — Garden City (N. Y.), 1981.

3. Последний текст в его «Catalogo» значится под № 6641.

4. Здесь можно употребить прилагательное «национальный», хотя речь идет о временах, далеких от понятия национального.

5. Этот термин (outlier) используют для обозначения обществ-спутников некоторые археологи, особенно те, которые ведут раскопки в штатах Юго-Запада США (Новая Мексика и Аризона).

6. Вторая Книга Царств, 18:26–28.

7. «Сирийскими» считаются тексты, написанные на христианско-арамейских диалектах.

8. Бытие, 10:32.

9. При транслитерации шумерских слов еврейскими буквами возникают некоторые фонетические трудности, тем не менее еврейское *Šinag* (Вавилон), возможно, означает *Sumer* (Шумер).

10. В Книге Бытие (11:3) сказано, что строительным материалом служили обожженные кирпичи, т. е. материал, который применяли шумеры и вавилоняне при строительстве городских стен и зиккуратов.

11. В древнееврейском языке также встречаются обе формы этого союза, но в нем *wa-* может употребляться лишь в первично закрытом слоге или если открытый слог непосредственно предшествует ударению. Союз становится *û-* во вторично закрытом слоге или перед губными. В других случаях (т. е. в открытых слогах, не предшествующих ударению) он становится *we-*.

12. Если принять это предположение, то дальнейшие теоретические выводы смогут удовлетворить только тех, кто придерживается тех или иных одинаково ошибочных гипотез. Например, если настаивать на том, что основная лингвистическая тенденция заключается в упрощении склонения по аналогии, то тогда самые различные системы падежей развивались бы по направлению к трехпадежной системе.

13. Sollberger E. The So-called Treaty between Ebla and 'Ashur' // *Studi Eblaiti*. — 1980. — N 3. — P. 129–155.

14. Я привожу текст так, как он напечатан в упомянутой выше статье Солльберже. Косой чертой отмечается конец строки. (Длина строк невелика, поскольку столбцы узкие.) Курсивом выделены семитские слова.

15. Знак *da* соответствует также (как здесь) слогу *-ta*.

16. Однако не исключено, что *in* и *ta-ni-ta* — аккадские слова. Подобные сомнения возникают потому, что аккадский и эблаитский языки — семитского происхождения. Поскольку в аккадском *as* не встречается, это определенно эблаитское слово.

17. Gordon C. H. *Ugarit Textbook*. — Rome. — 1967. — P. 429–430 (§ 19. 1402). Сложный союз *u + ma* подобен лат. *atque*.

18. Ср. Книга Левит, 25:25 (о выкупе) и Второзаконие, 25:5–6 (о левиратском браке).

19. Этот раздел Мишны называется *Qiddûsîn* и начинается так: «Женщину берут (в качестве жены) в трех случаях... ее берут за *Kesef* (серебряные деньги), посредством *star* (письменного контракта) и из-за *bia* (сексуальной связи)».

20. О дискуссии по поводу этого эпизода из «Энеиды» Вергилия см.: Gordon C. H. «*Vergil and the Bible World*»// *The Gratz College Anniversary Volume*. — Philadelphia. — 1971. — P. 111–130 и 114–115. Дидона была убеждена, что это — брак (*Aeneid*, 4:316), а Эней это отрицал (4: 338). Об этом расхождении см.: с. 114.

21. В текстах на древнееврейском языке *w-m* пишется без огласовок. Спустя столетия после создания еврейского текста, ставшего известным как «Свиток Руфи», были добавлены гласные в виде диакритических знаков.

22. В работе Солльберже «*Ebla and 'Ashur*» на с. 155 приводится (помимо текста самого договора) не менее пяти примеров с *u-ma* в значении «и, но» + контекст, где соответственно встречаются *u-ma... u-ma* — «и...и» в значении «или...или».

23. Наше объяснение основано на строгом соответствии с неогласованным древнееврейским оригиналом без всяких исправлений и изменений. Позднее из-за неверного понимания этого текста были сделаны неправильные огласовки. В других текстах *wm't* обычно читается как *ûmê'et* — «и от», и именно такая огласовка привела к искажению смысла: «и от Руфи Моавитянки». Правильно написанный в нашем древнееврейском тексте глагол *qnuty* («я получил») был неверно прочитан как *qnyt* («ты получил») без учета конечного -у, таким образом, изменился смысл: «и от Руфи моавитянки ты получил (поле)». Действительно, даже музыкальность стиха подсказывает (благодаря знаку *atnab*), что цезура стоит после «от руки Нозмини». Следующее слово *wm 't* — это *wm-* («но, и») + *'et*. И это *'et* является непереводаемым показателем прямого дополнения (Книга Руфь). Более подробно об этих трудных местах в Книге Руфь см.: Sasson J. M. *Ruth*.-Baltimore, London. — 1979. — P. 119–136.

24. Dahood M. Послесловие к книге Pettinato G. *Archives*. — P. 292–293.

25. Таблички НТ (Hagia Triada) приводятся по: Brice W. C. *Inscriptions in the Minoan Linear Script of Class A.* — Oxford, London. — 1961, pl. I–XV.

Глава 9

1. Наиболее полную антологию см.: Pritchard J. B. *Ancient Near Eastern Texts: Relating to the Old Testament.* — Princeton. — 1969. — 3rd ed. Существует тесная связь между литературой и изобразительным искусством, поэтому можно рекомендовать также: *The Ancient Near East in Pictures: Relating to the Old Testament.* — Princeton. — 1969.

2. Египетский иероглифический текст в: De Buck A. *Egyptian Readingbook.* — Vol.1. — Leiden. — 1948. — P. 100–106. Одной из лучших антологий, где опубликованы египетские литературные памятники, является: Lichtheim M. *Ancient Egyptian Literature: A Book of Readings.* — 3 vols. (The Old and Middle Kingdom; The New Kingdom; The Later Period.) — Berkeley and Los Angeles. — 1973, 1976, 1980.

3. Gardiner A. H. and Sethe K. *Egyptian Letters to the Dead; Mainly from the Old and Middle Kingdoms.* — L., 1928. — P. 7–8, 22, pls. VI, VI A.

4. См. прекрасное издание: Gardiner A. H. *The Library of A. Chester Beatty: Description of a Hieratic Papyrus with a Mythological Story, Love-Songs and Other Miscellaneous Textes.* Walker E. *The Chester Beatty Papyri.* N I–L., 1931. — P. 30, pls. XXII, XXII A.

5. Gordon C.H. *Ugaritic Textbook.* — Rome, 1967. Text 2 Aqhat: II: 19–20.

6. Книга пророка Исаии, 51:17–18.

7. Цит. по: Lange H.O. *Das Weisheitsbuch des Amenemope.* — Copenhagen, 1928. ch. 26, p. 123–127; ch. 30, p. 134–136. Весь выпуск «*The Journal of the American Oriental Society*» 1981, N 101 (N. L.), I–III посвящен восточной нравоучительной литературе. Особенно интересна глава: Williams R. J. *The Sages of Ancient Egypt in the Light of Recent Scholarship.* P. 1–19. На с. 2 опубликован список папирусов с поучением Аменемопе, найденных после публикации известного папируса Британского музея.

8. Вторая Книга Царств, 18:13–19:37 и Книга пророка Исайи, 36:1, 37:38.

9. Клинописный текст см.: Delitzsch F. *Assyrische Lesestücke*. — Lpz., 1912. — P. 65–68.

10. Бытие, 34:10, 21.

11. Gordon C. H. Abraham and the Merchants of Ura // *Journal of Near Eastern Studies*. — 1958. — N 17. — P. 28–31; Gordon C. H. Abraham of Ur // *Hebrew and Semitic Studies: the G. R. Driver Festschrift*. — Oxford, 1963. — P. 77–84.

12. Nougayrol J. *Le palais royal d'Ugarit IV*. — P., 1956. — P. 163–165.

13. Буква -е в имени «Никм-Энс» — «Никмепа» (Niqmepa') обычно огласуется. В виде исключения может писаться через -u (Niqmupa).

14. Текст 51, опубликованный: Gadd C. J. *Tablets from Kirkuk* // *Revue d'Assyriologie*. — 1926, N 23. — P. 49–163; см. в особенности с. 126–127, 155.

15. Существует также написание Hushiharbe с hu- в первом слоге. Имя по происхождению не хурритское, а касситское. В то время в Вавилонии правила Касситская династия.

16. См. таблицы I–14 в: Pfeiffer R. H. and Speiser E. A. *One Hundred New Selected Nuzi Texts* // *Annual of the American Schools of Oriental Research*. — 1935–1936. — N 16. — P. 13–20, 65–75.

17. Бытие, 17:6, 16.

18. Перевод эпоса о Керете дается с комментариями в: Gordon C. H. *Poetic Legends and Myths from Ugarit* // *Berytus*. — 1977. — 25. — P. 34–59.

19. Трудно определить, до какого предела происходило отправление этого культа. Сам характер ритуала давал повод древнееврейским блюстителям нравов выступать против хананского культа плодородия и заклеймить язычество как «прелюбодеяние» с богами.

20. Перевод и комментарии см. в: Gordon C. H. *Poetic Legends*. — P. 59–64.

21. Сложное имя, как Амон-Ра или Яхве-Элохим.

22. О договоре Бога с Авраамом как будущим основателем правящей династии см. в: Бытие, 17:6.

23. Книга пророка Самуила, 24:15–23.

24. Опубликовано: Sturtevant E. H. and Becht C. A. *Hittite Chrestomathy*. — Philadelphia. — 1935. — P. 42–83.

БИБЛИОГРАФИЯ

Barber F. J. W. *Archaeological Decipherment: A Handbook*. Princeton University Press, 1974.

Bauer, Hans. *Das Alphabet von Ras Schamra*. Halle/Salle: Max Niemeyer Verlag, 1932.

—“— Entzifferung der Keilschrifttafeln von Ras Schamra. Halle/Salle: Max Niemeyer Verlag, 1932.

Bermant, Chaim, and Weitzman, Michael. *Ebla: A Revelation in Archaeology*, New York: Times Books, 1979.

Brice, W. C. *Inscriptions in the Minoan Linear Script of Class A*. Oxford and London: The Societies of Antiquaries, 1961.

Buck, A. De. *Egyptian Readingbook*. Vol. I Leiden: Nederlandsch Archaeologisch-Philologisch Instituut voor het Nabij-Oosten, 1948.

Budge, E. A. Wallis. *The Decrees of Memphis and Canopus*. 23 vols. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1904.

—“—, *The Rosetta Stone*, 1913. Reprinted. London: British Museum, 1927.

—“—, *Rise and Progress of Assyriology*, London: Martin Hopkinson & Co., 1925.

Bush, Frederick William. *A Grammar of the Hurrian Language*. Ann Arbor, Michigan: University Microfilms, 1965.

Camp, L. Sprague de. *The Ancient Engineers*, Norwalk, Connecticut; Burndy Library, 1966.

Ceram, C. W. *Hands on the Past*. New York: Alfred A. Knopf, 1966.

Cleator, P. E. *Lost Languages*. New York: John Day, 1959.

Corre, Alan D. “Anatomy of a Decipherment.” *Wisconsin Academy of Sciences, Arts and Letters* 55 (1966): 11–20.

Cowley, Arthur E. *Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C.* London: Oxford University Press, 1923.

Delitzsch, Friedrich. *Babel and Bible: Two Lectures on the Significance of Assyriological Research for Religion.* Chicago: Open Court Publishing Company, 1993.

—“—”. *Assyrische Lessestücke.* 5th ed. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1912.

Deuel, Leo. *The Treasures of Time.* Cleveland: World Publishing Company, 1961.

Dhorme, Edouard, “Le déchiffrement des tablettes de Ras Schamra.” Reprinted in *Recueil Edouard Dhorme*, Edited by Edouard Dhorme. Paris: Imprimerie Nationale, 1951.

Doblhofer, Ernst. *Voices in Stone.* New York: Viking Press, 1961.

Donner, H., and Rölling, W. *Kanaanäische und aramäische Inschriften.* Vol. I. Wiesbaden: Harrassowitz, 1962.

Drioton, E., and Vandier, J. *L’Egypte.* 4th ed. Paris: Presses Universitaires de France, 1962.

Driver, G. R. *Semitic Writing: From Pictograph to Alphabet.* New rev. Ed. London: Oxford University Press, 1976.

Falkenstein, Adam. *Grammatik der Sprache Gudeas von Lagas.* 2 vols. Rome: Pontifical Biblical Institute, 1949, 1950.

Frankfort, Henri. *The Birth of Civilization in the Near East.* New York: Doubleday (Anchor), 1956.

Friedrich, Johannes. *Hethitisches Elementarbuch.* 2 vols. Heidelberg: Carl Winter, 1940–46.

—“—”. *Hethitisches Wörterbuch.* Heidelberg: Carl Winter, 1952 (3 suppl. 1957, 1961, 1966).

—“—”. *Extinct Languages.* New York: Philosophical Library, 1957.

—“—”. *Die hethitischen Gesetze,* Leiden: Brill, 1959.

—“—”. *Hethitisches Keilschrift-Lesebuch.* Heidelberg: Carl Winter, 1960.

—“—”. *Entzifferung verschlossener Schriften und Sprachen,* 2d ed. Heidelberg: Springer-Verlag, 1966.

Gadd, Cyril J. “Tablets from Kirkuk.” *Revue d’Assyriologie* 23 (1926): 49–161.

Gardiner, Allan H. *The Library of A. Chester Beatty: Description of a Hieratic Papyrus with a Mythological Story, Love-Songs, and other Miscellaneous Texts. The Chester Beatty Papyri, No. I*. London: (Oxford University Press and Emery walker Ltd.), 1931.

Godley, A. D., ed. and trans. *Herodotus. Vols. I and 2*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press (The Loeb Classical Library), 1957.

Gordon, Cyrus H. "Western Asiatic Seals in the Walters Art Gallery." *Iraq* 6 (1939): 3-34 (pls. II-XV).

— "—." "Abraham of Ur." In *Hebrew and Semitic Studies*, edited by D. W. Thomas, and W. D. McHardy (The G. R. Driver Festschrift). Oxford: Clarendon Press, 1963.

— "—." *The Ancient Near East*. New York: Norton, 1965.

— "—." *Evidence for the Minoan Language*. Ventnor, N. J.: Ventnor Publishers, 1966.

— "—." *Ugarit and Minoan Gree*. New York: Norton, 1966, 1967.

— "—." "Ki-de-ma-wi-na (HT 31:4)." *Kadmos* 8 (1969): 131-33.

— "—." *Greek and Eteocretan Unilinguals from Praisos and Deros*. *Berytus* 19 (1970): 95-98.

— "—." *Vergil and the Bible World. The Gratz College Anniversary Volume*. Philadelphia: Gratz College, 1971.

— "—." "The Decipherment of Minoan and Eteocretan." *Journal of the Royal Asiatic Society* (1975): 148-58.

— "—." "Further Notes on the Hagia Triafa Tablet No. 31." *Kadmos* 15 (1976): 28-30.

— "—." "Poetic Legends and Myths from Ugarit." *Berytus* 25 (1977): 5-133. Guterbock, Hans G., and Hoffner, Harry A. *The Hittite Dictionary of the University of Chicago. Vol. 3, fasc. I*, 1980.

Hammond, N. G. L. *A History of Greece to 322 B. C.* 2d ed. Oxford: Clarendon Press, 1967.

Kahn, David. *The Codebreakers*. New York: Macmillan, 1967.

Kaster, Josef. *Wings of the Falcon: Life and Thought of Ancient Egypt*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968.

Kent, Roland G. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. 2d ed. New Haven: American Oriental Society, 1953.

Knudtzon, J. A. *Die El-Amarna Tafeln*. Leipzig: Vorderasiatische Bibliothek, 1907–15.

Lange, H. O. *Das Weisheitshuch des Amenemope*. Copenhagen: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1928.

Lichtheim, Miriam. *Ancient Egyptian Literature: A Book of Readings*. 3 vols. Berkeley and Los Angeles: University California Press, 1973, 1976, 1980.

Marblestone, Howard J. "Dictys Cretensis: A Study of the Ephemeris Belli Troiani as a Cretan Pseudepigraphon." Ph. D. Dissertation, Brandeis University, 1970 (distr. By University Microfilms, Ann Arbor, Michigan).

Marinatos, Spyridon. "Grammátōn didaskália." *Minoica* (Festschrift for Johannes Sundwall). Berlin: Akademik-Verlag (1958): 226–31 (pl. I)

Matthiae, Paolo. *Ebla: An Empire Rediscovered*. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1981.

Mercer, S. A. B. *The Tell el-Amarna Tablets*. 2 vols. Toronto: Macmillan, 1919.

Merrigi, Piero. *Grammatica*. In *Manuale di Eteo Geroglifico*, vol. I. Rome: Edizioni dell'Ateneo, 1966.

—". Tessi. In *Manuale di Eteo Georglifico*, vol. 2. Rome: Edizioni dell'Ateneo, 1967.

Meyer, Eduard. *Geschichte des Altertums*, 4 vols. 2d 3d. Stuttgart and Berlin: Gotta'sche Buchhandlung, 1907–39.

Nougayrol, Jean. *Le palais royal d'Ugarit IV*. Paris: Imprimerie Nationale, 1956.

Pettinato, Giovanni. *Catalogo dei Testi Cuneiformi de Tell Mardikh-Ehla*. Naples: Istituto Universitario Orientale di Napoli, 1979.

—". *Testi Amministrativi della Bibliotheca L. 2769*. Naples: Istituto Universitario Orientali, di Napoli, 1980.

Pfeiffer, R. H., and Speiser, E. A. "One Hundred New Selected Nuzi Texts." *Annual of the American Schools of Oriental Research* 16 (1935–36): 9–168.

Platon, N., and Brice, W. C. *Inscribed Tablets and Pithos in Linear A System from Zakro*. Athens: Library of the Archaeological Society, 1975.

Poebel, Arno. *Grundzüge der sumerischen Grammatik*. Rostock: privately printed by the author, 1923.

Pope, Maurice. *The Story of Decipherment: From Egyptian Hieroglyphic to Linear B*. London: Thames & Hudson Ltd., 1975.

Pritchard, James B. *Ancient Near Eastern Texts: Relating to the Old Testament*. 3d ed. with suppl. Princeton: Princeton University Press, 1969.

Richard, Roberta J. "HT 31 An Interpretation." *Kadmos* 13 (1974): 6-8.

Saggs, H. W. F. *The Greatness That was Babylon*. New York: Hawthorn Books, 1962.

Salonen, Armas. *Die Hausgeräte der alten Mesopotamien II: Gefässe*. Helsinki: Finnish Academy of Sciences, 1966.

Sasson, Jack M. *Ruth*. Baltimore and London: John Hopkins University Press, 1979.

Soden, W. Von. *Grundriss der Akkadischen Grammatik*. Rome: Pontifical Biblical Institute, 1952 (2d rev. Ed. with suppl., 1969).

Sollberger, Edmond. "The Eteocretan Inscription from Psycho." *Kadmos* 15 (1976): 84-86.

Sturtevant, E. H., and Bechtel, G. *A Hittite Chrestomathy*. Philadelphia: Linguistic Society of America and the University of Pennsylvania, 1935.

Thureau-Dangin, François. *Die sumerischen und akkadischen Königinschriften*. Leipzig: Hinrichs, 1907.

Ungnad, Arthur. *Grammatik des Akkadischen*, rev. By L. Matouš. Munich: Beck, 1964.

Virolleaud, Charles. "Les inscriptions cunéiformes de Ras Shamra." *Syria* 10 (1929): 304-10 (pls. LXI-LXXX).

—". "Le déchiffrement des tablettes alphabétiques de Ras-Schamra." *Syria* 12 (1931): 15-23.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие к дополненному и расширенному изданию	8
Предисловие к первому изданию	12
Глава 1. Коды и шифры	20
Глава 2. Дешифровка египетской письменности	39
Глава 3. Дешифровка Гротефендом древнеперсидской письменности	63
Глава 4. Освоение шумеро-аккадского наследия	81
Глава 5. Клинописный и иероглифический хеттский язык	118
Глава 6. Угарит. Дешифровка и взаимодействие с другими культурными традициями	138
Глава 7. Эгейская слоговая письменность	150
Глава 8. Архивы Эблы	196
Глава 9. Образцы найденных сокровищ	219
Послесловие	257
Примечания	266
Библиография	282

Научное издание

Гордон Сайрус Герцль

ЗАБЫТЫЕ ПИСЬМЕНА

Открытие и дешифровка

Главный редактор *Чубарь В. В.*

Принимающий редактор *Антонов Т. В.*

Выпускающий редактор *Трофимов В. Ю.*

Художественный редактор *Лосев П. П.*

Корректор *Смирнова О. Б.*

Оригинал-макет *Капитоновой Е. А.*

Изд. лицензия ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.

Подписано в печать 25.04.2002. Формат 70 × 100 ¹/₃₂.

Печ. л. 7. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печать
офсетная. Тираж 2000 экз.

Заказ № 3245

ООО Издательская группа «Евразия»

191194, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н
тел. 303-93-25

e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12